

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Петрозаводский государственный университет»

На правах рукописи

КОШЕЛЕВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

**ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ВЕПСКОМ ЯЗЫКЕ:
СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, член-
корреспондент РАН, профессор
Ирма Ивановна Муллонен

Петрозаводск – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ВЕПССКОМ ЯЗЫКОВОМ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ КОНТЕКСТЕ	16
1.1. Вепсский язык: от диалектов к письменной норме	16
1.2. Вепсские языковые материалы	20
1.3. История исследования именных форм глагола в вепсском языке	28
1.4. Именные формы глагола в вепсском языке: теоретические и методологические основы исследования	33
ГЛАВА 2. ОБРАЗОВАНИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНФИНИТИВОВ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ	40
2.1. Образование формы I инфинитива	42
2.2. Особенности функционирования I инфинитива	64
2.3. Особенности образования и функционирования формы II инфинитива	88
2.4. Образование формы III инфинитива	105
2.5. Особенности функционирования III инфинитива	109
2.6. Историческая форма <i>tine</i> -инфинитива	124
ГЛАВА 3. ПРИЧАСТИЕ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ	130
3.1. Грамматическая природа причастий	133
3.2. Показатель <i>i</i> -причастия: выбор между двумя именными суффиксами	135
3.3. Особенности функционирования активного <i>i</i> -причастия	137
3.4. Показатели активного <i>ni</i> -причастия	143
3.5. Особенности функционирования активного <i>ni</i> -причастия	146
3.6. Генезис и модификации показателя пассивного причастия	149
3.7. Особенности функционирования пассивного причастия.	154
3.8. Причастия как часть аналитических форм	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	172
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	173
ПРИЛОЖЕНИЕ	191

ВВЕДЕНИЕ

Инфинитивы и причастия, сочетающие в себе признаки глагола и имени, являются важным элементом грамматической структуры прибалтийско-финских языков. Конструкции с именными формами с праязыковых времен были существенной особенностью прибалтийско-финского синтаксиса. Диссертационная работа «Именные формы глагола в вепсском языке: становление и функционирование» посвящена изучению истории образования и анализу формальных, функционально-синтаксических и семантических особенностей именных форм глагола (инфинитивов и причастий) в вепсском языке в его литературном и диалектных вариантах.

Вепсский язык, являясь языком малочисленного народа, требует комплексного изучения для его возрождения и сохранения. **Актуальность** настоящего исследования обусловлена в первую очередь недостаточной изученностью именных глагольных форм в вепсском языке. Данное исследование представляет материалы по именным формам глагола (инфинитивам и причастиям) вепсского языка в его диалектах и литературной норме, а также восполняет пробелы, имеющиеся в исследовании истории показателей названных форм в области исторической грамматики и изучения синтаксиса вепсского языка. Оно имеет прямой выход в практику языкового строительства, разработку нормативной грамматики, а также обучения вепсскому языку.

Целью исследования является описание именных форм глагола (инфинитивов и причастий) в вепсском языке с точки зрения их образования и исторического становления, места и роли в структуре предложения. **Объектом** исследования выступили именные формы глаголов, представленные в трех диалектах, а также в нормированном варианте вепсского языка. **Предметом** исследования являются особенности их образования, синтаксические функции и семантическая роль в предложении.

Задачи. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

- провести инвентаризацию инфинитивных и причастных форм в диалектах вепсского языка с выявлением именных и глагольных признаков;
- описать хронологию и выявить описанные ранее основные положения, касающиеся исследования именных форм глагола в вепсском языке;
- реконструировать историю образования вепсских глагольных основ и установить зависимость фонетического облика грамматического показателя от типа основы;
- систематизировать и классифицировать вепсские языковые материалы с использованием инфинитивов и причастий по диалектному, синтаксическому и функциональному принципу;
- установить особенности образования и функционирования именных форм глагола в диалектах вепсского языка, а также в его литературном варианте и провести их сопоставительный анализ;
- охарактеризовать специфику синтаксических и семантических ролей инфинитивов и причастий в вепсском языке;
- проанализировать случаи употребления инфинитивов и причастий в диалектах вепсского языка и его литературном варианте с целью выделения наиболее продуктивных конструкций и определения характерных для каждого диалекта особенностей их функционирования;
- выявить следы иноязычного (русского, карельского, финского) языкового влияния на формирование и функционирование инфинитивных форм в отдельных диалектах и литературной норме языка.

Степень изученности. В отличие от вепсских финитных глагольных форм, именные формы не получили должного комплексного научного освещения. Отдельные фонетические процессы, происходившие на границе основы и инфинитивного или причастного показателей, описаны в фундаментальной работе Э. А. Тункело «Vepsän kielen äännehistoriaa» [146], где автор подробно рассматривает основные особенности фонетического строя вепсского языка на основе широкого диалектного материала, и в работах Н. Г. Зайцевой «Вепсский глагол» и «Очерки диалектологии вепсского языка»

[37; 47]. Особенности суффиксального глагольного словообразования подробно рассмотрела М. И. Зайцева в одноименном исследовании [35]. Синтаксис вепсского языка является малоизученным разделом языкознания. Одним из значимых исследований по синтаксису вепсского языка считается труд Л. Кеттунена «Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus» [123], где на большом количестве диалектного материала проанализированы в том числе некоторые синтаксические и семантические роли инфинитивов и причастий. На основе этого исследования позднее была выполнена работа М. И. Зайцевой «Vepsän kielen lauseoppi», где вепсское предложение рассматривается с точки зрения структурного синтаксического подхода [152]. Особенности функционирования инфинитивов и причастий в вепсских диалектах затронуты и в работе финского исследователя Р. Грюнталя «Vepsän kielioppi» [107]. Среди отечественных работ нужно отметить исследования Г. П. Ивановой [45; 46; 47], которая изучает полипредикативные конструкции сибирского говора средневепсского диалекта. Отдельная глава ее диссертации «Полипредикативные конструкции в сибирском говоре вепсского языка (в сопоставлении с пондальским говором средневепсского диалекта вепсского языка и другими прибалтийско-финскими языками)» [45] посвящена причастным и инфинитивным стратегиям оформления предиката зависимых предикативных единиц в вепсском языке. Кроме того, вепсские именные формы глагола в разной степени представлены в комплексных исследованиях по финно-угорским языкам [49; 65; 66; 84; 142; 153]. Эстонские лингвисты также проявляли интерес к вепсскому языку: так, в работах А. Кяхрик [62; 122] особое внимание уделяется характеристикам глагольных основ в южновепсском диалекте. Среди эстонских исследователей вепсского языка важно также отметить имена П. Аристэ [105], П. Алвре [104], Т. Вийтсо [147], М. Йоалайд [117; 118], Й. Ёйспуу [128].

Именные формы глагола и их двойственная природа являются объектом исследования и в других финно-угорских языках России. Так, инфинитивы и причастия и их морфологические и синтаксические особенности

рассматривали в карельском языке такие лингвисты, как В. П. Федотова [92], Е. Л. Адель [1], П. М. Зайков [33], Л. Ф. Маркианова [67, 68], A. Sarhima [136]. В коллективной монографии «Карельский язык в грамматиках» [77] есть отдельные главы, обобщающие наработки предшествующих исследователей. В коми языке изучению инфинитивов свои работы посвятили Т. И. Прокушева [78; 79; 80], С. А. Сажина [85], Е. А. Цыпанов [97; 98]. В статье З. М. Дубровиной и В. М. Лудыковой [30] представлено сравнительное исследование *m*-ового инфинитива в коми и финском языках. Говоря об изучении именных форм глагола в марийском языке, нужно отметить работы Т. Л. Амельченко [4], Л. А. Андреевой [5; 6; 7], Г. И. Лаврентьева [63; 64], Г. Л. Соколовой [86], особое место в изучении синтаксиса марийского языка занимают труды Ю. В. Андуганова [8; 9]. Вопрос функционирования именных форм глагола в мордовских языках поднимается в работах В. И. Учкиной [90] и Л. П. Водясовой, которая изучает инфинитивы в современном эрзянском языке [24; 25]. Вопросы синтаксиса мордовских языков рассматривал М. Н. Коляденков [50]. О неопределенной форме глагола в диалектах удмуртского пишет Л. Л. Карпова [48]. А. А. Арзамазов [10; 11] анализирует функции удмуртского инфинитива на основе обширного материала лирических текстов.

Теоретической и методологической основой работы послужили труды российских и финских исследователей в области финно-угроведения. В ряду работ, на которых основана теоретическая база данного исследования, можно назвать монографии Л. Кеттунена «*Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus*» [123], в которой на основе богатого диалектологического материала представлено описание синтаксической системы вепсского языка, и Э. А. Тункело «*Vepsän kielen äännehistoriaa*» [146], где описаны основные особенности и генезис фонетического строя вепсского языка. Анализ фонологической и морфологической систем, предпринятый на основе одного из восточных вепсских говоров М. И. Зайцевой [34]. В работах Н. Г. Зайцевой «Вепсский глагол» [37] и «Очерки вепсской диалектологии

(лингвогеографический аспект)» [41] описаны особенности образования глагольных форм в вепсских диалектах. В силу того что вепсский язык имеет молодую историю письменности и довольно скудную теоретическую базу, актуальными для данной работы стали исследования по феннистике, а именно фундаментальная грамматика финского языка «Iso suomen kielioppi» [109], и синтаксису современного финского языка следующих авторов: З. М. Дубровина [28; 29; 30], М. Э. Куусинен [61], L. Hakulinen [109], I. Herlin [113; 114], E. Itkonen [116], F. Karlsson [120], O. Kuparinen [124], T. Lehtinen [125], H. Leskinen [127], A. Penttilä [130], P. Saukkonen [137; 138], M. Vilkkuna [148], L. Visapää [150]. Вследствие близких контактов вепсов с русскими, отразившихся на всех уровнях языка, в работе также использовались труды по русской грамматике Н. Д. Арутюновой [13], Ф. И. Буслаева [20], В. В. Виноградова [21], П. С. Кузнецова [60], Д. Э. Розенталя [83], Н. Ю. Шведовой [99] и др.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые комплексному исследованию подвергаются вепсские именные формы глагола. Выявляются исторические основания образования фонетических вариантов показателей инфинитных форм. В ходе исследования рассматриваются особенности их образования и функционирования в предложении, что позволяет уточнить и расширить представление о синтаксической структуре вепсского языка. В научный оборот введен значительный объем новых материалов по вепсской диалектологии.

Ожидаемые научные результаты. Описание именных форм глагола вепсского языка на фоне других прибалтийско-финских языков и с учетом значительного русского влияния на морфологическом, лексико-семантическом и синтаксическом уровнях; проведение подробного анализа и выявление специфических особенностей синтаксических функций и семантических ролей инфинитивов и причастий в вепсских диалектах и новописьменном языке.

Теоретическая и практическая значимость работы. Понимание механизмов происходивших процессов и на языковом уровне, и в период самостоятельного формирования вепских диалектов необходимо как для теоретического прибалтийско-финского языкознания, так и для практики преподавания. Не менее насущно описание современного функционирования именных форм глагола. Научная разработка вепских именных форм способна восполнить пробел, существующий сейчас в прибалтийско-финском языкознании. Теоретическая значимость заключается в научном анализе принципиально важного для структуры прибалтийско-финских языков класса инфинитивов и причастий, которые составляют неотъемлемую часть вепской грамматической системы. Анализ позволяет ввести в научный оборот новые вепские материалы по именным формам глагола, обозначить, с одной стороны, единые истоки вепских инфинитивов и причастий и именных форм глагола других прибалтийско-финских языков, с другой – выявить специфику и генезис этих форм. Исследование существенно для последующих изысканий в области вепского синтаксиса. Теоретическая новизна заключается также и в изучении того, как проявляют себя анализируемые структуры в процессе активного русского языкового воздействия и как в результате этого влияния видоизменяются их синтаксические функции

Полученные результаты найдут применение при исследовании соответствующих структур в других финно-угорских языках и их диалектах. Материалы и результаты исследования могут быть использованы прежде всего для разработки нормированного вепского языка, а также в создании учебных пособий и рабочих программ по грамматике и синтаксису вепского языка для учебных заведений, где ведется его преподавание.

Методология и методы исследования. В процессе работы над диссертацией применялись традиционные методы лингвистических исследований. Исследование основано на комплексном подходе, включающем использование грамматического и синтаксического анализа. На уровне синхронного изучения явлений был применен традиционный описательный

метод, сопровождающийся категориальным анализом. Он позволил выявить и первично классифицировать именные формы глаголов в вепсском языке. Параллельно привлекался метод компонентного анализа. Широкое применение в работе получили сравнительный и сравнительно-сопоставительный методы, которые использовались для выявления особенностей вепсского синтаксиса на внутриязыковом (вепсские диалекты и говоры) и межъязыковом (прибалтийско-финские языки, русский язык) уровнях. Методы лексикографического, корпусного и синтагматического анализа позволили определить семантические роли инфинитивов и причастий в вепсском языке.

Для достижения цели исследования проанализирован широкий диалектологический эмпирический материал, для которого использовались данные Открытого корпуса вепсского и карельского языков (ВепКар), которые позволили провести количественный и качественный анализ употребления инфинитивов и причастий в реальных языковых контекстах. Также для сбора материала применялся полевой метод исследования, включающий в себя интервью с языковыми носителями, проживающими на традиционных вепсских территориях, а именно д. Каскесручей, Рыбрека, Другая Река, Шёлтозеро Прионежского р-она Республики Карелия (северные вепсы), д. Тервеничи, Алеховщина, Подпорожье Лодейнопольского р-она (средние западные вепсы) и д. Радогощ Бокситогорского района Ленинградской области (южные вепсы), Пяжозерское и Вепское сельские поселения Бабаевского р-она Вологодской области (средние восточные вепсы). Составленный для полевых выездов опросник (см. Приложение) помог дополнить статистику, демонстрирующую частотность использования в речи тех или иных именных форм глагола, и найти новые случаи их употребления. Кроме того, при создании эмпирической базы исследования были использованы опубликованные ранее образцы вепсской речи, собранные отечественными и финскими исследователями. Значительный объем анализируемого материала был отобран из составленных в 1969 г.

М. М. Зайцевой и М. М. Муллонен «Образцов вепсской речи» [155], в которых представлен широкий спектр бытовых и фольклорных текстов на средневепсском и южновепсском диалектах. Для анализа южновепсского диалекта был использован сборник, подготовленный Л. Кеттуненом «Näytteitä etelävepsästä» (Образцы южновепсской речи) [160; 164], в котором представлена богатая база текстов, отражающих южновепсские говоры. Сборник А. Совиярви и Р. Пелтола «Äänisvepsän näytteitä» (Образцы северновепсской речи) [174] послужил источником для анализа примеров северновепсских говоров. В сборнике Э. Сетяля и Ю. Кала «Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista» (Образцы речи северно- и средневепсского диалектов) [172] представлен материал сразу двух диалектов вепсского языка. Также широкий диалектный материал, затрагивающий специфический язык жанра вепсских причитаний и позволяющий проанализировать особенности употребления в нем именных форм глагола, представлен в книге Н. Г. Зайцевой и О. Ю. Жуковой «Käte-ške käbedaks kägoihudeks» («Обернись-ка милой кукушечкой») [43]. Кроме того, часть анализируемых примеров была заимствована из сборника «Вепсские сказки», составленного Н. Ф. Онегиной и Н. Г. Зайцевой. В сборнике представлены сказки всех диалектов вепсского языка, записанные в 30–80 гг. прошлого столетия [153]. Для перевода вепсских лексем и предложений в работе использовались словари вепсского языка [183; 184; 185].

Положения, выносимые на защиту:

1. Вепсская система именных форм глагола включает три формы инфинитива: (I или *-da*-инфинитив, II или *-de*-инфинитив, III или *-ta*-инфинитив), а также три формы причастия: 1. причастие актива с показателем *-i*, 2. причастие актива с показателем *-ni* и пассивное причастие с показателем *-tud*. В соответствии с общей прибалтийско-финской системой они совмещают в себе функции глагола и имени как на уровне морфологии, так и синтаксиса.
2. Для анализа фонетической структуры инфинитных форм исключительную роль играет тип словообразовательной глагольной основы.

Между типом основы и структурой грамматического показателя исторически существовала прямая связь, сгладившаяся со временем. Синхронная система из трех типов вепских глагольных основ сложилась исторически из двух – гласной и согласной. Своеобразие вепской системы на фоне других прибалтийско-финских систем основано на двух существенных общевепских фонетических инновациях: синкопе гласного второго слога и нивелировке альтернатиции взрывных согласных.

3. История показателей восходит к периоду прибалтийско-финского языкового единства. В ходе самостоятельного развития вепского языка происходило преобразование облика формантов, вызванное фонетическими изменениями, действием аналогии, переразложением в морфемном составе.

4. Основные грамматические признаки вепских инфинитивов и причастий эквивалентны соответствующим свойствам данных структур в родственных языках. Однако в ходе исторического развития, с одной стороны, оказались утраченными некоторые инфинитные формы или сузились их словоизменительные параметры. С другой стороны, оформились определенные синтаксические функции, несвойственные соответствующим формам в других прибалтийско-финских языках.

5. В ходе тесного языкового вепско-русского взаимодействия и распространения двуязычия у вепсов конструкции с инфинитивами и причастиями в отдельных функциях сблизились с соответствующими русскими синтаксическими структурами.

6. Вепские диалекты обнаруживают значительную близость в образовании и функционировании инфинитных форм. Младописьменный вепский язык опирается на диалектные данные, при этом он испытывает определенное влияние со стороны синтаксиса русского и финского языков.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения, выдвинутые в научно-квалификационной работе, были представлены на российских и международных конференциях и семинарах, таких как: 68-я и 69-я Всероссийская (с международным участием) научная

конференция обучающихся и молодых ученых ПетрГУ (г. Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет, 2016, 2017); научная конференция «Бубриховские чтения: Карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур» (г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2016); научная конференция «Бубриховские чтения: Текст в финно-угорском языковом и социокультурном пространстве» (г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2018); научная конференция «Бубриховские чтения: Задокументированное народное слово» (г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2020); «Бубриховские чтения: языки и культуры в эпоху цифровизации» (г. Петрозаводск, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2022); Международная научно-практическая конференция «Притяжение Севера: язык, литература, социум» (г. Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет, 2018); Семинар для молодых ученых в области финно-угроведения (г. Эспоо, Финляндия, 2018); Международная научная конференция, посвященная дню Микаэля Агриколы (г. Нарва, Эстония, Нарвский колледж Тартуского университета, 2017, 2021); Всероссийская конференция «Арктика и Север глазами ученых: результаты экспедиционной деятельности» (г. Петрозаводск, Петрозаводский государственный университет, 2022); Научно-практическая конференция «Аспекты сохранения культурного наследия финно-угорского мира» (г. Сыктывкар, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2023).

По теме научно-квалификационной работы издано 10 публикаций, 5 из которых опубликованы в научных рецензируемых журналах, включенных в Перечень изданий, рекомендованных ВАК.

Диссертационное исследование проводилось на кафедре прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета.

Структура диссертации. Диссертация включает в себя введение, основное содержание, изложенное в трех главах, заключение,

библиографический список, перечень сокращений и приложение. Общий объем диссертации составляет 192 страницы.

Во введении обосновывается выбор темы, его актуальность, формулируются цели, задачи, определяется научная новизна работы, а также ее практическая и теоретическая значимость. Описываются использованные методология и методы исследования.

Первая глава состоит из четырех разделов. В ней дается описание вепсского языка с точки зрения его развития и современного положения, представлены анализ и классификация языковых материалов, используемых в работе, дана справка об истории изучения инфинитивов и причастий в вепсском языке. Кроме того, в главе представлено описание теоретических и методологических основ исследования.

Во второй главе, состоящей из шести разделов, выявляются механизмы и фонетические условия формирования вариантов показателей инфинитивов. Дана подробная характеристика синтаксических функций и семантических ролей трех инфинитивов вепсского языка, дана краткая характеристика формы так называемого *mine*-инфинитива. Выявлены свойственные вепсскому языку особенности функционирования инфинитивов, а также следы влияния на их структуру родственных и соседствующих языков (русского, финского, карельского).

Третья глава посвящена причастиям. В восьми разделах рассматриваются особенности образования и функционирования причастий в вепсском языке, их употребление и роль в предложении, проводится сравнительный анализ синтаксических функций и семантических особенностей причастий вепсского языка и функций причастий в родственном финском и соседствующем русском языке. В этой главе причастие рассматривается как часть аналитической формы, описывается ранее не освещенная в отечественных исследованиях агентная роль пассивного причастия, а также предлагается решение основного противоречия, заключающегося в проблеме

определения категориального статуса вепсских причастий посредством анализа их глагольно-именных признаков.

В заключении подводятся итоги исследования и сформулированы основные его выводы, определены дальнейшие перспективы работы.

ГЛАВА 1. ИМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ВЕПССКОМ ЯЗЫКОВОМ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ КОНТЕКСТЕ

1.1. Вепсский язык: от диалектов к письменной норме

Вепсы – коренной малочисленный народ, территория традиционного проживания которого находится в Республике Карелия, Вологодской и Ленинградской областях. Численность вепсов составляет по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. 4687 человек, большая часть из которых – это жители республики Карелия¹. Вепсы Карелии проживают в Прионежском районе, на юго-западном побережье Онежского озера, вологодские – в Бабаевском и Вытегорском районах, а ленинградские – в Подпорожском, Лодейнопольском, Бокситогорском и Тихвинском районах Ленинградской области.

Впервые вепсы упоминаются еще в русских летописях под наименованием *весь*. В дальнейшем в русских памятниках письменности применительно к вепсам использовался этноним *чудь*, и считалось, что летописная *весь* ассимилировалась в русском окружении. Но в XIX веке российский ученый А. М. Шёгрэн во время экспедиций по местам проживания финно-угорских народов открыл продолжателей исторической *веси* в лице современных вепсов [22, с. 277; 47, с. 11].

Вепсский язык входит в северную группу прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи и разделяется на три диалекта. Наиболее близкими к вепсскому языку являются финский, карельский и ижорский языки. В конце XIX века финские лингвисты выделили и описали основные особенности диалектов вепсского языка. Наименования диалектов указывают на расположение ареалов проживания вепсов (см. рис. 1):

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020. Том 5. Таблица 17. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 15. 01. 2025).

- северновепсский, или прионежский, ареал которого находится на юго-западном побережье Онежского озера. Северные вепсы проживают на территории Прионежского района Республики Карелия, крупнейшим из поселений является Шёлтозеро [41, с. 15];
- средневепсский, который разделяется на западные (на р. Свирь) и восточные говоры (Онежско-Белозерский водораздел), на которых говорят вологодские вепсы [42, с. 86]. Здесь можно выделить куйско-пондальские, пияозерские и шимозерские говоры. Все восточные говоры, сохраняя некоторые архаические черты, существенно отличаются друг от друга и от западновепсских говоров средневепсского диалекта. Западные говоры распространены на территории Ленинградской области – в Подпорожском, Лодейнопольском и Тихвинском районах;
- южновепсский с ареалом проживания на р. Лидь в верховьях Волжского бассейна. Южновепсский диалект бытует в Бокситогорском районе Ленинградской области.

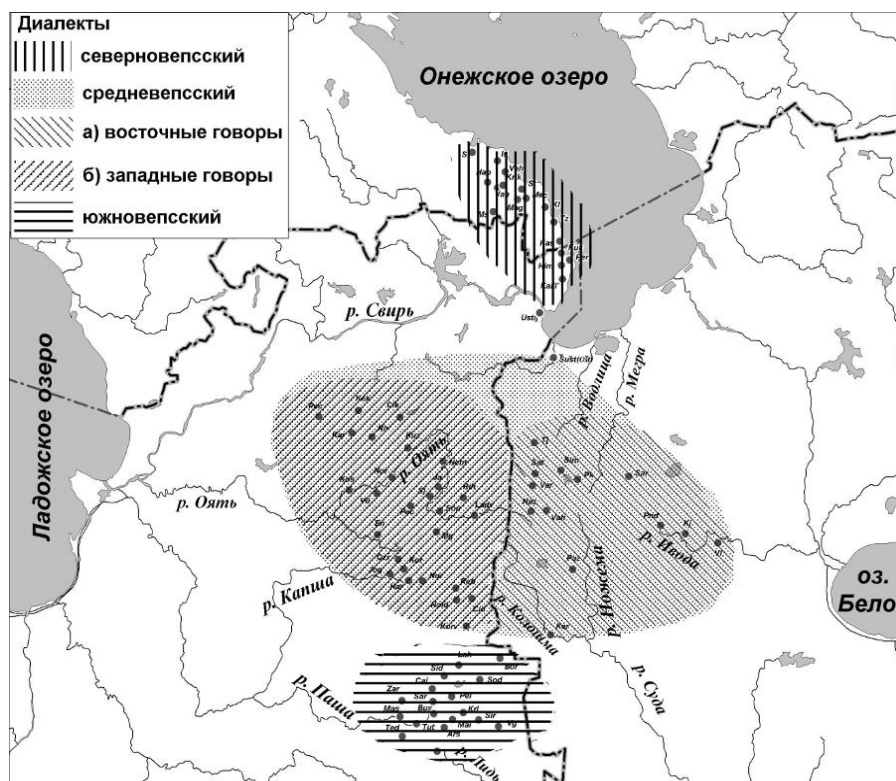

Рис. 1. Карта-схема современного проживания вепсов и расположения диалектных ареалов вепсского языка [42, с. 9]

Все вепсские говоры испытали значительное русское языковое влияние, а северный (или прионежский) содержит еще и четкие следы карельских контактов.

Проведенный И. П. Новак лингвогеографический анализ базисной лексики шести говоров из всех диалектов вепсского языка, представленной в «Сопоставительно-ономасиологическом словаре диалектов карельского, вепсского и саамского языков», позволил сделать вывод об однородности их лексических систем. На первом уровне полученной исследователем кластерной карты выделяется две группы: северная, представленная северновепскими говорами, и южная, объединившая средне- и южновепские говоры. Своеобразие северновепского диалекта объясняется значительным карельским языковым воздействием [71, с. 96]. Анализ фонологической системы, проведенный на основе изученных И. П. Новак лексических единиц, также продемонстрировал относительное единство вепсских говоров [72, с. 80].

Вместе с тем в процессе работы над Лингвистическим атласом вепсского языка [44] исследователи пришли к выводу, что при значительной однородности вепсских диалектных ареалов каждый из них обладает своей спецификой. Эта специфика выражается в разной степени сохранности прибалтийско-финского языкового наследия, а также в инновациях, которые возникли в диалектных ареалах в ходе их самостоятельного развития [42, с. 87].

Вепсская письменность не имеет богатой истории. В финно-угорской языковой семье только эстонский, венгерский и финский языки имеют длительные письменные традиции [41, с. 15]. До 30-х гг. прошлого столетия письменность у вепсов отсутствовала. В 1930-е гг. в этнонациональной политике России произошли кардинальные перемены, последствия которых отразились на положении многих коренных народов и их языков [88]. Государство стало вести кампанию так называемой «коренизации», которая состояла в поддержке этнокультурного развития нерусских народов и

национальных меньшинств [87, с. 91]. Общая задача культурной революции заключалась в ликвидации безграмотности, организованной среди нерусского населения через обучение на родном языке, процесс изучения которого, в частности у вепсов, тормозило отсутствие письменности.

Создание вепсской письменности в Ленинградской области стало важнейшим достижением государственной политики «коренизации» [22, с. 280]. Языковые материалы для учебников собирались в начале 1930-х гг. в Оштинском и Винницком районах Ленинградской области и в Шёлтозерском районе Карелии [Там же]. Разработкой учебников и вепсского алфавита занималась группа ученых под руководством Н. И. Богданова. Первая научная экспедиция к вепсам была совершена значительно позднее (в 1952 г.), чем был издан первый вепсский букварь (1932 г.). В период с 1931 по 1937 гг. было подготовлено несколько десятков книг на вепсском языке, в которых были заложены основы правописания [41, с. 16]. Во второй период функционирования вепсской письменности, который начался в конце 80-х гг. прошлого столетия, эти материалы послужили хорошей базой для ее ревитализации.

Современный период длится более 30 лет. Благодаря работе исследователей языка, активистов, писателей и журналистов постепенно вырабатывается концепция вепсского младописьменного языка. Возникла вепсская интеллигенция, которая владеет вепским литературным языком и использует младописьменную норму произношения и правописания. Весь выработанный за это время письменный багаж и нормы нуждаются в серьезном теоретическом осмыслении [22, с. 327]. Несмотря на активное функционирование младописьменной нормы вепсского языка, преподавание которого ведется в школах республики Карелия и Петрозаводском государственном университете, диалектные формы продолжают активно использоваться в местах традиционного проживания вепсов. Н. Г. Зайцева [41] констатирует, что серьезного влияния на диалекты со стороны создаваемой литературной и письменной нормы не обнаруживается.

Сохранение диалектных вариантов и активное функционирование его новописьменной нормы расширяют возможности научных исследований вепсского языка и позволяют провести сравнительный анализ всех его вариантов по изучаемой теме, выявить закономерности и отличительные особенности функционирования и использования инфинитных форм глагола, а также более глубоко изучить процесс их формирования.

1.2. Вепские языковые материалы

Используемые в работе вепские диалектные материалы представлены в нескольких источниках: образцах вепсской речи, собранных финскими и российскими исследователями в период с 1824 по 1960 гг., диалектных словарях, научных исследованиях, посвященных вепсскому языку, истории и литературе, а также в личных записях автора и в интервью с носителями вепсского языка, размещенными в СМИ.

Большой интерес представляют собой коллекции финских исследователей, экспедиции которых на вепские земли происходили в XIX – начале XX вв. По мнению Н. Г. Зайцевой, эти записи можно считать «своеобразной письменной историей языка» [41, с. 17].

Первые поездки были совершены исследователем-языковедом А. М. Шёгреном (1794–1855) в 20-е гг. XIX в. Материалы, собранные в результате поездок, не были опубликованы. Известный собиратель прибалтийско-финского фольклора и автор эпоса «Калевала» Элиас Лённрот (1802–1884) побывал у средних вепсов на берегах р. Оять в 1842 г. Полевые материалы, собранные в экспедиции, послужили основой для создания сборника «Vepsänman sarnad» (Вепские сказки) [167], изданного в 2006 г.

Во второй половине XIX – начале XX вв. были опубликованы различные образцы вепсской речи. Одним из самых ярких примеров является сборник «Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista» (Образцы речи северно- и средневепсского диалектов) [172], материалы для которого собирались в

1888–1889 гг. и 1916 г. доцентом, а затем профессором университета Хельсинки Э. Н. Сетяля и его помощником Ю. Кала. Изложение материала в сборнике представлено в виде записей рассказов местных жителей о различных сферах вепсской традиционной культуры и фольклорных произведений (свадебных и похоронных причитаний, заговоров, кумулятивных песен и т. д.). Это издание является одним из самых обширных в своем роде. Его ценность состоит в большом диалектном разнообразии текстов, включающих в том числе и образцы речи исчезнувших уже вепсских поселений.

Еще одним финским исследователем и собирателем вепсских диалектов является лингвист Л. Кеттунен. В 1920 г. был опубликован подготовленный ученым первый том образцов южновепсской речи «Näytteitä etelävepsästä» [160], материал которого дает представление о говорах южных вепсов. Существенное внимание в сборнике уделяется именно фольклорным текстам. Второй том образцов южновепсских говоров был издан в 1925 г. [161].

Богатый северновепсский материал, в полной мере раскрывающий особенности говоров прионежских вепсов, представлен в сборнике «Äänisvepsän näytteitä» [174]. Составителями сборника выступили исследователи А. Совиярви и Р. Пелтола, совершившие полевые выезды в ряд деревень Прионежского района (Шокша, Матвеева Сельга, Розмега, Каккарово, Гимрека, Ропручей, Залесье и др.) летом 1943 г.

С начала XX в. экспедиции к вепсам с целью сбора лингвистического материала проводились отечественными языковедами, учеными Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук. Основы этой работы были заложены Д. В. Бубрихом, который принимал активное участие в подготовке экспедиции к вепсам 1931 г., по итогам которой был создан алфавит вепсского языка и разработаны основы вепсской письменности. В послевоенное время собирательскую и исследовательскую работу продолжили Н. И. Богданов, подготовивший первую отечественную диссертацию о вепсском языке [15] и бывший одним из основоположников

вепсской письменности и исследователем вепсских диалектов [23], а также М. М. Хямяляйнен, который вместе с Ф. Андреевым составил первый вепско-русский словарь в эпоху зарождения вепсской письменности [188].

По-настоящему широкомасштабная экспедиционная работа развернулась в 1960–1970 гг. в связи со сбором материала для «Словаря вепсского языка». Первые ее итоги были обобщены в 1969 г. в сборнике «Образцы вепсской речи» [155]. Материалом для него послужили тексты, записанные как исследователями первой половины XX в. – Н. И. Богдановым и М. М. Хямяляйненом, так и его составителями М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен. Тексты, включенные в сборник, представляют собой записи живой разговорной речи. Информантами для создания сборника выступали в основном люди старшего поколения, как правило, неграмотные или малограмотные, речь которых наименее подверглась влиянию русского языка. Тексты, представляющие средневепсский и южновепсский диалекты, содержат сведения о материальной и духовной культуре вепсов, а также фольклорный материал: сказки, причитания, пословицы, загадки и частушки.

В 1972 г. вышел словарь вепсского языка, составителями которого были М. И. Зайцева и М. И. Муллонен [183]. Это был первый (и пока единственный) опыт создания диалектного словаря вепсского языка. В него вошла вся вепсская лексика, которая была собрана финскими и российскими лингвистами в районах расселения вепсов. В словарь включен словарный материал всех диалектов вепсского языка, а контексты могут служить пособием при изучении материальной и духовной культуры его носителей. Иллюстрации отражают различные стороны жизни народа, содержат пословицы, загадки, поверья и т. п.

В 1996 г. вышел в свет сборник под названием «Вепские народные сказки», составленный Н. Ф. Онегиной и Н. Г. Зайцевой [153]. Сказки, включенные в это издание, представляют все три вепсских диалекта: они были записаны в Прионежье, Ленинградской и Вологодской областях. В сборнике

содержится 55 текстов сказок из архива КарНЦ РАН, записанных с 1937 по 1981 гг.

Еще одним источником образцов диалектной речи является относительно новый труд исследователей вепсского языка и литературы Н. Г. Зайцевой и О. Ю. Жуковой «Käte-ške käbedaks kägoihudeks» («Обернись-ка милой кукушечкой») [43]. В него входят материалы такого фольклорного жанра, как причитания, который был особенно развит у вепсов [32]. Составители сборника выявили в коллекции Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН несколько десятков текстов причитаний, зафиксированных в разные годы на всех территориях проживания вепсов и отражающих в том числе диалектные особенности вепсской речи. Так, тексты причитаний содержат достаточно большое количество предложений с редкими инфинитивными конструкциями, которые практически не используются в повседневном общении вепсов, а также в младописьменной норме вепсского языка.

Вышеперечисленные образцы речи и фольклорные сборники являются достоверным материалом для описания и анализа инфинитивных конструкций в вепсской диалектной речи.

До недавнего времени возможности сбора и анализа диалектных данных были ограничены лишь проведением полевых исследований, результаты которых фиксировались в фонограммархивах и картотеках, массовый доступ к которым был затруднен. Кроме того, с вепскими диалектными материалами можно было ознакомиться с помощью так называемых образцов речи, собранных российскими и финскими исследователями. Они по сей день представляют собой уникальный источник информации в области языков коренных народов, их фольклора и этнографии [39, с. 265]. В настоящее время экспедиционные выезды в вепские сельские поселения с целью сбора лингвистического материала проводятся сотрудниками Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, студентами, изучающими вепсский язык

в рамках собственных исследований, а также в рамках социальных проектных инициатив².

На сегодняшний день традиционные методы сбора, анализа и хранения языковых данных, включая их запись, расшифровку и другие процессы обработки, дополняются современными подходами, например компьютерной лингвистикой, предполагающей создание лингвистических корпусов. В последние годы для решения различных ключевых задач в языкознании активно используется такой инструмент, как «корпус языка» [76, с. 3]. Помимо этого, использование языковых корпусов способствует значительному ускорению обработки языковых материалов, что делает корпусы особенно привлекательными для ученых-языковедов. Возможность быстрого доступа к языковым данным, поиска определенных грамматических категорий, классификации текстов по диалектам существенно расширяет возможности для эффективного поиска нужной информации.

В настоящее время доступ к диалектным материалам упрощает то, что их значительная часть находится в сети Интернет. На сайте Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН они представлены в виде Корпуса вепсского языка [155]. Собранные сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН полевые данные публиковались в корпусе начиная с середины 2010-х гг. Корпус является не только исследовательским инструментом, но и источником практических сведений о языке, с помощью которого можно быстро решить поисковую задачу, направленную, например, на выявление различных грамматических и синтаксических конструкций, употребления именных форм глагола и т. п. [41, с. 41].

Создание «Открытого корпуса вепсского и карельского языков», известного под названием ВепКар [157], стало продолжением работ по

² Проект «Вепсский мир: прошлое и будущее сегодня», созданный КРОО «Клуб молодёжных проектов и инициатив» (сроки реализации: 2021 г. при поддержке Фонда президентских грантов); Межрегиональный марафон записей вепсской и карельской речи «Слушаю родной говор», посвященный памяти Матвея Михайловича Хмяляйнена и Григория Николаевича Макарова (организаторы Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН).

Корпусу вепсского языка. Сотрудники ИЯЛИ КарНЦ РАН заполняют словарь ресурса и добавляют в него тексты. В настоящее время в корпусе насчитывается около 6785 текстов и 69633 леммы на вепсском и карельском языках. Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар) является многоязычным полнотекстовым лингвистическим корпусом, который содержит морфологическую, семантическую и метатекстовую разметку [59]. Он состоит из подкорпусов, выделение которых базируется на двух параметрах – языковой и стилистической принадлежности текстов [16]. Развитая система поиска текстов с фильтрацией по языковой принадлежности, информанту, месту сбора и году записи позволяет исследователю более качественно систематизировать изучаемый материал. Корпус делится на языки и наречия, в нем в достаточном объеме представлены все диалекты вепсского языка. Собственно, диалектные тексты составляют основу Корпуса. Их источником послужили экспедиционные записи исследователей-вепсологов ИЯЛИ КарНЦ РАН, хранящиеся в Фонограммархиве Института. Все диалектные тексты, представленные в Корпусе, имеют ограниченный по времени записи период: самые старые из них отмечены 1918 г., но основной период записи диалектных текстов приходится на 1960-е гг. Это обусловлено тем, что в указанный период, как уже отмечалось, велся активный сбор диалектного материала для вепсского диалектного словаря и в 1969 г. вышел сборник диалектных текстов «Образцы вепсской речи» [155], материалы которого размещены в ВепКаре. В Корпус регулярно вносятся новые тексты различных жанров и диалектов, однако в силу ограниченных исполнительских ресурсов лишь часть неопубликованных материалов, хранящихся в Фонограммархиве КарНЦ РАН, представлена в нем в настоящее время. В Корпусе отсутствуют в связи с определенными сложностями и тексты из образцов вепсской речи иностранных исследователей. Несмотря на это, диалектные вепсские материалы Корпуса являются репрезентативными и помогают выполнить поставленные перед исследователем задачи.

На момент проведения исследования в Корпусе было представлено около 340 диалектных текстов на вепсском языке, среди которых **43 северновепсских текста** (Залесье – 7, Каскесручей – 6, Рыбрека – 1, Шёлтозеро и входящие в него деревни – 12, Шокша – 6, Гимрека – 3), **57 южновепсских текстов** (Белое Озеро – 6, Боброзеро – 1, Керчаково – 1, Кортлахта – 3, Прокушево – 4, Радогощь – 2, Сидорово – 37, Федорова Гора – 4), **117 средневепсских восточных текстов** (Вахтозеро – 4, Войлахта – 8, Кривозеро – 5, Куя – 13, Ошта – 5, Пондала – 62, Пяжозеро – 2, Сяргозеро – 1, Торосозеро – 1, Шатозеро – 2, Шимозеро – 14), **122 средневепсских западных текста** (Каргиничи – 5, Кекозеро – 4, Курба – 1, Ладва – 46, Немжа – 3, Ниргиничи – 1, Озёра – 36, Пелдуши – 18, Подовинники – 1, Сарозеро – 1, Чикозеро – 1, Ярославичи – 2).

Согласно статистике, по сравнению со средневепсскими текстами, северно- и южновепсских текстов в корпусе представлено меньше. Это вызвано несколькими факторами: в опубликованных отечественных образцах вепсской речи нет северновепсских текстов, а южновепсский диалект представлен не так активно в силу того, что на момент создания сборника южновепсских записей в Фонограммархиве ИЯЛИ было немного³. Все диалектные тексты делятся в Корпусе на две основные категории: фольклор (сказки, причитания, заговоры, песенки, частушки) и бытовые рассказы, что позволило проследить влияние жанра на употребление и синтаксическую функцию I инфинитива.

Северновепсские диалектные тексты представлены вепскими причитаниями, извлеченными из работы «Käte-ške käbedaks kägoihudeks» («Обернись-ка милой кукушечкой») [43] и записанными Р. П. Лониным, а также сказками, опубликованными в сборнике «Вепские народные сказки» [153], бытовыми рассказами из этнографического фильма Л. В. Чирковой

³ В силу сложившихся исследовательских традиций в южновепсском ареале во второй половине XX в. активную собирательскую работу вели эстонские исследователи.

«Sel'ktas vedes kala kokib» («В чистой воде рыба клюет»)⁴ и расшифрованными записями из Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Основной массив южновепских текстов состоит из записей, опубликованных в «Образцах вепской речи», сборниках вепских причитаний [43] и сказок [153], а также представлен полевыми записями О. Ю. Жуковой.

В основе записей средневепского восточного и западного диалектов также лежат опубликованные в «Образцах вепской речи» тексты, вепские причитания, записи из Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН, а также расшифровка личных записей исследователей.

Новописьменный вариант вепского языка представлен в следующих подкорпусах: библейские тексты, право, публицистические тексты, к которым относятся статьи из периодических изданий издательства «Периодика» (вепскоязычные газета «Kodima» (Родная земля), альманах «Verez Tullei» (Свежий ветер) и детский журнал «Kipinä» (Искорка), художественные тексты, а также субтитры к фильмам и передачам на вепском языке, подготовленные сотрудниками национальной редакции ГТРК «Карелия». Корпус регулярно пополняется материалами по соглашению с издательствами и авторами текстов.

Возможности, заложенные в аналитическом аппарате Корпуса, позволили выполнить ряд задач, поставленных в настоящем исследовании, а именно проанализировать продуктивность употребления некоторых инфинитивов в диалектах вепского языка. Для этого использовалась система лексико-грамматического поиска, доступного в Корпусе. Благодаря морфологической разметке, которая указывает часть речи и морфологические признаки каждой леммы, находящейся в тексте, при применении лексико-грамматического поиска у исследователя есть возможность ввести необходимые параметры, включая такие, как язык, диалект, часть речи и ее

⁴ Фильм «Sel'ktas vedes kala kokib» («В чистой воде рыба клюет») создан КРОО «Общество вепской культуры» при финансовой поддержке Министерства национальной и региональной политики Республики Карелия. Авторы фильма: Л. Смолина и В. Славов.

грамматические признаки, и получить необходимый результат, а именно список текстов и количество запрашиваемых форм, встретившихся в них.

Для исследования именных форм глагола, а также их синтаксической роли в предложении помимо диалектов вепсского языка была принята к рассмотрению и его письменная норма. Это необходимо для решения одной из основных задач данного исследования, которая заключается в практическом применении в процессе создания учебных пособий и рабочих программ по грамматике и синтаксису вепсского языка для учебных заведений. В настоящее время новописьменный вепсский язык используется в СМИ. Тексты новостных и научно-популярных статей можно найти в периодических изданиях, выпускающихся в издательстве «Периодика» в г. Петрозаводске, на медиапортале Oma Media⁵. В Службе информационных программ телевидения и радиовещания на национальных языках ВГТРК «Карелия» выходят радиопередачи и телевизионные сюжеты. Кроме того, использование вепсского языка можно встретить на просторах Интернета в текстах активистов, занимающихся популяризацией родного языка.

1.3. История исследования именных форм глагола в вепсском языке

В отличие от вепсских финитных форм, инфинитные практически не получили научного освещения, будучи в общих чертах упомянутыми в отдельных российских и финляндских трудах. Значительно большее внимание привлекал грамматический строй языка, синтаксис же оставался на периферии научного исследования. Первые академические описания вепсского языка появляются в XX в., вначале в Финляндии, потом в России и Эстонии.

Для анализа вепсских именных форм глагола наиболее значимыми являются две фундаментальные работы, опубликованные в 1940-х гг. Во-первых, это исследование Э. А. Тункело по исторической фонетике вепсского

⁵ Национальный медиапортал Карелии, созданный на базе издательства «Периодика» с целью сохранения и развития языков коренных народов Карелии.

языка «Vepsän kielen äännehistoriaa» [146], выполненное на большом фактическом диалектном материале, собранном его учителями и коллегами на вепсских землях. В этом исследовании была предпринята попытка выявить основные особенности фонетического строя всех диалектов вепсского языка и подробно объяснить их генезис, приняв во внимание прибалтийско-финский фон. В качестве проблемы Э. А. Тункело определил невозможность четко разграничить по диалектам особенности фонетического строя.

Во-вторых, это работа «Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus» [123]. В ней финский ученый-лингвист Л. Кеттунен на основе богатого диалектного материала описал синтаксис вепсского языка в соответствии с логико-синтаксическим методом. В начале прошлого столетия ученый совершил экспедицию на вепсские земли для исследования диалектов вепсского языка и сбора фонетического и лексического материала. Экспедиция смогла охватить практически все вепсские территории. Позднее языковедом был издан труд по академическому синтаксису эстонского языка «Lauseliikmed eesti keeles» [125], который послужил основой для проведения сравнительного анализа синтаксиса вепсского и родственных ему языков. Трудность и определенное несовершенство данного исследования заключается в том, что синтаксис языка с несуществующей письменностью рассматривался с точки зрения языка, который имел достаточно развитую письменность и литературу.

Позднее исследования вепсского языка стали появляться и в отечественном языкознании. Среди них необходимо отметить два очерка, в которых затрагивалась тема именных форм глагола. Это вышедшая в 1966 г. статья М. М. Хямяляйнена «Вепсский язык» [94] и «Грамматика вепсского языка» М. И. Зайцевой [34].

Первооткрывателем вепсского языка для отечественного языкознания стал М. М. Хямяляйнен [94; 95; 96], который представил его диалектную систему с точки зрения лексических, фонетических и морфологических особенностей. В статье «Вепсский язык», в качестве эмпирической базы для которой был рассмотрен пелдушский говор средневепсского диалекта, автор

выделил три глагольных наклонения, их лично-числовые формы, возвратное спряжение глаголов. К сожалению, за пределами внимания исследователя осталась проблема основы вепсского глагола. Как известно, довольно часто лексическая и словоизменительная основы вепсского глагола не совпадают в силу закономерности отпадения конечных гласных многосложных и двухсложных слов с закрытым или долгим первым слогом.

В работе М. И. Зайцевой «Грамматика вепсского языка» [34] содержатся общие сведения об инфинитивах и причастиях. Написанная на материале шимозерского говора средневепсского диалекта работа описывает фонологическую систему и грамматический строй вепсского языка на синхронном срезе. Инфинитивы и причастия рассматриваются не только с морфологической, но и с синтаксической точки зрения: автор дает обзор морфологических показателей инфинитивов и причастий, а также перечисляет их синтаксические функции, подчеркивая особенность последних сочетать в себе признаки имени и глагола. II инфинитив представлен в работе лишь инессивной формой. Кроме этого, автор выделяет форму *tine*-инфинитива, которая неравномерно распределена по диалектам вепсского языка и в своем значении долженствования наиболее употребительна в южновепсских говорах, вследствие чего она не была включена в виде нормы в новописьменный вариант языка. Причастия представлены подробным описанием грамматических показателей и кратким описанием их синтаксических функций, затронут вопрос употребления причастных форм в аналитических формах глагола.

Отдельно синтаксический строй вепсского языка был рассмотрен М. И. Зайцевой позднее в работе «Vepsän kielen lauseoppia» (Синтаксис вепсского языка) [152], основой для которой послужил упомянутый выше труд Л. Кеттунена. Здесь вепсский язык представлен в рамках структурного синтаксиса по модели, разработанной для эстонского литературного языка. Другими словами, модель исследования синтаксиса эстонского литературного языка была механически перенесена на вепсский синтаксис. Поэтому,

несмотря на большой объем диалектных материалов и информации, данная работа не отражает все особенности синтаксиса вепсского языка, использовавшегося только в бытовой речи и не имеющего развитой письменности на тот момент, когда создавался труд Л. Кеттунена. К тому же, исследование эстонского синтаксиса, который по сравнению с вепским языком имел в этот период совершенно другой статус и уровень развития, не было построено на диалектных материалах, а рассматривалось именно с точки зрения синхронного языкознания.

В 2002 г. Н. Г. Зайцева опубликовала работу «Вепсский глагол» [37], целью которой стало сравнительно-сопоставительное исследование глагольной системы диалектов и говоров вепсского языка. В центре внимания исследовательницы оказались финитные формы глагола, впервые значительное место было отведено изучению лексических основ глагола, важных для словоизменения. Среди именных форм в работе затрагивается употребление II причастия актива в связи с использованием его в образовании временной формы перфекта и плюсквамперфекта.

Особенности образования некоторых именных форм глагола в диалектах вепсского языка подробно описаны в Лингвистическом атласе вепсского языка (ЛАВЯ), оригинальные материалы для которого были собраны как полевым путем, так и из архивных и опубликованных источников. Атлас включает в себя 150 лингвистических карт, которые демонстрируют ареальную дистрибуцию вепских языковых явлений на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Весь материал в атласе структурирован по тематическим разделам. В атласе представлены к рассмотрению варианты суффиксов I инфинитива возвратных глаголов, а также вариативность образования 2. активного причастия множественного числа и варианты показателей пассивного причастия. Синтаксический аспект в атласе не затронут. При этом в краткой справке, данной в предисловии к «Словарю вепсского языка» [183], грамматический строй вепсского языка характеризуется отсутствием диалектных различий в синтаксисе.

На рубеже XX–XXI вв. на этапе развития вепсской письменности и в связи с потребностями преподавания на основе академических разработок появляется несколько учебников и учебных пособий, в которых отмечены и именные формы глагола – как с точки зрения образования, так и функционирования. Так, в учебном пособии Н. Г. Зайцевой «Грамматика вепсского языка» представлено описание неизменяемых частей речи, грамматических категорий глагола, инфинитивов и причастий. Дана общая характеристика словоизменительных и именных форм глагола. Рассматриваются инфинитивы и причастия вепсского языка, способы их образования и правила использования в предложении. Намечены фонетические процессы, происходившие на границе основы и инфинитивного показателя, а также в некоторых причастных показателях.

Одной из новых работ, в которой также предпринимались попытки рассмотреть синтаксис вепсского языка, является монография Р. Грюнталя «Vepsän kielioppi» (Вепсская грамматика) [107]. Цель данного исследования заключается в описании общей картины морфологии вепсского языка и его синтаксических конструкций. Учитывая «молодость» литературного вепсского языка, автор исследования Р. Грюнталь использует диалектные материалы, которые, по его мнению, более полно раскрывают вепские языковые особенности. В структуре работы ученый опирается на исследование родственных вепсскому финского и эстонского языков, письменность которых активно развивается уже долгие годы. Модель описания грамматических и синтаксических категорий, а также терминология основывается на известном справочнике по грамматике финского языка «Iso suomen kielioppi» (Большая финская грамматика) [111]. Основным источником примеров послужила упомянутая уже монография Л. Кеттунена «Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus» (Синтаксическое исследование вепских диалектов) [123].

Некоторые аспекты инфинитных форм вепсского языка рассматриваются и в комплексных исследованиях по прибалтийско-финскому

синтаксису. Так, в монографическом исследовании «Itämerensuomalaisten kielten tulosijainfinitiivi-rakenteiden historiaa» (История инфинитивных конструкций с семантикой направления движения прибалтийско-финских языков) [141; 142] П. Саукконен провел подробный сравнительный анализ инфинитивов с семантикой направления движения во всех прибалтийско-финских языках, включая вепсский. В монографии подробно, с выходом в историю языков освещено функционирование лативной формы I инфинитива и иллативной формы III инфинитива.

1.4. Именные формы глагола в вепсском языке: теоретические и методологические основы исследования

В грамматике вепсского языка принято выделять три формы инфинитива – I (*da*-инфинитив), II (*de*-инфинитив) и III (*ma*-инфинитив) инфинитивы и три вида причастия – 1. и 2. причастия актива (с соответствующими показателями *-i* и *-nu*) и одно пассивное причастие с показателем *-tud*. Наличие только одной сохранившейся формы пассивного причастия является особенностью вепсского языка, так как в современных грамматиках других прибалтийско-финских языков принято выделять две формы пассивного причастия [109, § 120], см. также [35; 72]. Одним из основных глагольных признаков инфинитивов и причастий является их лексическая глагольная основа, от которой образуются указанные формы. Согласно правилам словообразования, свойственным агглютинативному строю прибалтийско-финских языков, инфинитивы и причастия образуются путем присоединения к лексической основе глагола особых показателей, за которыми следуют в некоторых случаях грамматические показатели числа (для причастий) и падежные показатели, свойственные именному словоизменению [73, с. 344].

Особое место в вепсском языке занимает проблема выделения основы глагола. Из-за исторических фонетических сдвигов вепсские глагольные основы часто не совпадают с глагольными основами других прибалтийско-

финских языков. Это объясняется тем, что в вепсской фонетике действовала закономерность отпадения конечных гласных многосложных слов. Она же действовала и у двухсложных слов с исторически долгим или закрытым первым слогом [146, с. 755]. С синхронной точки зрения основы вепсского глагола принято соотносить с формой I инфинитива [37, с. 22], однако для выявления закономерностей образования инфинитных форм и выбора конкретного показателя важно понимание того, как это происходило исторически (см. гл. 2). Показатели инфинитивов младописьменного языка не отличаются от диалектных. Формантами I инфинитива в вепсском языке являются *-ta* и *-da*, присоединяемые к лексической основе глагола. Они восходят к праязыковому **-tak*, который подвергался суффиксальному чередованию (**-tAk* : **-δAk*) и использовался с одно- и двухосновными глаголами.

В синхронном вепсском языкознании форма II инфинитива образуется путем присоединения к глагольной основе форманта *-de-* / *-te-* (исторического **-te* : **-δe*) формы II инфинитива, соответствующей деепричастию в ряде грамматик, восходит к показателю I инфинитива [77, с. 352]. Переход гласного показателя *a* в *e* был обусловлен фонетической закономерностью, действующей в положении между двумя переднеязычными согласными одного и того же слога [1, с. 114]. Как и в других прибалтийско-финских языках, в вепсском языке II инфинитив выступает в двух падежных формах – инессивной (*-s*) и инструктивной (*-n*), которые образуются путем присоединения падежного показателя к словоизменительной основе II инфинитива (*-de-* / *-te-*).

Продуктивная в прибалтийско-финских языках форма III инфинитива имеет показатель *-ma-*, присоединяемый к основе глагола. Однако если в родственных языках данный показатель всегда присоединяется к гласной основе глагола, то в вепсском языке из-за произошедшего выпадения конечной гласной из двухсложной основы некоторых одноосновных глаголов с закрытым или долгим первым слогом показатель *-ma-* присоединяется к

согласной основе. За показателем *-ma-* всегда следуют окончания, количество которых ограничивается пятью падежными формами – инессивной (*-ma-s*), иллативной (*-ma-ha (-m-ha)*), элативной (*-ma-späi*), абессивной (*-ma-ta*) и редко адессивной (*-ma-l*).

Причастие образуется путем присоединения к лексической основе глагола причастных формантов, за которыми следуют показатели числа и падежа. Причастие в вепсском языке обладает категориями залога (активное и пассивное) и времени (презенс и имперфект). Для образования формы 1. причастия актива в вепсском языке используется словообразовательный суффикс деятеля *-i*, например *tegi-i* ‘делающий’ (со словоизменительной основой *tegi-ja-*), который присоединяется к гласной основе глагола. Характерный для прибалтийско-финского праязыка суффикс 1. причастия актива активного причастия **-va* сохранился лишь в некоторых словах, перешедших в разряд прилагательных, например *palab* ‘горячий’, *tutab* ‘известный’, *tetab* ‘знакомый’. Показателем 2. причастия актива в вепсском языке является *-ni*, восходящий к праязыковому форманту **-nUt*, со словоизменительным вариантом *-nude*, восходящим к древнему показателю **-nUde*. Единственная имеющаяся в вепсском языке пассивная причастная форма образуется путем присоединения к глагольной основе форманта *-tud*. Она соответствует 2. причастию пассива в родственных языках. Кроме того, особенностью вепсской формы пассивного причастия является его неспособность к словоизменению (подробнее о грамматических особенностях именных форм глагола см. гл. 2).

Настоящее исследование базируется на традиционном синтаксическом подходе, в основе которого лежит выделение частей речи. При этом сами части речи являются продуктом функционирования слов в качестве членов предложения, подчеркивая тем самым связь синтаксиса и морфологии. Именным формам глагола свойственны в предложении определенные синтаксические роли: они могут выступать в функции *предиката* и *субъекта* (I инфинитив), *объекта* (I инфинитив), *адвербиала* (I, II и III инфинитив),

атрибута (I инфинитив и причастие). В связи с особенностью прибалтийско-финских причастий, заключающейся в способности образовывать синтаксические конструкции, в исследовании также применяются элементы структурного подхода. В этом контексте инфинитивы и причастия рассматриваются в составе синтаксических конструкций с учетом их валентных связей с главными словами. Так, например, форма I инфинитива может выполнять в предложении сразу несколько синтаксических функций, что зависит от семантики используемых в связке с инфинитивом лексем (см. раздел 2. 2.). Другими словами, в работе анализируется не только синтаксическая роль самой формы инфинитива или причастия, но и их поведение в составе синтаксических конструкций, то есть в соединении с другими членами предложения.

Согласно структурному подходу, представленному в ISK [109], предложение является структурной единицей, образованной с помощью слов и словосочетаний, ядром которой является финитный глагол и между частями которой образуются валентные связи [109, § 439]. Если в предложении именные формы глагола объединены в конструкции с определенным значением, то такие конструкции называются глагольными [103, с. 106]. Глагольная конструкция образует семантическую и синтаксическую общность, которая является ядром предложения, его предикатом. Именная форма рассматривается в пределах глагольной или причастной конструкции, а ее синтаксические функции определяются относительно главного слова (финитного глагола), в соединении с которым она выступает. Инфинитивной и причастной конструкцией можно назвать словосочетание, в котором главное слово, выраженное инфинитивом или причастием, находится в валентных связях с зависимым словом. Инфинитивная или причастная **конструкция**, формирующаяся вокруг главного слова (в данном случае это инфинитив или причастие с зависимыми от него словами) как целостное образование, является одним членом предложения. Стоит разграничить понятия «главное слово словосочетания» и «главный член предложения». В первом случае

главное слово будет являться частью конструкции, а во втором – находиться за его пределами [109, § 441]. Так, например, в предложении *Dedoi läksi lämbitamha kül'betid* 'Дедушка отправился топить баню' в качестве главного слова выступает финитный глагол *läksi* 'отправился', а в качестве главного слова инфинитивной конструкции *lämbitamha kül'betid* 'топить баню' выступает инфинитив *lämbitamha*. Элементы, находящиеся в валентных связях, называются фразами, таким образом, фраза – это конструкция, состоящая из слов, объединенных валентными отношениями и обладающих смысловой законченностью и синтаксической связностью.

Кроме того, в работе при рассмотрении функций именных форм глагола мы опирались на основы функциональной грамматики, которая рассматривает язык в направлении от «формы к значению», основываясь на семантических категориях, и ставит перед собой задачу определить функциональный диапазон языковых единиц [101, с. 6]. Другими словами, поведение инфинитивов и причастий рассматривается не только с синтаксической, но и с семантической точки зрения.

В терминологии современного финского синтаксиса применительно к конструкциям, объединенным валентными связями, используются термины *argumentti* фин. 'аргумент' и *täydennys* фин. 'дополнение'. При этом первый характеризует семантические отношения, а второй – собственно синтаксические [149, с. 266]. Аргумент играет роль такого синтаксического элемента, который определяет значение главного слова, завершает его. В рассмотренном выше предложении дополнением к основному глаголу предложения *läksi* будет инфинитив *lämbitamha*, эта фраза выполняет в данном предложении роль предиката или сказуемого. Дополнением к инфинитиву будет существительное *kül'betid*, с которым инфинитив образует инфинитивную конструкцию *lämbitamha kül'betid*. Такие отношения между главным словом и аргументом называются валентностью или валентными связями. Другими словами, валентность – это способность слова иметь определенное количество определяемых (или зависимых) слов, которые

являются его дополнением (*täydennys*) [109, § 446]. Слова же в конструкциях также удерживаются вместе синтактико-семантическими отношениями, среди которых выделяют два основных типа – подчинение и сочинение. Если в случае сочинительной связи оба слова равноправны, то при подчинении фраза состоит из главного слова и зависимой части, с которой оно образует валентную связь. В рассматриваемой конструкции *läksi lämbitamha* финитный глагол *läksi* ‘отправился’ состоит в валентных отношениях с выраженным III инфинитивом глаголом *lämbitamha* (*lämbitada* ‘топить’), который в рамках этой валентной связи будет выполнять роль обстоятельства.

В этом контексте стоит охарактеризовать еще один термин – *määrite* ‘атрибут’, который образует с определяемым словом более широкую по значению конструкцию и передает описательную или дополнительную информацию, чем ограничивает значение определяемого слова, но не является для него обязательным, другими словами, делает предложение распространенным [109, § 439], например *Dedoi läksi lämbitamha vanhад kül’betid* ‘Дедушка отправился топить **старую** баню’, где *vanhad* будет являться определением для слова *kül’betid*.

Важно при этом иметь в виду, что даже в том случае, когда у инфинитива нет зависимых от него слов (дополнений или определений), он тем не менее рассматривается как инфинитивная конструкция, то есть он сам по себе является такой конструкцией [123, с. 338]. В русском языке принято синтаксически разделять инфинитивы на зависимые и независимые. В первом случае инфинитив будет являться аргументом глагола (*решил уехать*), существительного (*решение уехать*) или предикатива (*рад сообщить*) [75, с. 352]. Независимым инфинитивом считается инфинитив в позиции подлежащего (*сломать дерево – не шалость*) [103, § 2745]. Аналогичный подход присущ и грамматике вепсского языка, например *Čoma diki kudoda om* ‘Очень красиво – вязать’.

В целом генезис именных форм глагола является ключом к пониманию их двойственной природы в языке. Эти формы в процессе эволюции языка

приобрели глагольные свойства, сохраняя при этом некоторые характеристики имен. В прибалтийско-финских языках эта трансформация особенно очевидна, поскольку инфинитивы и причастия сохраняют свою способность выполнять синтаксические функции, присущие как существительным, так и глаголам. Исследование именных форм глагола в вепсском языке раскрывает важные аспекты его морфологии и синтаксиса. Применение структурного подхода позволяет анализировать функциональные и морфологические особенности инфинитивов и причастий в контексте их синтаксических возможностей. Особенности образования этих форм, их взаимодействие с другими элементами предложения и многофункциональность делают вепсский язык привлекательным объектом для лингвистических исследований в области морфологической и синтаксической структуры прибалтийско-финских языков.

ГЛАВА 2. ОБРАЗОВАНИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИНФИНИТИВОВ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

Согласно большинству толковых словарей, «инфинитив (от лат. *infinitivus* ‘неопределенный’) – неопределенная форма глагола, особая форма глагола, используемая в синтаксических функциях существительного (дополнения, обстоятельства, подлежащего), общее название действия или процесса, во многих языках безотносительно к лицу, числу, времени и наклонению; имеет категории вида, залога иногда времени» [17]. Неопределенность инфинитивов заключается в их особом семантическом поведении, в двойственном глагольно-именном характере, специфическом синтаксическом функционировании и в обладании определенными грамматическими категориями [14, с. 164]. Именные формы можно разделить на инфинитивы, совмещающие в себе черты глагола и существительного, и причастия с признаками глагола и прилагательного.

По широте своих синтаксических свойств инфинитив не уступает имени существительному, а его способность функционировать в роли подлежащего не оставляет сомнений в его именной природе. Данные большинства исторических исследований свидетельствуют о том, что все неличные формы прошли длительную стадию вербализации – приобретения глагольных свойств, закрепления семантики действия, поскольку генетически все неличные формы глагола восходят к имени [81, с. 263]. Форма инфинитива рассматривается с той точки зрения, что некогда она и была именем, однако в процессе эволюции утратила эти свойства, и в настоящее время это «имя в этимологическом и род глагола в синтаксическом отношении» [77, с. 338]. Сказанное объясняет, почему одни ученые относят инфинитив к имени (Ф. И. Буслаев [20], Н. П. Некрасов [70]), другие рассматривают инфинитив как «дограмматическое состояние глагола» (В. фон Гумбольдт [27]). Известный французский лингвист Л. Теньер называл инфинитив смешанной категорией, средним членом между категорией глагола и категорией существительного [89, с. 433].

Исторически русский инфинитив, выражающий название действия, также восходит к отглагольным существительным в формах дательного и винительного падежей, но не имеет склонения [64, с. 203]. В индоевропейских языках инфинитив также оценивается как отглагольное существительное, которое когда-то обладало парадигмой сравнения [2, с. 22; 33, с. 159 и др.]. Вербализация же инфинитива проявилась в интенсивном развитии субъектных отношений между инфинитивом и именными членами предложения и была связана с утратой многих именных черт, главным образом именных грамматических категорий [82, с.116].

Употребление инфинитивов – один из сложнейших разделов синтаксиса. По своему происхождению прибалтийско-финские инфинитивы, как и инфинитивы индоевропейских языков, являются обособившимися в определенных синтаксических функциях и застывшими падежными формами отглагольных имен, а показатели инфинитивов являются в прошлом суффиксами этих имен [93, с. 27; 119, с. 286; 134, с. 153; 141, с. 5]. В финском языке, имеющем достаточно долгую историю письменности, инфинитивы до сих пор находятся в центре обсуждения ученых [111; 113; 141; 141; 143]. Согласно традиционному подходу, финские инфинитивы включены в глагольную парадигму, имея при этом субстантивный характер, который заключается в том, что они подобно существительным выступают в падежных формах и выполняют функции членов предложения, которые свойственны именам [140, с. 106]. В целом для прибалтийско-финских инфинитивов характерен относительно большой выбор падежных форм, что довольно ярко отражает их именную суть. При этом используются падежные формы, редкие в системе склонения имен, например инструктив в форме II инфинитива и абессив в форме III инфинитива. Инфинитивные конструкции выступают в качестве адвербиала, выражающего значение места (*olen lehmän lüpsmas* ‘я дою корову’, букв. ‘в процессе доения коровы’), направление (*läksin kil’bet’ lämbitamha* ‘я отправился баню топить’), образ действия (*hän joksi hüpten* ‘он бежал вприпрыжку’) и даже его время (*lähttes sambuta lämoi* ‘уходя, погаси

свет’). Об упомянутых инфинитивных конструкциях и их адвербиальной функции речь пойдет ниже.

Инфинитивы противопоставляются личным формам глагола, имеющим исключительно глагольные признаки [28, с. 293]. Для описания этих образований и их синтаксических функций традиционной стала трактовка Э. Н. Сетяля, который рассматривает их наряду с причастиями как именные или инфинитные формы глагола и включает в глагольную парадигму, объясняя это их способностью присоединять прямой объект или обстоятельство, однако подчеркивает их именной характер [140, с. 106]. Такая трактовка перешла во многие учебные пособия и разделяется большинством лингвистов и в наши дни [28, с. 296; 144, с. 25]. Тем не менее, несмотря на наличие у инфинитивов именных функций, они не отождествляются полностью с именами существительными, поскольку обладают ограниченным количеством свойственных именам признаков. Принадлежность инфинитивов к глагольной парадигме обусловлена еще и их предикативностью: они обозначают не только действие, которое выполняется субъектом [28, с. 300]. Основное синтаксическое свойство инфинитивов – образовывать в предложении дополнительный центр предикации в связке с финитным глаголом, выступая в роли предикативной части конструкции.

Данную главу условно можно разделить на два крупных раздела: в первом рассматриваются механизмы и фонетические условия формирования вариантов показателей инфинитивов, во втором – особенности функционирования инфинитивов в предложении как с точки зрения синтаксиса, так и с точки зрения семантики.

2.1. Образование формы I инфинитива

В данном разделе анализируются механизмы и фонетические условия формирования вариантов показателей I инфинитива в вепсском языке и дается подробный экскурс в историю его образования с точки зрения диахронного

развития. Выявленные на примере данной формы закономерности актуальны и для других инфинитных форм, обладающих идентичной фонетической структурой грамматических показателей. Поэтому при рассмотрении этих форм будет производиться отсылка к параграфу 2. 1. без повторного детального анализа.

Традиционно в прибалтийско-финских языках принято выделять гласную (завершающуюся на гласный звук) и согласную (завершающуюся на согласный) лексические основы. Глаголы, имеющие только гласную основу, принято считать одноосновными, глаголы, имеющие и гласную, и согласную основу, – двухосновными. Гласная и согласная основы выступают в разных грамматических формах глагола. Доказано, что между типом основы и структурой грамматического показателя исторически существовала прямая связь, сгладившаяся со временем. Гласная основа выступала в связке с показателем особой структуры: он должен начинаться с одной согласной и быть слогообразующим [125, с.110].

Важно учитывать, что в ходе исторического развития языка граница между основой и аффиксом могла смещаться и глаголы из разряда одноосновных переходили в разряд двухосновных и наоборот. В вепсском языке, с одной стороны, функционируют глаголы, в которых их двухосновность проявилась уже в праязыковое время, например вепс. *tul-da*, фин. *tul-la* < прафин. **tul-δak* < **tule-tak* ‘идти’; вепс. *tehta*, фин. *tehdä* < прафин. **teh-δäk* < **tek-δäk* < **teke-täk* ‘делать’. С другой стороны, известна большая группа глаголов, утративших конечный гласный основы только в вепсское время в силу установившейся закономерности выпадения гласного второго слога при первом закрытом слоге [146, с. 718], например вепс. *käsk-ta* (согласная основа), ср. фин. *käske-ä* и людик. *käske-da* (гласная основа) < **käske- δäk* < **käske-täk* ‘приказывать’. В данном случае утрата конечного гласного основы была вызвана закрытым характером первого слога.

При выявлении генезиса одно- и двухосновности следует также иметь в виду, что и в родственных прибалтийско-финских языках ситуация не была

неизменной. Например, в финском языке одноосновных глаголов было в прошлом значительно больше. Об этом напоминают некоторые законсервировавшиеся формы, диалектные или старописьменные варианты: совр. *tietää* ← старописьм. *tietä* ‘знать’, ср. пассивное причастие *tiet-ty*, *tuntea* ← *tuta* ‘знать, узнавать’, ср. *tut-tu*, а также *kata* ‘лить, наливать’, *löytä* ‘найти’, *pyytä* ‘просить’, *säätä* ‘устанавливать (правило)’, *nouta* ‘забирать’, *letä* ‘лететь’ и некоторые другие, являющиеся в современном языке двухосновными, см. *kaataa*, *löytää*, *pyytää*, *säätää*, *noutaa*, *lentää* [110, с. 69].

Прибалтийско-финский грамматический показатель первого инфинитива бытует в вепсских диалектах в двух фонетических вариантах: *-ta* и *-da*. Это подвергшийся суффиксальному чередованию праязыковой прибалтийско-финский суффикс *-tak* (*-*tAk* : *-*δAk*), например *lugeda* ‘читать’ < **luke-δa-k*, *tulda* ‘прийти’ < **tul-δa-k* и т. д. Исторически данный инфинитив восходит к отглагольному имени в форме *k*-го латива с функцией обстоятельства и определения [109, с. 125].

В настоящее время в распоряжении исследователей имеется синхронная классификация типов основ вепсских глаголов Н. Г. Зайцевой. В ней впервые предложен их подробный анализ, в ходе которого инфинитивы распределяются на три группы в зависимости от характера основы [37, с. 23] (см. табл. 1).

Таблица 1. Синхронная классификация типов основ

Группа 1 (одноосновные)	Группа 2 (одноосновные с двумя гласными основами)	Группа 3 (двухосновные)
гласная основа + <i>-da</i>	краткая гласная основа + <i>-ta</i>	согласная основа + <i>-da</i> / <i>-ta</i>
<i>pala-da</i> ‘гореть’ <i>luge-da</i> ‘читать’ <i>sanu-da</i> ‘говорить’ <i>uju-da</i> ‘плавать’ <i>elä-da</i> ‘жить’ <i>venu-da</i> ‘лежать’ <i>tuja-da</i> ‘пробовать’ <i>armasta-da</i> ‘любить’	<i>löu-ta</i> (<i>löuda-</i>) ⁶ ‘находить’ <i>tora-ta</i> (<i>torada-</i>) ‘драться’ <i>taba-ta</i> (<i>tabada-</i>) ‘поймать’ <i>kogo-ta</i> (<i>kogoda-</i>) ‘собирать’ <i>eriga-ta</i> (<i>erigande-</i>) ‘отстать’ <i>kozi-ta</i> (<i>koziče-</i>) ‘сватать’ <i>seme-ta</i> (<i>semenda-</i>) ‘сеять’ <i>ope-ta</i> (<i>openda-</i>) ‘учить’	<i>ku-cta</i> (<i>kucu-</i>) ⁷ ‘звать’ <i>lič-ta</i> (<i>liči-</i>) ‘запихивать’ <i>jauh-ta</i> (<i>jauho-</i>) ‘молоть’ <i>teh-ta</i> (<i>tege-</i>) ‘делать’ <i>rehk-ta</i> (<i>rehka-</i>) ‘трясти’ <i>vouk-ta</i> (<i>vouka-</i>) ‘просыпать’ <i>käsk-ta</i> (<i>käske-</i>) ‘приказать’ <i>lask-ta</i> (<i>laske-</i>) ‘опустить’

⁶ В скобках указан долгий вариант гласной основы.

⁷ В скобках указан гласный вариант основы.

<i>manita-da</i> ‘манить’ <i>varasta-da</i> ‘ждать’ <i>abuta-da</i> ‘помогать’	<i>el’ge-ta (el’genda-)</i> ‘понимать’ <i>rube-ta (rubeda-)</i> ‘приступать’ <i>pide-ta (pidene-)</i> ‘удлиняться’ <i>lūkāi-ta (lūkāida-)</i> ‘ударить’ <i>paimē-ta (paimenda-)</i> ‘пасти’ <i>*kai-da (kaiva-)</i> ‘копать’ <i>*kui-da (kuiva-)</i> ‘сушить’ <i>*sau-da (sauvo-)</i> ‘строить’	<i>nol-da (nole-)</i> ‘лизнуть’ <i>kül’m-da (kül’mi-)</i> ‘замерзнуть’ <i>nagr-da (nagra-)</i> ‘смеяться’ <i>pain-da (paina-)</i> ‘нажимать’ <i>ol-da (ole-)</i> ‘быть’ <i>vihm-da (vihmu-)</i> ‘дойти’
--	--	--

*Отдельно стоит отметить глаголы *kaida (kaiva-)*, *kuida (kuiva-)*, *sauda (sauvo-)*. С одной стороны, по описанию они относятся к одноосновным глаголам с единственной гласной основой, так как имеют показатель *-da*, который располагается после конечного гласного основы; с другой стороны – характеризуются как имеющие две гласные основы (краткую и долгую).

В соответствии с данной классификацией к первой группе относятся инфинитивы с показателем *-da*, который присоединяется к гласной основе одноосновного глагола. Единственная основа у данной группы глаголов завершается на одиночный гласный или дифтонг. С исторической точки зрения глаголы первого словоизменительного типа являются одноосновными.

Вторую группу составляют инфинитивы с показателем *-ta*. Эти глаголы легко распознать по наличию гласного звука перед показателем инфинитива: *kai-ta* ‘беречь’, *ozai-ta* ‘отгадать’, *kirgou-ta* ‘окликнуть’ и т. д. Основной массив составляют образования с глухим показателем *-ta*. К ним примыкает несколько глаголов с показателем *-da*: *kaida* ‘копать’, *kuida* ‘сушить’, *sauda* ‘строить’. Такие глаголы с позиции синхронного вепсского языкознания рассматриваются как одноосновные глаголы с двумя гласными основами – долгой и краткой. Часть инфинитива, находящаяся перед его показателем *-ta / -da*, совпадает с краткой основой глагола, долгая же выступает в словоизменительных формах. Причиной разделения гласной основы на два варианта стало то, что в прошлом в долгой основе произошло фонетически обусловленное выпадение целого слога: см., например *paimeta* ‘пасти’ (долг.) *paimenda-n* ‘(я) пасу’ и (крат.) *paimē-kat* ‘(вы) пасите’ (<**paimenta-kat*). Это явление укоренилось в вепсском языке [37, с. 28]. Краткая и долгая основы выступают в разных грамматических формах. Долгая традиционно выступает,

например, в положительной и отрицательной форме презенса ед. ч. (*kabalo-i-če-n* ‘я пеленаю’, *en kabalo-i-če* ‘я не пеленаю’), в положительной и отрицательной форме имперфекта (*kabalo-i-či-n* ‘я пеленал’, *en kabalo-i-če-nd* ‘я не пеленал’), в форме III инфинитива ((*mānen*) *kabalo-i-če-mha* ‘(иду) пеленать’) и II активного причастия (*kabalo-i-če-nu* ‘пеленавший’), в положительной и отрицательной форме императива 2 л. ед. ч. (*kabalo-i-če* ‘пеленай’, *ala kabalo-i-če* ‘не пеленай’). Краткая основа выступает в формах I и II инфинитива (*kabalo-i-ta* ‘пеленать’, *kabalo-i-tes* ‘пеленая’), в положительной и отрицательной форме императива 3 л. ед. ч. и мн. ч., 1. и 2. л. мн. ч. (*kabalo-i-kaha/algha kabalo-i-koi* ‘пусть он пеленает / пусть он не пеленает’), в формах пассива презенса и имперфекта (*kabalo-i-tas* ‘пеленают’, *kabalo-i-tihe* ‘пеленали’), пассивного причастия (*kabalo-i-tud* ‘запеленатый’), в отрицательной форме мн. ч. презенса и имперфекта (*em kabalo-i-koi* ‘мы не пеленаем’, *em kabalo-inugoi* ‘мы не пеленали’).

Здесь нужно отметить, что с точки зрения количества основ эти глаголы, безусловно, являются двухосновными. Подобный взгляд на эти формы отражен в работе эстонской исследовательницы вепсского языка А. Кяхрик [119]. В предложенной классификации Н. Г. Зайцевой глаголы с двумя гласными основами относятся к одноосновным глаголам, поскольку не имеют согласной основы, что, по мнению автора, является недостаточным для того, чтобы называть их двухосновными [37, с. 25]. В родственном карельском языке часть этих глаголов принято относить к двухосновным (*torata* ‘драться’, *tavata* ‘встречать / поймать’, *kogota* ‘собирать’, *kozita* ‘сватать’, *ruveta* ‘начинать’, *lykätä* ‘бросить’), а часть – к одноосновным (*löydiä* ‘найти’, *oppendua* ‘учить’, *ellendiä* ‘понимать’, *raimendua* ‘пасти’), при этом указывается, что некоторые из последних исторически могли быть двухосновными [77].

Наконец, в инфинитивах третьей группы используются оба показателя *-ta* и *-da*, присоединяющиеся к согласной основе современных двухосновных глаголов: *kuc-ta* ‘звать’, *lič-ta* ‘запихивать’, *pain-da* ‘нажимать’, *ol-da* ‘быть’,

vihm-da ‘дождить’ и т. д. Такие глаголы, имея гласную и согласную основы, являются двухосновными. Согласной основой является часть глагола с конечным согласным звуком перед показателем инфинитива. Интересная закономерность заключается в том, что согласная основа двухосновных глаголов и краткая гласная основа глаголов с двумя гласными основами употребляются в одних и тех же формах за исключением III инфинитива: в двухосновных глаголах здесь выступает согласная основа, в то время как в другой группе используется долгая гласная, ср. *teh-ta* > *teh-maha* и *ope-ta* > *openda-mha*.

Такая синхронная классификация важна для формулирования правил употребления инфинитивных форм, но она не ставит целью выявления причин и механизмов их формирования и не пересматривает сложившееся в прибалтийско-финских языках соотношение одноосновных и двухосновных глаголов. Далее предложен диахронный подход, который предполагает решение этой задачи. Он позволяет рассмотреть происхождение дистрибуции показателей *-ta* и *-da*, объяснить исключения из правил, сформулированных на основе синхронных данных, и вписать вепские формы в общий прибалтийско-финский контекст.

Гласная основа + -da

При анализе глаголов современного вепского языка оказалось, что показатель инфинитива *-da* выступает в связке с гласной основой одноосновных (уточним: как с исторической, так и с синхронной позиции) глаголов. Основы глаголов этой группы могут быть одно-, двух-, трех-, редко четырех- и пятисложными. Гласная основа может оканчиваться на следующие гласные звуки: *-a*, *-ä*, *-o*, *-ö*, *-u*, *-ü*, *-e*, *-i*. См. примеры: *rižada* ‘навестить’, *sulada* ‘таять’, *pil’kištada* ‘мерцать’, *nevoda* ‘советовать’, *azoda* ‘насаживать’, *sidoda* ‘связывать’, *kudoda* ‘вязать’, *ujuda* ‘плыть’, *libuda* ‘подняться’, *pakuda* ‘отпадать’, *pidestuda* ‘задерживаться’, *palahtuda* ‘запечься’, *lugeda* ‘читать’,

odvneda ‘дешеветь’, *oigneda* ‘выпрямиться’, *ragnida* ‘отогнать’, *rigehtida* ‘спешить’, *kadehtida* ‘завидовать’, *kärmehtida* ‘цвести’, а также на дифтонги – *-ai*, *-ei*, *-oi*, *-ui*, *-ii*: *ragaida* ‘носиться’, *puteida* ‘заговаривать’ и др. У вышеуказанных глаголов всего одна гласная основа, поэтому не представляет трудности найти ее, поскольку она совпадает с той их частью, которая находится перед показателем инфинитива.

Следует отметить, что одноосновность, присущая глаголам этой группы в современном языке, исторически сложилась еще на праязыковом уровне и сохраняется в других прибалтийско-финских языках: например *sula-da* (вепс.) и *sula-a* (фин.) ‘таять’, *luge-da* (вепс.) и *luke-a* (фин.) ‘читать’, *sanu-da* (вепс.) и *sano-a* (фин.) ‘сказать’, *kudo-da* (вепс.) и *kuto-a* (фин.) ‘вязать, прясть’, *sido-da* (вепс.) и *sito-a* (фин.) ‘связывать’, *aja-da* (вепс.) и *aja-a* (фин.) ‘ездить’, *küzuda* (вепс.) и *kysy-ä* (фин.) ‘спрашивать’, *nevo-da* (вепс.) и *neuvo-a* (фин.) ‘советовать’, *vala-da* (вепс.) и *vala-a* (фин.) ‘наливать’ и т. д.

При анализе глаголов выясняется, что в данном случае показатель *-da* восходит к историческому праприбалтийско-финскому **-ta*, который по законам праязыкового чередования ступеней согласных ослабевал в закрытом слоге: **sula-ta-k* (здесь *-ta-* – показатель I инфинитива, *-k* – окончание латива) > **sula- δ a-k* > *sulada*; **luke-ta-k* > **luke- δ a-k* > *lugeda*; **sanu-ta-k* > **sanu- δ a-k* > *sanuda*; **sito-ta-k* > **sito- δ a-k* > *sidoda*; **nevo-ta-k* > **nevo- δ a-k* > *nevoda*; **aja-ta-k* > **aja- δ a-k* > *ajada* и т. д.

Основной массив инфинитивов данной группы составляют образования от двухсложных основ. Многосложные основы представлены суффиксальными производными: третий слог является в них глагольным суффиксом – историческим или современным. Среди таких трехсложных основ значительную группу составляют основы, оканчивающиеся на *-ta* – суффикс, имеющий каузативную и куративную семантику [110, с. 219]: *varastada* ‘ждать’, *vargastada* ‘воровать’, *pipkutada* ‘курить’, *nimitada* ‘называть’, *abutada* ‘помогать’, *ainastada* ‘ткнуть’, *alištada* ‘подчинять’, *anastada* ‘захватывать’, *kirjutada* ‘писать’, *kirskutada* ‘скрипеть’, *koritada*

‘чистить’, *lämbitada* ‘согреть’, *manitada* ‘обмануть’, *mairištada* ‘экономить’, *segoitada* ‘перемешивать’, а также *-tu-* с рефлексивным значением: *abittuda* ‘обижаться’, *lähestuda* ‘сблизиться’, каузативный *-(eh)ti-*: *rigehtida* ‘спешить’, *kadehtida* ‘завидовать’ и др. Четырех- и пятисложные основы (например *ahavoičetada* ‘обветривать’) редки.

В ходе целого ряда фонетических изменений облик инфинитных форм подвергся значительной трансформации. Так, в синхронных грамматических описаниях в группу глаголов с одной гласной основой включаются также такие глаголы с односложной основой, как *söda* ‘есть’, *löda* ‘бить’, *sada* ‘получать’, *voida* ‘мочь’, *toda* ‘приносить’, *joda* ‘пить’, *vedä* ‘уносить’, *jäda* ‘остаться’, *möda* ‘продавать’. Однако их современный облик – это результат длительного исторического развития. Привлечение материала родственных языков, в частности финского (*syödä, lyödä, saada, tuoda, juoda, viedä, jäädä*), позволяет реконструировать в основе этих лексем праязыковой долгий гласный: **söö-δä-k*, **löö-δä-k*, **too-δa-k*, **vee-δä-k* и др., который, в свою очередь, появился либо вследствие вокализации исторического согласного: **söö- < *sev(e)-*, **löö- < *lev(e)-*, либо по причине его утраты: **saa- < *saay-*, **vee- < *viiy-* и др. [110, с. 32]. Иначе говоря, они входили в одну группу с глаголами, имеющими в инфинитиве согласную основу: *mända* ‘идти’, *tulda* ‘приходить’, *panda* ‘класть’, *olda* ‘быть’, *kulda* ‘слышать’ (см. ниже). Практически можно говорить о том, что в ходе исторического развития был утрачен целый слог: вначале финальный гласный основы, а затем и предшествовавший ему согласный. В результате в современном языке спряжение этих инфинитивов уподобилось спряжению глаголов так называемого первого типа (например *lugeda* ‘читать’).

Фонетическое опрощение на стыке морфем происходило и позже, уже в собственно вепсский период. Сокращение первоначальной двухсложной основы вследствие выпадения гласного второго слога в ситуации первого

закрытого слога⁸ приводило к возникновению сочетания согласных на границе морфем, которое закономерно опрощалось. При этом исторический облик основы восстанавливается при спряжении. Это такие глаголы, как *kaida* : *kaiva-b* ‘копает’, *kuida* : *kuivab* ‘сушит’, *sauda* : *sauvo-b* ‘рубит (спруб)’, *surda* : *survo-b* ‘толчет’ и др.; см. **kaiva-ta-k* > **kaiva-δak* > **kaivada* > **kaivda* > *kaida*; **kuiva-ta-k* > **kuiva-δak* > **kuivada* > **kuivda* > *kuida*; **salvo-ta-k* (ср. фин. *salvoa*) > **salvo-δak* > **sauvoda* > **sauvda* > *sauda*; **survo-ta-k* > **survo-δak* > **survoda* > **survda* > *surda*.

В современном вепсском языкознании их принято относить к группе одноосновных глаголов с двумя гласными основами, речь о которых пойдет ниже.

Согласная основа + -ta / -da

Вторую группу составляют инфинитивы, образующиеся от согласных основ в связке с инфинитивными показателями *-ta* и *-da*. Чем же обусловлен выбор варианта показателя, насколько он последователен и чем объясняются исключения из общего правила? Как свидетельствует большой ряд примеров, данный показатель определяется качеством последнего согласного звука основы.

Общее правило состоит в том, что следом за основой, оканчивающейся на глухой согласный, выступает глухой вариант инфинитивного показателя — *-ta*: *amp-ta* ‘стрелять’, *samp-ta* ‘гасить’, *rip-ta* ‘висеть’, *joks-ta* ‘бежать’, *käsk-ta* ‘приказывать’, *pes-ta* ‘мыть’, *kars-ta* ‘обрубать’, *läht-ta* ‘отправляться’; если же основа оканчивается на звонкий согласный, за ней следует показатель *-da*: *nol-da* ‘лизнуть’, *hol-da* ‘заботиться’, *kul-da* ‘слушать’, *kül-m-da* ‘мерзнуть’, *nagr-da* ‘смеяться’, *ver-da* ‘ложиться’, *pur-da* ‘кусать’, *vihm-da* ‘дождить’, *pain-da* ‘нажимать’, *kobl-da* ‘бродить’, *kär-dä* ‘наматывать, сматывать’.

⁸ См. подробнее о синкопе гласного основы ниже. Конечная гласная дифтонга ведет себя подобно согласной фонеме, закрывающей слог.

В родственных языках, например финском и карельском, большинство приведенных выше глаголов являются одноосновными, то есть это генетически те же глаголы, которые были рассмотрены выше в первой группе. Это так называемые глаголы первого типа, в финском в них используется показатель *-a / -ä*, восходящий к праязыковому слабоступенному **-δa*: фин. *astua* – вепс. *astta* < **astu+δa+k* ‘идти’, фин. *lypsää* – вепс. *lүpsta* < **lypsä+δä+k* ‘доить’, фин. *lähteä* – вепс. *lähtta* < **lähte+δä+k* ‘отправляться’, фин. *kutsua* – вепс. *kucta* < **kutsu+δa+k* ‘звать’, фин. *ampua* – вепс. *ampta* < **ampu+δa+k* ‘стрелять’, фин. *katsoa* – вепс. *kacta* < **katso+δa+k* ‘смотреть’, фин. *istua* – вепс. *ištta* < **istu+δa+k* ‘сидеть’, фин. *siirtää* – вепс. *sirtta* < **siirtä+δä+k* ‘двигать’. Вепсская дистрибуция, то есть разделение глаголов с праязыковым **-δa* на две группы (*-ta* и *-da*), сложилась после того, как в вепском языке произошло выпадение гласного второго слога, если первый слог был исторически долгим или закрытым [146, с. 718]: *ostta* (*osta-b* ‘он покупает’) ‘покупать’, *čapta* ‘рубить’, *poltta* ‘жечь’, *pirta* ‘рисовать’, *antta* ‘давать’, *kucta* ‘звать’, *kacta* ‘смотреть’, *jauhta* ‘молотить’, *seišta* ‘стоять’, *lähtta* ‘отправляться’, *putta* ‘попадать’. Это явление затронуло все вепские диалекты и в силу этого может считаться общевепским или довепским, то есть произошедшим на стадии бытования единого праязыка. В то же время хронологически оно считается явлением более позднего порядка, чем прибалтийско-финская гласная основа и соответственно выступавший с ней в связке праязыковой показатель **-δa*: *ostta* < **osta+ ta+k* > **osta- +δa+k* (> фин. *ostaa*) > вепс. *ost-ta*.

В результате вепской синкопы гласного второго слога историческая гласная основа преобразовывалась в согласную, вследствие этого последняя согласная фонема основы оказывалась в непосредственном соседстве с показателем инфинитива **-δa*. На стыке морфем происходила ассимиляция: после звонкого согласного инфинитивный показатель приобретал вид *-da*, а после глухого преобразовывался в *-ta*. Подчеркнем еще раз, что это явление имело общевепский характер и затронуло все вепские диалекты. Будучи

последовательной, вепсская синкопа тем не менее имеет некоторые исключения, напрямую связанные с формой I инфинитива. В ряде слов сохранился гласный *u* (*ü*) во втором слоге при первом долгом и закрытом. Это такие глаголы, как *laihtuda* ‘худеть’, *johtuda* (*mel'he*) ‘прийти на ум’, *gäduda* ‘замерзнуть’, *lüududa* ‘найтись’, *kastuda* ‘намокнуть’, *lebduda* ‘раскручиваться’ и т. д. На эту ситуацию в свое время обратил внимание Э. А. Тункело, предложивший два возможных объяснения. Из них сам исследователь отдает предпочтение аналогии с трехсложными глаголами с основой на *-u*, в которых произошло выпадение гласного во втором слоге, то есть преобразование их в двухсложные: *näl'ktuda* ‘проголодаться’ > **näl'ktu-dak* < **nälkä-ntü-δäk*, *vanhtuda* ‘постареть’ < **vanha-tu-δak*. Гласный *u*, оказавшийся во втором слоге в этих словах, в действительности был первоначально в третьем. Источником аналогии могли послужить и относительно новые образования с основой на *-u*, например *len'duda* ‘облениваться’, *gol'duda* ‘обеднеть’, восходящие к русским основам [146, с. 721].

Другая возможная причина сохранения *u* в двухсложной основе, отмеченная Э. А. Тункело в качестве дополнительной, на самом деле может оказаться основной и носить универсальный характер. Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что речь идет о непереходных глаголах. Не исключено в связи с этим, что конечный гласный основы *u* мог начать восприниматься как знак рефлексивности глагола, то есть как словообразовательный суффикс⁹, и стать средством для различения транзитивных и интранзитивных глаголов: ср. *kastuda* ‘намокнуть’ и *kastta* ‘намочить’.

Неслучайно, если такой необходимости в разграничении переходных и непереходных образований нет, конечный гласный *u* может выпадать из основы: *ampta* ‘стрелять’ < **ambu-δak*, *putta* ‘оказаться’ < **puutu-δak* <

⁹ Рефлексивный суффикс *-u/-y* встречается в самостоятельном употреблении в финских говорах: *antaun* ‘сдаюсь’, *jakaun* ‘разделяюсь’, *lyöttäyn* ‘ударяюсь’, *sekaun* ‘вмешиваюсь’. Также его можно встретить в глаголах, утративших рефлексивную семантику: *astua*, *asua*, *kysyä*, *liikkua*, *sammua*, *syntyä*, *tarttua*, *väsyä*, *ampua*, *istua* и др. Суффикс *-u-* выступает в качестве составного элемента современного рефлексивного суффикса *-utu-* / *-uty-* [107, с. 222].

**puuttu–dak*. Известно, что морфонологизация нередко объясняет исключения из фонетических закономерностей, закрепляя исторический облик морфемы. В случае с фонетически незакономерным сохранением *u* произошла, очевидно, именно такая ситуация. Данный вывод, кроме всего прочего, подтверждается подобным отступлением от синкопы *u* в других словообразовательных элементах, например в диминутивном суффиксе *-ut-*, где *u* сохранился во втором слоге при первом долгом и закрытом: *lapsuded*, *vöhut*, *tehut*; в показателе II причастия (*jänuded*, *kolnuded*).

При этом в сохранении *u* в инфинитивах нет строгой последовательности: так, в говорах зафиксированы *ripta* и *rippuda* ‘висеть’, *sampta* и *sambuda* ‘гаснуть’, *päzda* и *päzuda* ‘выходить’. Очевидно так сложилось потому, что интранзитивность этих глаголов не ощущалась в полной мере носителями говоров. Для нормированного вепсского языка приняты варианты с сохранившимся гласным *u* второго слога.

В контексте дистрибуции показателей *-ta* и *-da* в зависимости от глухого или звонкого качества конечного согласного основы требует объяснения глухой облик показателя, выступающего в третьем слоге после основы, завершающейся на сонорный согласный звук: *ombelta* ‘шить’, *kumarta* ‘кланяться’, *ümbärta* ‘обходить’, *kundelta* ‘слушать’, *andelta* ‘давать’, *vedelta* ‘водить’ и др. Из приведенных выше примеров видно, что правило двухсложных основ в этом случае не работает [52].

Важно отметить, что в ходе создания вепсской письменности ее разработчики стремились к определенной унификации, что могло в некоторых случаях вступать в противоречие с живыми диалектными вариантами, тем более что и в диалектах, как в любом разговорном языке, нет единства. Так, в вепсских диалектах существует ареальная дистрибуция *-ta* / *-da*: глухой вариант показателя представлен в северных и средних говорах, а звонкий (или восходящий к звонкому) – в южных и переходных: см. в переходных говорах *ombelda* ‘шить’, *pidelda* ‘носить / хранить’, *ujelda* ‘ползать’, в южных – *andōda* ‘давать’ (из **andouda* < **andelda*), *pidōda* ‘носить / хранить’, *ujōda* ‘ползать’.

В средневепсском говоре с. Ладва бытуют оба варианта, что, видимо, свидетельствует о контактах с ареально смежными переходными говорами с закономерным *-da*.

Следы подобного двоякого употребления были отмечены в свое время А. Генецом и в олонецком наречии карельского языка: в то время как в большинстве говоров используется звонкий вариант *-da* (*käveldä* ‘гулять’, *ajelda* ‘ездить’), в сямозерском говоре исследователь зафиксировал глаголы *ajelta*, *käveltä* [106, с. 97]. Такое варьирование наблюдается и в людиковском языковом ареале: см. в говоре с. Мунозеро – *lendelta* ‘летать’, *lugeskendelta* ‘считать’, а в Тивдии – *lendeldä*, *lugeskendelda*. Представленная фонетическая особенность касается прежде всего фреквентативных глаголов с основой на *-ele-*, таких как *kävelta* ‘гулять’, *ombelta* ‘шить’, *ridelta* ‘спорить’, *kundelta* ‘слушать’, *tacelta* ‘бросать’, *sirdelta* ‘передвигать’, *lendelta* ‘летать’ и т. д.

В целом вариант *-ta* следует, очевидно, признать более поздним: как в силу того, что он противоречит универсальной фонетической закономерности, так и потому что он покрывает только часть веппского языкового ареала. Для объяснения данного факта Э. А. Тункело предлагает аналогию, источником которой выступают инфинитивы с закономерным *-ta* после сонорного [146, с. 62]¹⁰, например **kumarta + ta + k > kumart˘tak > kumarta* ‘наклонять’, **kaparta + ta + k > kabart˘tak > kabarta* ‘обнимать’, **ümpärta + ta + k > ümbärt˘tak > ümbärta* ‘окружать’, **viheltä + tä + k > vihelt˘tāk > viheltä* ‘свистеть’, **amurta + ta + k > amurt˘tak > amurta* ‘черпать’, **nolalta + ta + k > nolalt˘ta > nolalta* ‘лизнуть’, **puzerta + ta + k > puzert˘tak > puzerta* ‘выжимать’. Это относительно большая группа глаголов, в нее входят, в частности, так называемые моментативные глаголы, которых в веппских говорах немало. В данном случае «закономерность» глухого *-ta* вызвана тем, что еще в правевеппское время произошла утрата последнего гласного из основы, вследствие чего согласный *t* основы и *t* из показателя инфинитива оказывались рядом и образовывали геминату *tt*, которая закономерно ослабевала в *t˘t* в

¹⁰ Исторически одноосновные глаголы.

ситуации закрытого слога, преобразовываясь затем в одиночный *t*. Иначе говоря, элемент *-ta* на самом деле включает в себя не только показатель инфинитива, но и финальный согласный основы.

Следует заметить, что исключением в данном случае являются только трехсложные глаголы с основой на *-ele*, тогда как в четырехсложных глаголах общее правило сохраняется и после сонорного согласного следует звонкий показатель *-da*: *tuleskel-da* – *tuleskele-n* ‘ходить’, *taboitel-da* – *taboitele-n* ‘ловить’, *ozoitel-da* – *ozoitele-n* ‘гадать’, *semendel-da* – *semendele-n* ‘сеять’, *tervehtel-da* – *tervehtele-n* ‘приветствовать’ и т. д.

Подводя итоги, необходимо отметить, что выбор показателя инфинитива *-da* / *-ta* осуществляется в вепсских двухосновных глаголах по общему фонетическому правилу, которое состоит в том, что следом за основой, оканчивающейся на глухой согласный, выступает глухой вариант инфинитивного показателя *-ta* если же основа оканчивается на звонкий согласный, за ней следует показатель *-da*. Разделение глаголов с праязыковым **-da* на две группы (*-ta* и *-da*) сложилось после того, как в вепсском языке произошло выпадение гласного второго слога, в случае если первый слог был исторически долгим или закрытым. При этом, однако, данное правило имеет некоторые исключения. В ряде слов произошло сохранение гласного *u(ü)* во втором слоге при первом долгом и закрытом, причиной чего могли послужить аналогия или морфонологизация. Исключением является и глухой облик показателя, выступающего в третьем слоге после основы, завершающейся на сонорный согласный звук, что также можно объяснить аналогией, источником которой являются инфинитивы с закономерным *-ta* после конечного звонкого согласного основы.

В эту же группу двухосновных глаголов по современной классификации входят глаголы, в которых инфинитивный показатель присоединяется к односложной согласной основе: *mānda* ‘идти’, *tulda* ‘приходить’, *panda* ‘класть’, *olda* ‘быть’, *kulda* ‘слышать’, *purda* ‘кусать’. В отличие от приведенных выше вепсских примеров, в которых согласная

основа сформировалась в собственно вепсский период в результате вепсской синкопы гласного второго слога, в этих лексемах образование согласной основы произошло значительно раньше, видимо, еще на этапе прибалтийско-финского праязыка, и представлено последовательно в большинстве родственных языков. Она сформировалась вследствие утраты финального гласного *e* из основы в тех формах, где присоединявшийся к основе грамматический показатель образовывал слог. К таким образованиям относятся и инфинитивы: **tule-ta-k* > **tul-ta-k* > **tul-δa-k* > *tulda* (вепс.), *tulla* (фин., карел., вод., эст.), *tūlda* (ливв.). В вепсском языке они со временем дополнили группу двухосновных глаголов с синкопой.

Краткая гласная основа + -ta

Данная группа имеет в качестве показателя инфинитива глухой вариант *-ta*, присоединяемый к гласной основе. Таких глаголов в вепсском языке немало, они образуют несколько подгрупп, выделяющихся по признаку суффикса, оформляющего глагольный корень: *kirjoita* ‘пестреть’, *varjoita* ‘охранять’, *kabaloita* ‘пеленать’, *kaita* ‘беречь’, *ahavoita* ‘веять’, *adivoita* ‘угощать’, *ozaita* ‘отгадать’, *čiraita* ‘шипеть’, *kumaita* ‘опрокинуть’, *kirgouta* ‘окликнуть’, *löuta* ‘находить’, *torata* ‘драться’, *tabata* ‘поймать’, *kogota* ‘собирать’, *erigata* ‘отстать’, *kozita* ‘сватать’, *semeta* ‘сеять’, *opeta* ‘учить’, *el'geta* ‘понимать’, *rubeta* ‘торопливо делать’, *lüheta* ‘коротать’, *pideta* ‘удлиняться’, *lükäita* ‘ударить’, *raimeta* ‘пасти’, *väta* ‘играть’, *leta* ‘летать’, *teta* ‘знать’ и т. д.

Квалифицируемые как одноосновные в синхронном описании вепсского языка, исторически эти лексемы являются двухосновными стяженными глаголами. Глухой вариант показателя *-ta* сохраняет в себе историческое наследие согласной основы, например *tabata* ‘ловить / поймать’ (фин. *tavata* ‘встречать’) < **tapata+ta+k* > **taβat+ta+k* > **taβat'tak*. Их двухосновность представлена, в частности, в финском языке, где наряду с гласной основой

личного спряжения (*tapa-a-n* ‘я встречаю’, *tapa-a-vat* ‘они встречаются’) сохранились глагольные формы с согласной основой. Это такие формы, как императив множественного числа, например *tavat-koon* ‘пусть они встретят’, *tavat-kaa* ‘встретьте’, II активное причастие, например *tavannut* ‘встретивший’ < **taβat-nut*, в котором произошла ассимиляция конечного основы -*t*.

В результате выпадения последнего гласного из основы¹¹ еще на праязыковом этапе на стыке основы и показателя инфинитива образовалась гемината, закономерно ослабевавшая в ситуации закрытого слога. Эта праязыковая форма (**taβatˈtak*) приобрела в вепсском языке вид *tabata*, в финском *tavata*. В формах же лично-числового спряжения историческая гласная основа оформлялась лично-числовым показателем, который вследствие своей структуры не вызывал выпадения конечного гласного из основы. В результате в этих формах сохранилась историческая гласная основа: **tapata+m* > **tapa-δa-n* > вепс. *tabada-n* (фин. *tapa-a-n* – произошло стяжение основы в результате выпадения слабого **δ*); *rubeta* ‘торопливо делать’ < **rupeta+ta+k* > **ruβet+ta+k* > **ruβetˈtak*; *kerata* ‘собирать’ < **kerätä+tä+k* > **kerät+tä+k* > **kerätˈtäk*; *avaita* ‘открыть’ < **avaita+ta+k* > **avait+ta+k* > **avaitˈtak*; *tugeta* ‘подпирать’ < **tuketa+ta+k* > **tuyet+ta+k* > **tuge tˈtak*; *kumaita* ‘опрокидывать’ < **kumaita+ta+k* > **kumait+ta + k* > **kumaitˈtak*.

С точки зрения исторического подхода современный элемент *-ta* в I инфинитиве включает в себя, таким образом, помимо собственно инфинитивного показателя еще и конечный согласный основы *-t*. Ослабленная гемината *tˈt*, образовавшаяся на стыке морфем, закономерно преобразовалась в одиночный согласный *t*. Иначе говоря, вепсская краткая гласная основа – это усеченная согласная основа. Неслучайно краткая гласная основа выступает в современных вепсских говорах в тех же самых формах глаголов, в которых в двухосновных глаголах употребляется согласная основа, например *pes-ta* ‘мыть’ и *kogo-ta* ‘собирать’ в императиве 2 л. мн. ч. *pes-kat* ‘мойте’ и *kogo-kat*

¹¹ Процесс выпадения финального гласного из основы был вызван фонетической структурой грамматического показателя, следовавшего за ней: если он начинался с одного согласного и образовывал слог, то создавались условия для образования согласной основы [123, с. 119].

‘собирайте’, во втором пассивном причастии *pes-tut* ‘вымытый’ и *kogo-tut* ‘собранный’. На эту закономерность обратила в свое время внимание Н. Г. Зайцева [37, с. 32].

В вепсском языке инфинитивы с показателем *-ta*, который присоединяется к краткой гласной основе (то есть исторической согласной основе), выступают в ряде случаев и там, где в финском и ряде других прибалтийско-финских языков представлен одноосновный глагол с гласной основой. Для сравнения обратимся к финскому языку, в котором в зависимости от конечного гласного основы слова делятся на одноосновные (с гласной основой) и двухосновные (с гласной и согласной основами). Выше уже отмечалось, что в финском языке исторически было гораздо больше согласных основ, которые в современном языке преобразовались в гласные. Они сохранились, в частности, в некоторых диалектных формах, в старописьменном языке или в разговорной речи, например *tuta* при совр. фин. *tuntea* ‘чувствовать’, согласная основа выступала также в форме II инфинитива: *tut-en* при нормированном *tunti-en* ‘чувствуя’ и пассива презенса *tutaan* при нормированном *tunnettaan*. Такую же закономерность отражают следующие примеры старописьменных / диалектных и современных форм: *löytä* – совр. *löytä-ä*, *löyt-tiin* – совр. *löyde-ttiin* (ср. вепс. *löuta* ‘найти’); *pyytä* – совр. *pyyttää* ‘просить’, *pyyten* – совр. *pyytä-en*; *souta* – совр. *souta-a* ‘грести’, *souten* – совр. *souta-en*, *souttu* – совр. *soudettu* (ср. вепс. *souta*), *letä* – совр. *lentä-ä*, *leten* – совр. *lentä-en*, вепс. *leta* ‘лететь’ и т. д. [110, с. 70]. Другими словами, глаголы, которые в вепсском языке относятся к группе двухосновных глаголов, в финском языке стали одноосновными. В этом случае вепсский язык нередко сохранил историческую двухосновность, утраченную другими языками, где произошло развитие по аналогии, в результате которого двухосновные глаголы уподобились одноосновным.

В целом многие глаголы, являющиеся в вепсском двухосновными, а также глаголы с двумя гласными основами, в родственных языках одноосновны (см. табл. 2.), что объясняется историческим выпадением

гласного второго слога в вепсском, ср. фин. *astu-a* ‘шагать’ и вепс. *ast-ta* [146, с. 755]. Таким образом, в вепсском и финском языках нет полного соответствия по типам основ глаголов. В финском одноосновные глаголы имеют показатель I инфинитива *-a*, в то время как все остальные (с показателями *-ta*, *-da* и возникшими из *-da* путем ассимиляции *-ra*, *-la*, *-na*) считаются двухосновными, в которых показатель присоединяется к согласной основе. Статус согласной основы оказался стертым в так называемых стяженных основах в глаголах с показателем *-ta*, в котором фактически слились последний согласный основы и первый показателя – *tavata* : *tavat+ta*. Согласными принято также считать односложные основы, в которых выступает долгий гласный (*saa-da*) или дифтонг (*syö-dä*), с учетом того что они были таковыми исторически.

Далее в таблице (см. табл. 2) наглядно продемонстрировано соотношение синхронной вепсской классификации типов основ глаголов в сопоставлении с финской.

Таблица 2. Типы глагольных основ в вепсском и финском языках
(синхронная классификация)

Вепсский язык	Финский язык
Группа 1 (одноосновные)	1. тип (глаголы на <i>-a</i>)
<i>luge-da</i> ‘читать’ <i>sula-da</i> ‘таять’ <i>kudo-da</i> ‘вязать’ <i>sido-da</i> ‘привязывать’ <i>aja-da</i> ‘ехать’ <i>küzu-da</i> ‘спрашивать’ <i>vala-da</i> ‘лить’ <i>abuta-da</i> ‘помогать’	<i>luke-a</i> <i>sula-a</i> <i>kuto-a</i> <i>sito-a</i> <i>aja-a</i> <i>kysy-ä</i> <i>vala-a</i> <i>autta-a</i>
	2. тип (глаголы на <i>-da</i>)
<i>sö-da</i> ‘есть’ <i>löda</i> ‘бить’ <i>jo-da</i> ‘пить’ <i>to-da</i> ‘приносить’ <i>jä-da</i> ‘оставаться’	<i>syö-da</i> <i>lyö-dä</i> <i>juo-da</i> <i>tuo-da</i> <i>jää-dä</i>
Группа 2 (одноосновные с двумя гласными основами)	4. тип (глаголы на <i>-ta</i>)
<i>taba-ta</i> ‘ловить’ <i>kera-ta</i> ‘собирать’ <i>keri-ta</i> ‘стричь’ <i>lebai-tas</i> ‘отдыхать’	<i>tava-ta</i> <i>kerä-tä</i> <i>keri-tä</i> <i>leva-tä</i>

<i>rube-ta</i> ‘делать что-то торопливо’ <i>kogo-ta</i> ‘собирать’	<i>ruve-ta</i> <i>koo-ta</i>
	1. тип (глаголы на -a)
<i>löu-ta</i> ‘найти’ <i>kozi-ta</i> ‘сватать’ <i>le-ta</i> ‘летать’ <i>ope-ta</i> ‘учить’ <i>tuge-ta</i> ‘поддерживать’	<i>löytä-ä</i> <i>kosi-a</i> <i>lentä-ä</i> <i>opetta-a</i> <i>tuke-a</i>
	3. тип (глаголы на -(s)ta)
<i>haugai-ta</i> ‘колоть дрова’ <i>hengäi-tä</i> ‘дышать’ <i>katkai-ta</i> ‘ломать’	<i>halkais-ta</i> <i>hengäis-tä</i> <i>katkais-ta</i>
Группа 3 (двухосновные)	1. тип (глаголы на -a)
<i>käsk-ta</i> ‘приказывать’ <i>ast-ta</i> ‘идти (шагать)’ <i>lүps-ta</i> ‘доить’ <i>kuc-ta</i> ‘звать’ <i>kac-ta</i> ‘смотреть’ <i>amp-ta</i> ‘стрелять’ <i>sir-ta</i> ‘двигать’ <i>ost-ta</i> ‘покупать’ <i>ant-ta</i> ‘давать’ <i>läht-ta</i> ‘отправляться’ <i>poim-da</i> ‘собирать’ <i>kumar-ta</i> ‘кланяться’	<i>käske-ä</i> <i>astu-a</i> <i>lүpsä-ä</i> <i>kutsu-a</i> <i>katso-a</i> <i>ampu-a</i> <i>siirtä-ä</i> <i>osta-a</i> <i>anta-a</i> <i>lähte-ä</i> <i>poimi-a</i> <i>kumarta-a</i>
	2. тип (глаголы на -ra, -na, -la, -(s)ta)
<i>män-da</i> ‘идти’ <i>ombel-ta</i> ‘шить’ <i>joks-ta</i> ‘бежать’ <i>pes-ta</i> ‘мыть’ <i>ol-da</i> ‘быть’ <i>kul-da</i> ‘слышать’ <i>pur-da</i> ‘кусать’ <i>pan-da</i> ‘класть’ <i>tul-da</i> ‘приходить’	<i>men-nä</i> <i>ommel-la</i> <i>juos-ta</i> <i>pes-ta</i> <i>ol-la</i> <i>kuul-la</i> <i>puur-ra</i> <i>pan-na</i> <i>tul-la</i>

В силу того что глаголов с двумя гласными основами достаточно много и все они отличаются разнообразием типов, их можно разделить на несколько групп по типу долгой гласной основы, которая, в свою очередь, формировалась разными аффиксами с присущей им семантикой.

В первую группу можно объединить глаголы, в которых основа инфинитива (= краткая гласная основа) заканчивается на *i* – либо одиночный, либо в составе дифтонга *oi*, *ai*. Их гласная основа имеет завершение *-iče-*:

-i(ta): -iče-: *kerita* – *keriče-b* ‘стричь’, *kabita* – *kabiče-b* ‘скрести’, *kukita* – *kukiče-b* ‘цвести’, *kozita* – *koziče-b* ‘свататься’;

-oi(ta): -oiče-: *kirjoita – kirjoiče-b* ‘пестреть’, *varjoita – varjoiče-b* ‘сторожить’, *ahavoita – ahavoiče-b* ‘веять’, *adivoita – adivoiče-b* ‘угощать’.

Финаль основы *-iče-* – исторический финно-угорский формант с континуативной семантикой *-ŋtś-* [110, с. 218], первый элемент которого *ŋ* преобразовался в соответствии с историческими фонологическими закономерностями в *i*, а второй перешел в фин. *ts*, вепс. *č*. Поэтому соответствующие финские глаголы завершаются на *-itse-*: *keritse-e* ‘стрижет’, *iloitse-e* ‘радуется’, *valitse-e* ‘выбирает’.

Особого внимания заслуживают глаголы с типом изменений **-ai(ta): -aida-**: *čiraita – čiraida-b* ‘шипеть’, *fuzaita – fuzaida-b* ‘шуметь’, *ozaita – ozaida-b* ‘отгадывать’, *kärauta – kärauda-b* ‘повернуть’, *lehkaita – lehkaida-b* ‘бросить’, *kumaita – kumaida-b* ‘опрокинуть’, *argaita – argaida-b* ‘совершать обряд новотела’, *avaita – avaida-b* ‘открыть’.

В эту группу входят дескриптивные по семантике глаголы, описывающие особенности звучания и движения: они могут быть охарактеризованы как континуативные инактивные курсивные интранзитивные глаголы: *čiraita* ‘шипеть’, *fuzaita* ‘шуметь’ и т. д. Наряду с ними выделяется группа моментативных глаголов: *lūkaita* ‘ударить’, *pühkäitä* ‘проколоть’, *tembaita* ‘выдернуть’ и т. д. Кроме того, есть образования с обычным каузативным (= активным мутативным) значением: *avaita* ‘открывать’, *kargaita* ‘танцевать’, *katkaita* ‘прерывать’, *lebaita* ‘отдыхать’, *lohkaita* ‘раскалывать’, *lūkaita* ‘ударять’, *puhkaita* ‘прокалывать’, *tembaita* ‘выдергивать’, *varaita* ‘бояться’ и пр.

Большое количество экспрессивных глаголов свидетельствует о продуктивности модели вплоть до самого последнего времени. При этом финские и эстонские соответствия целого ряда вепсских глаголов на *-aida-* представлены типом *-aise-*: вепс. *haugaita : haugaida-* – фин. *halkaista: halkaise*, *hengäitä – hengäistä: hengäise-*, *katkaita – katkaista: katkaise-*, *lohkaita – lohkaista: lohkaise-*, *potkaita – potkaista : potkaise-*, *sogaita – sokaista : sokaise-* и др. На эту ситуацию обращали в разное время внимание Д. В. Бубрих [18; 19] и

Л. Пости [132], указывающие на вторичность прибалтийско-финских глаголов на *-aida-* по отношению к глаголам на *-aise-*. Позднее Т. Лехтинен доказал, что во всех восточных прибалтийско-финских языках произошел переход глаголов на *-aise-* на другой тип основы (*-aida-*) на основе общих форм имперфекта: **avaisin: *avaidan = *potkaisin : x; x = *potkaidan* [126, с. 281].

Далее можно выделить подгруппу глаголов, гласная основа которых завершается на *-da*, выполняющего функцию каузативного (отглагольные основы) и транслативного (отыменные глаголы) форманта. Здесь выявляется несколько случаев в зависимости от звука, предшествующего *-da*: **-a(ta): -ada:** *tabata – tabada-n* ‘поймать’, *sijata – sijada-n* ‘помещать’, *kogota – kogoda-n* ‘собирать’, *torata – torada-n* ‘бороться’; **-eta: -eda:** *rubeta – rubeda-n* ‘торопливо что-то делать’, *tugeta – tugeda-n* ‘поддерживать’. В образовании формы инфинитива этой группы глаголов вновь реконструируется явление исторического стяжения на границе основы и инфинитивного показателя: закономерная утрата конечного гласного из основы приводила к стыку двух *t* – основы и показателя – и последующему их наложению. В результате такого стяжения один слог практически утрачивался: *kogota < *kokota-ta-k > *koyot˘tak >* вепс. *kogota* (фин. *koota*), *rubeta < rubeta-ta-k > rubeta-δa-k > rubet˘tak* (фин. *ruveta*).

По ряду причин еще на праязыковом уровне транслативный суффикс *-ta* / *-da* преобразовывался в некоторых случаях в *-te-* / **-δe-* [137, с. 167]: *langeta (lankte-b) < *lanyet˘tak < *lankete-ta-k* ‘падать’, *haugeta – haukteb* ‘трескаться, раскалываться’, *katketa – katkteb* ‘переломиться’, *langeta – lankteb* ‘падать’, *ratketa – ratkteb* ‘рваться, оторваться’. Взаимоотношения долгой гласной основы и основы инфинитива здесь складывались аналогично тем, которые выше реконструированы на примере суффикса *-ta* / *-da*.

Следующая подгруппа – глаголы, в долгой гласной основе которых перед *-da* выступает согласный *n* в историческом суффиксе **-ntata*, последовательно исчезающий в форме инфинитива:

-a(ta): -ande-: *elegata* – *elegande-n* ‘начать жить’, *erigata* – *erigande-n* ‘отделяться’, *lāžegata* – *lāžegande-n* ‘заболеть’;

-e(ta): -enda-: *tosketa* – *toskenda-b* ‘носить’, *paimeta* – *paimenda-b* ‘пасти’, *okseta* – *oksenda-b* ‘тошнить’, *harveta* – *harvenda-b* ‘прореживать’, *koheta* – *kohenda-b* ‘чинить’, *kükseta* – *küksenda-b* ‘гонять’, *oigeta* – *oigenda-b* ‘посылать’, *opeta* – *openda-b* ‘учить’, *kebneta* – *kebnenda-b* ‘облегчать’, *reheta* – *rehenda-b* ‘бодрить’, *ületa* – *ülenda-b* ‘возвышать’;

-a(ta): -anda-: *ohjata* – *ohjanda-b* ‘руководить’.

Утрата *-n-* фонетически обусловлена позицией перед геминированным *tt* и вписывается в закономерность, просматривающуюся в других случаях [126, с. 205]: **paimenta-ta-k* > **paiment`tak* > вепс. *paimeta*.

Аналогичным образом ведет себя в инфинитиве и *n*, который является элементом сложных по структуре суффиксов *-skende-* (*-sk-* + *-nt-*) [110, с. 227] с семантикой моментативного действия, а также *-gande-* (*-ka-?* + *-nt-*) со значением ‘начать делать что-либо’:

-ske(ta): -skende-: *tosketa* – *toskende-n* ‘носить’: **tooskente-ta-k* > **tooskent`tak* > *tosketa*, *mösketa* – *möskende-n* ‘торговать’, *vesketa* – *veskende-n* ‘уносить’;

-ga(ta): -gande-: *elogata* – *elogande-b* ‘начать жить’, *erigata* – *erigande-b* ‘отделяться’, *lāžegata* – *lāžegande-b* ‘заболеть’, *joudugata* – *joudugande-b* ‘освободиться’, *helegata* – *helegande-b* ‘зазвенеть’, *heregata* – *heregande-b* ‘проснуться’, *hüdegata* – *hüdegande-b* ‘заиндеветь’, *kobegata* – *kobegande-b* ‘зашевелиться’, *kāregata* – *kāregande-b* ‘рассердиться’, *levigata* – *levigande-b* ‘расширяться’.

Глаголы, в исходе гласной основы которых выступает исторический формант *-ne-* с транслативной семантикой, тоже утрачивают *-n-*овый элемент в форме I инфинитива: **-e(ta): -ene-:** *pideta* – *pidene-b* ‘удлиняться’, *harveta* < *harvene-b* ‘редеть’.

Однако эта утрата обусловлена, видимо, не фонетической ситуацией, поскольку позиция *n* в целом устойчива в сочетаниях с негеминированным

дентальным звуком. В данном случае предполагается влияние другой модели – образований с суффиксом *-nta-* / *-nda-* [110, с. 234] с закономерным исчезновением *n*: *pideta* – *pidenda-b* ‘удлинять’ vs. *pideta* – *pidene-b* ‘удлиняться’. Такая аналогия основана на том, что форманты функционируют с одной и той же словообразовательной основой, образуя либо полностью синонимичные производные (ср. фин. *aukeaa* и *aikenee* ‘открывается’, *oikeaa* и *oikenee* ‘выпрямляется’), либо (чаще) различающиеся возвратностью / невозвратностью действия.

Анализ образования формы I инфинитива глаголов с двумя гласными основами показывает, что так называемая краткая гласная основа в инфинитиве есть прежде всего результат фонетических изменений, происходивших в основе в результате присоединения показателя инфинитива. Выделенные типы гласных основ, сформировавшиеся в результате присоединения к словообразовательной основе разных суффиксов, преобразовывались в согласные, а образовавшиеся в результате этого сочетания согласных на стыке согласной основы и инфинитивного показателя подвергались дальнейшему стяжению и фактически полной утрате конечного согласного (в ряде случаев согласных) согласной основы [58, с. 95].

2.2. Особенности функционирования I инфинитива

Считается, что форма I инфинитива по широте и универсальности своих синтаксических функций близка к инфинитиву индоевропейских языков [28, с. 304], что вызвано длительными и насыщенными индоевропейскими языковыми контактами. Эта близость наглядна и в вепсском языке: здесь I инфинитив близок к инфинитиву русского языка, что указывает на тесные контакты народов, носителей этих языков, на протяжении многих веков.

В предложении I инфинитив является дополнением к финитному или модальному глаголу, с одной стороны, и самостоятельно может формировать предложение, в котором нет финитных глаголов, – с другой [108, с. 150].

Особенность прибалтийско-финского синтаксиса состоит в его глагольности, и сказуемое является главным членом, то есть стержнем предложения, и определяет синтаксические функции других его членов.

Синтаксис инфинитивных конструкций всегда намного сложнее, чем синтаксис простых предложений, вследствие того что инфинитивная конструкция может быть как определением для основного глагола, так и его дополнением.

В предложении I инфинитив чаще всего выполняет функцию объекта или субъекта, а также довольно часто, в отличие от финского языка, используется для выражения цели действия, то есть выступает в функции обстоятельства, и определения [28, с. 300]. Кроме того, известны случаи, когда I инфинитив образует колоративную конструкцию в связке с дескриптивным глаголом (в фин. *nauraa hohotat* ‘ты хохочешь’): *I min-se murmutaba bas'ta* ‘И что-то **бормочут**’ (букв. ‘бормочут говорить’) [155, с. 204]. В связи с тесными русскими контактами форму I инфинитива можно встретить в конструкциях, в которых не всегда удастся с точностью определить их синтаксическую функцию, в первую очередь это касается вепских предложений, построенных по правилам русского языка.

Инфинитив соотносится с прямым объектом основного глагола, и в таком случае логическим объектом действия, выраженного инфинитивом, является объект основного глагола. Оба действия направлены на один и тот же объект, при этом действие, выраженное основным глаголом, совершается для того, чтобы могло совершиться действие, выраженное инфинитивом [28, с. 308].

Форма I инфинитива широко представлена в большом количестве текстов, представленных в корпусе ВепКар. Система лексико-грамматического поиска помогла также подобрать релевантный материал для анализа частотности употребления инфинитивных форм в разных синтаксических функциях. В ходе исследования было выявлено, что форма I инфинитива встретилась в 88 % северновепских текстов (39 текстов и 356

случаев фиксации), 60 % **южновепсских** (35 текстов и 147 случаев фиксации), 69 % текстов **восточного** (81 текст и 454 случая фиксации) и 81 % **западного** говора (100 текстов и 593 случая фиксации) средневепсского диалекта [54, с. 412]. Статистика корпуса подтверждает данные о том, что форма I инфинитива востребована в языке, разница же в частотности употребления в диалектах вызвана, очевидно, тем, что автоматическая разметка хуже работает по южновепским и восточным говорам.

Являясь грамматически именной формой глагола, инфинитив и образуемая им конструкция выполняют в предложении ту же синтаксическую роль, что и другие именные конструкции, то есть *субъекта* (подлежащее), *объекта* (дополнение), *атрибута* (определение) и *адвербиала* (обстоятельство) [111, с. 41]. Рассмотрим далее синтаксические функции I инфинитива с точки зрения членов предложения, в качестве которых он выступает.

I инфинитив как субъект действия

Принято считать, что в качестве субъекта инфинитив выступает в предложениях типа *Om hüvä tehta* '(Есть) хорошо делать' и в конструкциях долженствования с безличными глаголами *tarbiž (tariž)*, *pidab* 'нужно'.

Говоря о субъектной функции I инфинитива, стоит обозначить критерии данной категории. В качестве субъекта в прибалтийско-финских языках обычно выступает имя в номинативе или партитиве. Субъектом может быть как отдельное слово, так и группа слов или целое предложение. В прибалтийско-финском языкознании выделение субъекта происходит по следующим критериям: словоформа выражает значение исполнителя действия, выступает в форме номинатива, в предложении находится перед предикатом, согласуется с глаголом в лице и числе. Однако традиционное определение субъекта в прибалтийско-финском языке не распространяется на I инфинитив. В отличие от типичного субъекта, он не имеет падежного

склонения и категории числа, а также не подвергается согласованию с предикатом (сказуемым). Позиция инфинитивного субъекта в предложении также говорит о том, что это не совсем типичный субъект: так, например, в конструкции типа *On hyvä tehdä* (фин.) '(Есть) хорошо сделать (что-либо)' субъект находится в позиции после сказуемого (предиката) [149, с. 155].

Таким образом, если в качестве субъекта выступает I инфинитив, вышеуказанные критерии теряют актуальность, поскольку вместо них появляется иной состав признаков: инфинитивный субъект относится к действию или ситуации, а не создателю действия, расположен нейтрально по отношению к основному глаголу (предикату), то есть может располагаться как перед, так и после него, выступает только в конструкции с безличной формой глагола *olla* 'быть' в третьем лице [103, с. 129]. В отличие от традиционного субъекта, который является отправной точкой действия, выраженного предикатом, инфинитивный субъект выражает значение самого действия.

П. Саукконен [138, с. 154] сформулировал понятие адноминального или приименного инфинитива, относя к такому инфинитиву конструкции типа *On pakko mennä* (фин.) 'Нужно (есть надобность) идти', *On hyvä mennä* (фин.) '(Есть) хорошо идти'. Форма I инфинитива самостоятельно выступает в данном случае в роли субъекта в так называемых атрибутивных конструкциях. В таких конструкциях в качестве предикатива функционирует определение или атрибут, которые и характеризуют субъект. Именно в атрибутивных конструкциях типа *om hüvä* I инфинитив выступает в роли субъекта и является для определения главным словом [107]: *Urus künntä hond ani* 'В норе очень плохо копать (полоть)' [123, с. 43]; *Ak putuu milee radnik, eläda ii hondomb* 'Жена попалась мне работающая, жить не хуже (стало)' [123, с. 379].

В этих примерах представлено довольно последовательное выпадение глагола-связки *om*, вызванное влиянием русского языка, в котором связующий глагол часто бывает выражен нулевой связкой, см. рус. *мне холодно*.

Согласно грамматикам многих индоевропейских и прибалтийско-финских языков, инфинитив может выступать в роли субъекта только в случае,

если он находится в начале предложения, например *Ongitada (om) kaikid paremb kevädou...* ‘Рыбачить лучше всего весной...’ [155, с. 79], где *ongitada* ‘рыбачить’ – это субъект, а *(om) kaikid paremb* ‘лучше всего’ – предикатив или составное сказуемое, где *(om)* – сказуемое, а *kaikid paremb* – предикативная часть, выраженная прилагательным. Аналогичным образом в русском языке инфинитив, называющий действие-состояние, также может выступать в роли подлежащего (*Расчудесное это занятие – снегирей ловить*) [83, с. 381]. И здесь большую роль при определении функции инфинитива выполняет именно порядок слов в предложении: субъект, представленный инфинитивом, располагается в начале конструкции, а именно предшествует предикату, например *Жить на земле – большое удовольствие! Любить – вот счастье!* [21, с. 92]. В обоих предложениях предикат выражен существительным (*большое удовольствие, счастье*), и поэтому при инверсированном порядке слов, то есть при переходе инфинитива в позицию после сказуемого, он тем не менее будет оставаться субъектным: *Большое удовольствие – жить на земле! Счастье – любить!* Данную модель можно перенести и на вепсский язык. В качестве субъекта действия I инфинитив выступает в вепсских предложениях, образованных по русскому типу, в том случае если он находится в начале предложения: *юж. вепс. Ostta täga ei (ole) mišpäi* ‘Купить здесь неоткуда’; *Ei ole vračuid, lečta ii kele* ‘Нет врачей, лечить некому’; *Meil taljankad iile, vāta ii mil* ‘У нас тальянки нет, играть не на чем’; *Lapsile, norile tehtä ii midä* ‘Детям, молодежи делать нечего’; *Stroida pertid ii kelle* ‘Дом построить некому’ (ЛА, Радогощ).

Здесь целесообразно отметить конструкции типа *некому строить, негде покупать* и т. д. В разговорной речи они встречаются довольно часто, на что указывают примеры выше, в южновепсском говоре в подобных конструкциях инфинитив находится в начале предложения, в северновепсском говоре инфинитив переходит в конец предложения, но такой инверсированный порядок не влияет на функцию инфинитива: *Nikuna primda (om)* ‘Некуда

принять (есть)’ (ЛА, Рыбрека); *Pit’kha ajada (oli)* ‘Долго ехать (было)’ (ЛА, Немжа).

Ниже к рассмотрению предлагаются примеры из разных диалектов, а также из нормированного варианта вепсского языка, где I инфинитив выступает в роли субъекта в предикативных конструкциях прибалтийско-финского типа *om hüvä, om läm*’:

- *сев. вепс. Raffaze huiget panda, da vaiše kodiš pidada* ‘На люди стыдно надеть, да только дома носить’ [174, с. 22]; *Žal’ om ved’ milei vól erigata itšein vol’nijas valdaizes* ‘Жаль мне расставаться со своей вольной волюшкой’; *Siloi kaikile oli düged eläda* ‘Тогда всем было трудно жить’ (ЛА, Каскесручей); *Lujas om жүged kaita nese kel’* ‘Очень трудно сохранять этот язык’ (ЛА, Рыбрека); *Učitel’al oli rata lujas paha* ‘Учителем было работать очень плохо’; *Strašno d’ohtutada om* ‘Страшно вспомнить’; *Lujas oli löumain opetaze* ‘Очень тяжело было учиться’; *Huiged sanuda, diktantan olen kird’utani* ‘Стыдно сказать, как диктант написала’ (ЛА, Шёлтозеро);

- *ср. вепс. Hüvä kunduulda laptaspäi* ‘Хорошо со стороны слушать’ [155, с. 115]; *Hüvä oli eläda, kaik vessou, em väznu* ‘Хорошо было жить, всё весело, не уставали’; *Paremba otta lehtoz pravil’no* ‘Листок лучше брать правильно’ (ЛА, Тимошино); *Om hüvä eläda derounas* ‘Хорошо жить в деревне’ (ЛА, Берег); *Touvuui om löumei tehta hougod* ‘Зимой трудно дрова заготавливать’ (ЛА, Винницы); *Diki lujas čomin paštta nene pirgad magedad* ‘Очень здорово печь эти сладкие пироги’ (ЛА, Немжа); *A jesli nitta lehmäle söndaks, ka жүged* ‘А если косить для коровы, то трудно’ (ЛА, Немжа); *Pagišta paremba, mi lugeda* ‘Говорить лучше, чем читать’ (ЛА, Тимошино); *Kavaged levitadas, ii tariš kattust, nimida, mugoi läm magata nodjuu* ‘Хвоей расстилают, не нужно одеяла, так тепло спать у костра’ [155, с. 68]; *Nügüd’ om kolhoznikoile eläda pahoin hüvä* ‘Сейчас колхозникам жить очень хорошо’ [155, с. 114]; *Luuk tapta hüvä käduu* ‘Ловко молотить лучше рукой’ [155, с. 115];

- *юж. вепс. Paremb oliš kezerta* ‘Было бы лучше прясть’ [160, с. 33]; *D’üjä milen’ nügüt pajatada* ‘Хорошо мне сейчас петь’ [Там же, с. 44];

A spuskata om paimeta pahoin löumain ‘А без отпуска пасти плохо’ [Там же, с. 150]; *Paremb elüşkada üksnein* ‘Лучше жить одному’ (ЛА, Радогощь); *Hond nittä mäthištos* ‘Плохо косить на пригорке’ [123, с. 43];

- *мл. Oli lujas jüged tabata händast* ‘Было очень трудно поймать его’ [164, с. 26]; *Jüged oli kacta neche kuvaha* ‘Трудно было смотреть на эту картину’ [164, с. 29]; *Paremba kolda, mi mokitas* ‘Лучше умереть, чем мучиться’ [164, с. 30].

В конструкциях с глаголами, выражающими долженствование, – *tariž* (*tarbiž*), *pidab* ‘нужно’ форма I инфинитива также выступает в роли субъекта. Анализ примеров показывает, что данная конструкция является довольно продуктивной во всех говорах вепсского языка. И если рассмотренный ранее подход с атрибутивным предикативом в некоторой степени совпадает с грамматикой русского языка, то конструкция долженствования с безличными глаголами *tarbiž* (*tariž*), *pidab* ‘нужно’ является прибалтийско-финской моделью. Тем не менее и здесь тесные русскоязычные контакты вепсов сыграли свою роль. Примечательно, что, в то время как в родственном финском и других прибалтийско-финских языках в подобной конструкции долженствования агент будет выражен формой генетива *minun pitää tehdä* ‘мне нужно сделать’ (фин.) и является субъектом, в вепсском существительное, выполняющее роль агента действия, выраженного конструкцией долженствования, будет находиться в форме аллатива, подобно русскоязычной конструкции *мне нужно*, и выполнять соответственно роль дативного адвербиала: вепс. *Minei pidab tehta* ‘Мне нужно сделать’ (ЛА).

Прежде чем продемонстрировать случаи употребления I инфинитива в качестве субъекта в конструкции долженствования, необходимо отметить, что глаголы *pidab* и *tariž* (*tarbiž*) неодинаково востребованы по диалектам. Анализ употребления глаголов долженствования показал, что в северновепсском диалекте наметилась тенденция к более широкому употреблению глагола *pidab*: по словам информантов, глагол *tarbiž* вообще не бытует на данной территории. Следует предположить, что употребление глагола *pidab* у

северных вепсов связано с их тесными контактами с карелами, в языке которых в конструкциях долженствования используется глаголы *pidäy* / *pitäy* (сев. кар.), *pidäy* / *pidää* (ливв.), *pidäb* / *pidab* (людик.), например *Pitäy suaha verkko kuivamah* ‘Нужно достать сеть сушиться’ [77, с. 199]. См. другие примеры:

- *сев. вепс. Emboi nimidä tehta, kenenke pidab pagišta* ‘Не могу ничего сделать, с кем нужно поговорить’ (ЛА, Шёлтозеро); *I sanub üks’ - libuda pidab kuzhe da katsta eik kus se nägub lämäšt* ‘И говорит один – подняться нужно на ель и посмотреть, не видно ли где-то огня’ [172, с. 2]; *A kezal hiināntegol abutada tamale pidi* ‘А летом на сенокосе нужно было маме помогать’ (ЛА, Каскесручей); *Pidab hüvin puzerta, vezi-se pidi kodiš lämbitada* ‘Нужно хорошо выжать, воду-то надо было дома нагревать’ (ЛА, Рыбрека).

В свою очередь, в восточновепских говорах, а также южновепском диалекте глагол *pidab* практически полностью утрачен, и в данной ситуации используются лишь глагол *tariž* и его фонетические варианты *tarbiž*, *tari*. В западных средневепских говорах востребованы оба глагола – как *pidab*, так и *tarbiž*:

- *сп. вепс. Niičed ümbri stolas sižutasei, ženihol munarič pidab vorta* ‘Девушки вокруг стола встают, у жениха нужно яичницу украсть’ [155, с. 48]; *Konz lüpsan lehmän Tari hänke pagišta* ‘Когда дою корову, нужно с ней разговаривать’ (ЛА, Пяжозеро); *Mini tari kül’betid lämbitada* ‘Мне нужно баню затопить’ (ЛА, Берег); *Ii tari oli opeta vepsän kel’t* ‘Не нужно было учить вепский язык’ (ЛА, Шондала);

- *юж. вепс. Kaikuččou vodou pertid tariž oboit’t’a, чтобы iilež hondod nimida* ‘Каждый год дом нужно обходить, чтобы плохого ничего не было’ [155, с. 263]; *Ii tariž nigide sobad stirda* ‘Не нужно сейчас одежду стирать’ (ЛА, Радогощ).

В младописьменном же языке, использующем ресурсы всех диалектов, оба глагола употребляются в равной степени:

- *мл. I mamale tarbiž meletada – kelle kuverz’ maidod tarbiž sötta* ‘И маме **нужно думать** – кому сколько молока **нужно** скормить’ [164, с. 9]; *Maman südäin pidi lämbitada muhul* ‘Мамино сердце **нужно** было **согревать** улыбкой’ [164, с. 29].

Рассмотрим подробнее пример *Minei kodihe oliž lähtta da rata tariž* ‘Мне домой было бы идти и **работать нужно**’, в котором интерес вызывает форма, где конструкция долженствования с условным значением выражена глаголом *olda* ‘быть’ в форме кондиционала в сочетании с глаголом в форме I инфинитива *Minei oliž lähtta* букв. ‘Мне было бы идти’, то есть ‘надо бы идти’. Она аналогична конструкции долженствования в финском языке (*nesessiivirakenne*), где долженствование выражено глаголом *olla* ‘быть’ в форме 3 л. ед. ч. и основного глагола в форме первого пассивного причастия *olisi oltava* ‘нужно бы быть’ [109, § 921]. Такая конструкция не является продуктивной в вепсских говорах и представлена лишь некоторыми примерами:

- *сев. вепс. Čikuško, oliž naida* ‘Сестричка, **надо бы жениться**’ [153, с. 108];
- *юж. вепс. Mijak ii mindain oliž panda carikš* ‘Почему **бы** меня **не поставить** царем’ [153, с. 156].

Форма I инфинитива может выступать в предложении и без глагола-долженствования *tariž (tarbiž), pidab*. Это явление можно объяснить, с одной стороны, тенденцией к сокращению, свойственной разговорной речи. Подобные конструкции бытуют и в финских говорах. С другой стороны, здесь, безусловно, сказывается влияние русского языка. Так, например, в западном и восточном ареалах широко представлены варианты употребления этой конструкции в бытовых рассказах, где идет повествование информанта о традиционных занятиях в таких областях, как ведение сельского хозяйства, сенокос, животноводство, ремесло, проведение обрядов жизненного цикла и прочее.

В следующих примерах форма I инфинитива, являясь единственной глагольной формой в предложении, выступает в роли субъекта:

- *сев. вепс. Houdup sotkei koume poigaštš, kuna sotkeile poigat panda?* – фин. *Minne voi sotka pojat panna?* ‘Где можно утке детей **оставить**’; *Minun milk om kut kozeine, vaiše vasteižit söda* – фин. *Pitäisi hänen vain lehdeksiä syödä* ‘Моя милая как козочка, **нужно только** листочками **кормить**’; *Kuna sotkeile itšeleze mända?* – фин. *Minne sotka voi itse mennä?* ‘Куда уточке самой **идти**?’ [174, с. 64]. Следует обратить внимание, что в параллельном финноязычном переводе конструкции, представленном в сборнике «Äänisvepsän näytteitä» [174], употребляется глагол долженствования *pitää* ‘нужно’ или модальный глагол со значением возможности *voida* ‘мочь’.

- *ср. вепс. Bok om zavalida, a toižes tapad* ‘В одной стороне **сваливаешь** (букв. ‘надо свалить’), а в другой **молотишь**’ [155, с. 115]; *Kuna panda hougon* ‘Куда (нужно) бревно **положить**’ (ЛА, Берг); *Gärvhe ligotada, bude gärv lähen om libo g’ogehe ligotada, a g’oged eilä da gärved eilä, pidab mičenihe luhtha ligotada* ‘В озере (нужно) **замочить**, если озеро рядом, или в реке (нужно) **замочить**; а если нет ни реки, ни озера, **нужно** в какой-то луже **замочить**’ [155, с. 56]; *Iče dodumivaju, midä tehta* ‘Сам додумываю, **что** (нужно) **делать**’ (ЛА, Тимошино).

Характерно, что в сборнике образцов вепсской речи «Näytteitä etelävepsästä» [160] в финских переводах данной конструкции использована форма I пассивного причастия в сочетании с глаголом *olla* ‘быть’ в 3 л. ед. ч., передающая идею долженствования, – *minun on mentäva* ‘мне нужно идти’:

- *юж. вепс. Mibak sileš kirjutada?* – фин. *Mitä sinulle on kirjoitettava* ‘Что тебе **нужно написать**’ [160, с. 29]; *Kut, basib, milen’ ouda* – фин. *Miten, sanoo, minun on oltava* ‘Как, говорит, мне (нужно) **быть**’ [160, с. 29].

Показательно, что в младописьменном языке подобные конструкции в силу их определенной грамматической недооформленности, нередкой в разговорном языке, не употребляются.

I инфинитив как обстоятельство действия (адвербиал)

Адвербиал, или обстоятельство, является членом предложения, зависящим от основного глагола или целого предложения и обозначающим признак действия глагола или предложения, которое выражает цель действия основного глагола [149, с. 163].

Обстоятельства принято разделять на несколько подгрупп. Традиционное языкознание предлагает классифицировать адвербиал по его семантическим категориям по отношению к действию основного глагола в предложении, таким как причина, способ, время, место и пр. [140, с. 29; 126, § 960]. Такая классификация принимает во внимание больше не синтаксические функции, а семантические, но достаточно прочно закрепились в грамматиках многих языков. Что же касается синтаксиса, то адвербиалом в нем считается второстепенный член предложения, дополняющий глагол, но не являющийся при этом объектом [111, с. 201]. Чаще всего главным словом в адвербиальной конструкции является финитный или основной глагол, это касается в том числе и случаев, когда в роли адвербиала используется I инфинитив.

При определении синтаксической роли I инфинитива в предложении важным остается его положение по отношению к главному слову. Так, например, I инфинитив в вепсском языке выступает в качестве адвербиала, выражая причину, намерение или цель действия основного финитного глагола:

- **сев. вепс.** *Potom tod'he školaha diafil'm ozutada* 'Потом **принесли** в школу диафильм (чтобы) **показать**' (ЛА, Шёлтозеро); *Üks' saldat otihe löuta netsen tšoman tütran* 'Одного солдата **взяли** (чтобы) **найти** красивую девушку' [172, с. 12];

- **юж. вепс.** *Kaiken kacub manitada rahvast* 'Все время **смотрит** (как / чтобы) людей **обмануть**' [155, с. 115].

Форма I инфинитива выступает в предложении в роли адвербиала не только как самостоятельное слово, но и в составе второстепенного сложноподчиненного предложения с подчинительным финальным союзом *miše* ‘чтобы’, определяя значение причины действия основного глагола, а также предложения, где этот союз опущен, что продемонстрировано на примерах ниже. Такие конструкции достаточно продуктивны для диалектной речи:

- *сев. вепс. Mužik oli völ nor’, tütär kazvatada, ka hän ot’t’ i nai toižen kerdan* ‘Мужик был еще молодой, (чтобы) дочь растить, он взял и женился второй раз’ [153, с. 34]; *Anda mili luuhut kabita* ‘Дай мне косточку (чтобы) обглодать’ [153, с. 36]; *Toukunt tegin söda hänele, i hän kakastui* ‘Толокно я сделал (чтобы) есть ему, и он поперхнулся’ [153, с. 56]; *Midani tedad bivalščiniid sanuda?* ‘Какую-нибудь знаешь бывальщину (чтобы) сказать’ [153, с. 71]; *Miil ii olnu dengiid, mise sup-se hot’ söda* ‘У нас не было денег, чтобы суп хоть поесть’ (ЛА, Шёлтозеро);

- *ср. вепс. Kerazin marjad miše keitta varenjad* ‘Собирали ягоды, чтобы варить варенье’ (ЛА, Берег); *Naku om čai, miše händast joda* ‘Вот чай, чтобы его пить’; *Mišto lembitada döugad minä hiid hositin* ‘Чтобы согреть ноги, я их потер’ (ЛА, Григорьевская); *Onged tarbiž ezmäi tacta kaikihe polihe, mišo tedištada, kus om kala* ‘Удочку нужно сначала бросить в разные стороны, чтобы узнать, где рыба’ [155, с. 79]; *Mišto aveita veri tari kolkotada* ‘Чтобы открыть дверь, нужно постучать’; *Hosin jougod mišo lämbitada heid* ‘Натираю ноги, чтобы согреть их’ (ЛА, Винницы);

- *юж. вепс. Bočkaižes kurkuine bokaspäi, mise olud potom voiž pästta* ‘В бочонке отверстие сбоку, чтобы пиво потом могло выходить’; *Tariž kopt’a, miše ostta, kerata den’gad* ‘Нужно копить, чтобы купить, собирать деньги’ (ЛА, Радогощ).

Замещение других инфинитных форм формой I инфинитива довольно характерно для вепсских говоров, что опять же объясняется влиянием русского языка, где существует лишь одна инфинитная форма: *Mö eriganzim*

nitta hiinad, kargaita ‘Мы закончили косить траву, танцевать’ вместо *Mö eriganzim hiinad nitmaspei, kargaimaspei* букв. ‘Мы отделились от кошения травы, от танцевания’ (ЛА).

Вопрос дистрибуции формы I инфинитива и иллативной формы III инфинитива встает и тогда, когда инфинитив выступает в роли обстоятельства места, особенно когда речь идет о диалектах. Анализ диалектных форм указывает на то, что иногда в конструкциях с глаголами движения используется I инфинитив на месте III инфинитива, что противоречит прибалтийско-финским закономерностям. Причиной такой замены является влияние русского языка. Самое большое количество случаев, где I инфинитив используется вместо иллативной формы III инфинитива, встретилось в северновепсском диалекте:

- *сев. вепс. Laps' magatta I dättihe* ‘Ребенка спать и оставили’; *söd'he, död'he, ka magatta verd'he* ‘Поели, попили и спать легли’; *Hän magatta mäni* ‘он спать пошел’ (ЛА, Шёлтозеро);

- *вост. вепс. Käuda kül'betiš pestas ka* ‘Сходить в бане помыться’; *Kuna mö veškam möda?* ‘Куда мы отведем продавать?’ [153, с. 178]; *Mina en lähtnuiž necida dumad dumeida* ‘Я бы не пошел эту думу думать’ [157, id 1114];

- *зан. вепс. Min'a ezmäks openzimoi pagišta vepsäks* ‘Я сначала научился говорить по-вепсски’ [157, id 19]; *Užinan süimei ka jäl'ghe užinad ika magata panese* ‘Ужин съели, да после ужина спать ложиться’ [153, с. 133]; *Mända mini kacta* ‘Пойти мне посмотреть’ [157, id 4258].

Здесь требует внимания инфинитивная конструкция, зафиксированная в западновепсском диалекте и включающая глагол, не имеющий полной парадигмы и совпадающий с потенциалом *linda* ‘быть, становиться’ в форме 3. л. ед. ч. (*linneb*), и форму I инфинитива. Значение глагола *linda* зависит от контекста и в одних случаях может обозначать любое действие в будущем времени, а в других его значение приближается к возможностному наклонению [34, с. 261]. Глагол *linda* является потенциальной формой глагола

olda ‘быть’ в родственных языках. Это может свидетельствовать о потенциальном (в плане модальности) значении рассматриваемой конструкции и в вепсском языке (то есть ‘придется’), например ***Linneb näl ’gha kolda*** ‘Придется с голоду умереть’ [157, id 865]. Иногда форма глагола *linda* опущена. Чаще всего конструкция бытует в фольклорных текстах (сказки) и текстах причитаний в сочетании с существительным в форме аллатива: *Kut minei linneb kubahtada i likahtada* ‘Как мне будет шевелиться и двигаться’ [43, с. 53]; *I kut miile nügud eläda se* ‘И как мне теперь (будет) жить-то’ [43, с. 150]; *I kut minei linneb mänetada nese* ‘И как мне будет проводить это’ [43, с. 178]; *I kutak i mini liineškandeb eläškata i oleškata-se* ‘И как же мне будет жить и существовать’ [43, с. 160].

Эта конструкция соответствует русской фольклорной формуле, обычной для жанра причитаний, и, видимо, испытала ее влияние.

И инфинитив как атрибут действия

Атрибут является непосредственным определением существительного, то есть главным словом для атрибута всегда является существительное или имя, выполняющее его функции (числительное или местоимение). Этот факт является главным ориентиром при определении синтаксической функции инфинитива в инфинитивной конструкции и очерчивает довольно четкие границы его функционирования. В конструкции, где инфинитив выступает в роли атрибута, в качестве главного (определяемого) слова употребляется существительное в номинативе или партитиве, а форма инфинитива характеризует это существительное с точки зрения его действия. Часто в ряду существительных встречаются такие лексемы, как *affat* ‘охота (в знач. ‘желание’), *aig* ‘время’, *taht* ‘желание’, *mel* ‘мысль’. Конструкции с ними можно считать устойчивыми:

- ***сев. вепс. Iilä offot ištta, iilä offot gul’aida*** ‘Нет охоты сидеть, нет охоты гулять’ [157, id 1105]; ***Eilä ohvot tulda?*** ‘Нет ли охоты прийти?’

[153, с. 75]; *A minei ohvot oli putta Šoutarvehe* ‘Мне охота была попасть в Шёлтозеро’ (ЛА, Шёлтозеро);

- *зан. вепс. Mil’ taht voib sihe tulda* ‘У нас желание, может, туда пойти’ [157, id 20]; *Kaikile vāta ofot teg’hez’ opetas* ‘Всем охота стала научиться играть’ [155, с. 23]; *Ka naida tegihe mel’* ‘Жениться захотелось’ (букв. ‘жениться стало настроение’) [155, с. 105];

- *вост. вепс. Aig tegese naida* ‘Время настает жениться’ [157, id 4476]; *Vāndon norile priheižile keiken eigan ofot ostta* ‘Игру молодым парням все время охота купить’ [157, id 4476]; *Ii mijal aigan kodiš ištta, kaiken radoim* ‘Не было у нас времени дома сидеть, все время работали’ (ЛА, Тимошино);

- *юж. вепс. Mel’hištimooiš, mehele affat mända, a hälle affat naida* ‘Влюбились, замуж охота выйти, а ему жениться охота’ [157, id 173];

- *мл. Kaikil oli taht nägištada – miččiš minä olen meliš?* ‘У всех было желание посмотреть – в каком я настроении?’ [165, с. 8]; *Tuli aig lähtta kodisijaspäi meiden-ki kanzale* ‘Пришло время уезжать из дома и нашей семье’ [Там же, с. 13]; *Minunnoks siloi tuli mel’ hotkempa kazda* ‘Ко мне пришла тогда мысль поскорее вырасти’ [Там же, с. 16].

В вепсском языке конструкции, где форма I инфинитива выполняет атрибутивную функцию, довольно распространены, и условно их можно разделить на 2 типа: предикативные конструкции, где главное слово соединяется с атрибутивным инфинитивом глаголом-связкой *olda* [129, с. 114], и конструкции, где инфинитив носит автономный характер, описывая при этом главное слово.

Анализ источников показал, что иногда трудно определить роль инфинитива в подобной конструкции. Некоторые финские ученые [137, с. 155; 139, с. 283] считают, что инфинитив выступает в роли обстоятельства в том случае, если, выступая в связке с главным словом, выражает значение места или цели действия (например фин. *Minulla on leipää syödä* ‘У меня есть хлеб, чтобы есть’). Иначе говоря, в некоторых случаях синтаксическую функцию

инфинитива определяет именно его семантическое значение. Так, например, в предложении *Aig om mehele mända* ‘Время замуж выходить’ инфинитив *mända* ‘выходить’ может выступать определением для субъекта предложения *aig* ‘время’ (время какое?) и обстоятельством цели (время для чего?), находясь в составе предикативной конструкции *mända mehele*:

- *сев. вепс. Tšerod meiden karasinad sada* ‘Наш **черед** керосин **получать**’ (ЛА, Рыбрека);

- *ср. вепс. Meiden kel’ ani čoma bas’ta* ‘Наш **язык** очень **красивый** (чтобы **говорить**)’ [123, с. 119] – в этом примере инфинитив *bas’ta* может также выполнять адвербиальную роль с финальным значением ‘Язык красив, чтобы на нем говорить’; *Minai tämbei päč löda* ‘Мне сегодня **печь** **делать**’ (букв. У меня сегодня **печь** (чтобы) **сделать**)’ [157, id 3]; *Niičil ka elend manerad vinad joda* ‘У девушек то и не было **привычки** вино **пить**’ [157, id 8];

- *юж. вепс. Tul’ očered’ mända tatalost norembale prihale* ‘Пришла **очередь** **идти** к отцу младшему сыну’ [135, с. 111]; *Ilo heid’ laptaspää nähta* ‘**Радость** их со стороны **увидеть**’ [123, с. 488]; *Muila ni verod iile pestaze* ‘**Мылом** нет **привычки** **мыться**’ [Там же];

- *мл. Paiči sidä päidei oli tundištoitta lapsid Karjalan taidehenke* ‘Помимо этого **основная идея** была **познакомить** детей с искусством Карелии’ [157, id 6869]; *Pätegendan om löuta uzid laduid el’geta äikeližut* ‘**Основной задачей** является **найти** новые способы понять многоязычие’ [157, id 1086].

В фольклорных текстах форма I инфинитива может встретиться в роли определения с финальной функцией для субъекта или объекта предложения, выраженных именем существительным. В подобных случаях диалектные варианты предлагают использование инессивной формы II инфинитива¹², но в некоторых примерах произошло ее замещение:

¹² Юж. вепс. – *Kuna sinei bardaine? – Vitäkhuden hijodes. – Kuna sinei vitäkhut? – Heinaižen nittes. – Kuna sinei heinaine? – Lehmaižen settes.* ‘– Куда тебе борода? – Косу точить. – Куда тебе коса? – Травушку косить. – Куда тебе травушка? – Коровку кормить’ [155, с. 247].

– *Kuna siniiž oravaine? -g'armankalo veda;*

– *Midä gätad mamaloiš? – Lämän päč'in magata.*

– *Midä gätad viikaloiz? – Hivän hebon ajada.*

– *Midä gätad čizaliož? – Russtan üuknan kacta.*

– *Midä gätad akaloiž? – Suren kiven gäuhtha.*

‘– Куда тебе **белочка?** – (**чтобы**) на ярмарку **отнести**’ [155, с. 171];

‘– Что оставишь маме? – Теплую **печь (чтобы) топить**’.

– Что оставишь брату? – Хорошую **лошадь (чтобы) ездить**.

– Что оставишь сестре? – Красное **окно (чтобы) смотреть**.

– Что оставишь жене? – Большой **камень (чтобы) молотить**’ [155, с. 170];

– *Mida rata bardeižuu?*

– *Ka lituukeine terata.*

– *Mida rata lituukeižuu?*

– *Hiineine niittä.*

– *Mida rata hiineižuu?*

– *Ka lehmeine sötta.*

– *Mida rata lehmeižuu?*

– *Ka meideine lüpstä.*

– *Mijak rata meideižuu?*

– *Ka kašeine kiit't'a.*

‘– Что делать бородушкой?

– Да **косу (чтобы) точить**.

– Что делать косой?

– **Травушку (чтобы) косить**.

– Что делать травушкой?

– **Коровушку (чтобы) кормить**.

– Что делать коровушкой?

– **Молочко (чтобы) доить**.

– Что делать молочком?

– **Кашку (чтобы) варить**’

[155, с. 75].

В целом атрибутивную функцию инфинитив может выполнять лишь в достаточно четких синтаксических и семантических условиях, находясь в предложении в сочетании с абстрактным словом или отглагольным существительным. В вепском языке в подобных конструкциях в качестве

такого существительного часто выступают имена, выражающие желание или стремление, время, мысль или идею, способ, возможность или попытку.

I инфинитив как объект действия

В вепсском языке, как и в родственных ему прибалтийско-финских языках, инфинитив выступает в роли объекта чаще всего в сочетании с переходным глаголом в финитной или инфинитной форме. Иными словами, глагол, в валентные отношения с которым вступает объект, является переходным. Инфинитив соотносится с прямым объектом основного глагола: логическим объектом действия, выраженного инфинитивом, является объект основного глагола. Функционирование I инфинитива в качестве объекта связано с употреблением различного рода модальных глаголов.

В грамматике русского языка дополнение (объект) также может быть выражено инфинитивом, который, в свою очередь, может быть объектным и субъектным [83, с. 398].

Для того чтобы более подробно рассмотреть, как используется форма I инфинитива в качестве объекта в предложении, мы разделили глаголы на несколько групп в зависимости от их семантики:

1) глаголы со значением начинания или окончания действия – *zavodida* ‘начинать’, *prikatida* ‘прекращать’, *loptä* ‘заканчивать’. Глагол *zavodida*, обозначающий начало действия, заимствован из смежных русских говоров: *заводить* ‘начинать делать что-либо’ [185, с. 323]. В вепсском языке в основном употребляется в связке с формой I инфинитива, что свидетельствует не только об усвоении самого глагола, но и его синтаксических свойств. Так же, как и в русскоязычной конструкции, в вепсском языке глагол *zavodida* используется с формой I инфинитива:

- *сев. вепс. Nened velled zavottihe d'agada imuštšestva* ‘Эти братья **начали делить** имущество’ [172, с. 8]; *Üks' saldat otihe löuta netsen tšoman tüttran* ‘Один солдат **взялся искать** эту красивую девушку’ [174, с.12]; *Käuda-*

se ceravno zavodi ‘Ходить всё равно начала’ (ЛА, Рыбрека); *Tan’a, minä sindei opendan pagižmaha da zavodi pagišta* ‘Таня, я тебя научу разговаривать, и начала говорить’ (ЛА, Рыбрека); *Siloi zavodim mö rata* ‘Тогда начали мы работать’ (ЛА, Шёлтозеро);

- *ср. вепс.* *Kondi tuli rindale i zavodi sen propašinan söda* ‘Медведь подошел и начал эту пропащину есть’ [155, с. 8]; *Nu I zavodimej päzda orgho hil’l’äšti* ‘Ну и стали мы потихоньку вниз спускаться’ [155, с. 8]; *Minä zavodin kül’betin lämbitada* ‘Я начала баню топить’ (ЛА, Берег); *Školas zavodin pagišta po-russki* ‘В школе начала говорить по-русски’ (ЛА, Берег); *Zavodimej pajatada* ‘Начали петь’ (ЛА, Винницы);

- *юж. вепс.* *Sini händikaz i davai šaugun rebitada* ‘Волк давай (начал) мешок рвать’ [160, с. 52]; *Händikhan rikoba, zavodiba nil’kta* ‘Волка убьют, начнут шкуру снимать’ [153, с. 152]; *Kondi zavodi heidenost kääda* ‘Медведь начал к ним ходить’ [Там же, 149]; *Minä lapsen zavodin kudoda verkod, merdažed kalates* ‘Я ребенком начал плести сети, мережи для рыбалки’, *Zavodin kargaata* ‘Я начал танцевать’; *Zavodin kerata bolad* ‘Я начал собирать ягоды’ (ЛА, Радогощь);

- *мл.* *I sid’ mina zavodin el’geta, mikš hö nagroiba* ‘И тогда я начала понимать, почему они смеются’ [164, с. 20]; *No sid’-žo Iisus zavodi pagišta heidenke* ‘Но тогда же Иисус начал говорить с ними’ [178, с. 95].

В северновепсском ареале отмечены единичные случаи связки с иллативной формой III инфинитива: *No minä zavodimej metsastamha* ‘Но я начал охотиться’ [174, с. 36]. Надо полагать, что такая ситуация может быть спровоцирована карельским языковым воздействием, которое, как известно, отличает северновепсский диалект от других вепсских диалектов [42, с. 98]. В данном случае глагол *zavodida* эквивалентен карельскому глаголу *ruveta / rubeta* ‘начинать что-то делать’, в сочетании с которым всегда используется иллативная форма III инфинитива, выступающая в роли адвербиала со значением направления действия: *Ilda rubioo tulemah* ‘Вечер будет наступать’; *Hammašta rupei kivistämäh* ‘Зуб будет болеть’ [187]; *Päiväine*

rubezi paštamah ‘Солнце начало светить’; *Prišlos’ rubeta dārviä kylvömäh* ‘Пришлось начать купаться в озере’ [157, id 6000]. Интересно, что, по данным Словаря вепсского языка [183], соответствующий глагол *rubeta* известен средневепским говорам, но в значении ‘торопливо делать что-либо’ и используется в сочетании с I инфинитивом – *rubeta rata* ‘торопливо работать’; *Kuna hän rubedab astta?* ‘Куда он идет торопливо?’ [183, с. 482].

2) глаголы, обозначающие мысли, идеи, решения, чувства, намерения: *meletada (dumaida)* ‘думать’, *ladida (rešiida)* ‘решить’, *armastada* ‘любить’, *navet’t’a* ‘любить’, *lubida* ‘любить, нравиться’, *tahtoida* ‘хотеть’, *käskta* ‘приказать’:

- *сев. вепс. I zadumali hö semeta nagrišt ühtes* ‘Задумали они посеять репу вместе’ [174, с. 2]; *Hän lübi vinan d’oda* ‘Любил он вино пить’ [174, с.10]; *Ladi vaiše lükäita* ‘Решил только поколотить’ [174, с. 2];

- *юж. вепс. Mä en rohti mända, mane sä* ‘Я не осмелюсь пойти, иди ты’ [160, с. 39]; *En rohti neti tahō i sanuda* ‘Не осмелюсь я в этих местах и слова сказать’ [160, с. 39];

- *мл. Erased volostim eläjad tahtoiba kaita Vepsän volostid* ‘Некоторые жители волости хотят сохранить Вепсскую волость’ [175, с. 5]; *Voinan augotišes pätim lähtta Suvärin polehe* ‘В начале войны мы решили отправиться на сторону Свири’ [180, с. 50]; *Andoiba kädehe kirjutimen i käskiba panda nimen* ‘Дали в руки ручку и приказали написать имя’ [164, с. 15].

3) глаголы, передающие способность что-то делать – *voida* ‘мочь’, *sada* ‘разрешать’, *mahtta* ‘уметь, мочь’, *ehttä* ‘успеть’, *roht’t’a* ‘осмелиться’:

- *сев. вепс. Huvä, se ei putnu päha, voip pän hougaita* ‘Хорошо, в голову не попал, мог и голову отрезать’ [174, с. 10]; *Löuta ei veigei* ‘Найти не можем’ [174, с. 12]; *Ii sa nitta hüvin, kukhaižet telustaze* ‘Нельзя косить хорошо, калоши мешают’ [123, с. 487];

- *ср. вепс. Juša uk kacub, a ii rohti ampta* ‘Дед Юша смотрит, не решается стрелять’ [155, с. 8]; *Nikut ii sa sada* ‘Никак нельзя получить’

[155, с. 11]; *Taljankou se vāta mahtoi čomin* ‘На тальянке он **умел играть** хорошо’ [155, с. 23];

- *юж. вепс. A nügüt ku adrad vedada embõškandend, ka minun näkhu lüküž* ‘А теперь, когда **не смогу соху носить**, то здесь меня и выкиньте’ [160, с. 50]; *Oliž netse händikaz rikta, ka tšoman pövun voiš tehta* ‘Если этого волка **убить**, то хорошую шубу **можно сделать**’ [160, с. 52];

- *мл. Jose mö voim pörttas ičemoi pertihe?* ‘Разве мы **можем вернуться** в свои дома?’ [164, с. 14]; *Mahtoi vāta balalaikal* ‘Он **умел играть** на балалайке’; *Ehtin vähäižen olda sen südäimes* ‘Я **успела** немного **побыть** внутри него (дома)’ [164, с. 8]; *Minä kacta-ki en rohtind* ‘Я и **посмотреть не осмелилась**’ [164, с. 12].

4) глаголы, обозначающие разрешение, просьбу, помощь – *rozrešida* ‘разрешить’, *pakita* ‘просить’, *küzuda* ‘спрашивать’, *abutada* ‘помогать’:

- *сев. вепс. A mö, lapsed, abutim hiin kuivata da kerata* ‘А мы, дети, **помогали сено сушить и собирать**’ [157, id 7166];

- *ср. вепс. Potom poprosin otta mindai kodihe tagaz* ‘Потом я **попросила забрать** меня обратно домой’ [155, с. 62];

- *юж. вепс. Ed abutant tehta milen’ pertid* ‘**Не помог построить** мне дом’ [160, с. 38];

- *мл. Kosketuz da tugi abutiba ühtnikoile tehta koume ut projektad* ‘Общение и поддержка **помогли** участникам **создать** три новых проекта’ [157, id 6795]; *Valdmehišt pakiči niid tehta registracijan sigä, kus om radsija* ‘Правительство **попросило** их **сделать** регистрацию по месту работы’ [172, с. 5].

Приведенные примеры со всей очевидностью свидетельствуют о безусловном влиянии соответствующих русских инфинитивных сочетаний: во многих случаях вепсский инфинитив служит дополнением к сказуемому, выраженному русским по происхождению глаголом, тем самым вводя данную структуру в ряд прибалтийско-финских конструкций с I инфинитивом. Соответствующая прибалтийско-финская модель основана, как правило, на

использовании III инфинитива (ср. фин. *ehdiä lähtemään* ‘успеть сказать’, *rohjeta sanomaan* ‘осмелиться сказать’, *käskeä tulemaan* ‘приказать прийти’, *lopettaa syömään* ‘закончить есть’ и др.).

I инфинитив в составе колоративной конструкции

Особенностью вепсских глаголов речи является употребление их в паре, составляющей глагольный бином, который придает особую динамику и выразительность описанию говорения (*pagišta papatada* букв. ‘разговаривать + балабонить’, *lodeita loglotada* букв. ‘говорить + болтать не умолкая’, *pagišta räpätada* букв. ‘говорить + трещать без умолку’, *sanuda mäčkahtada* букв. ‘сказать + приклепнуть’, *sanuda troppahtada* букв. ‘сказать + хлопнуть’ и пр. [36, с. 385]. Эта особенность касается не только глаголов, выражающих речевую деятельность, но и глаголов с другими значениями. Как видно из примеров, такая конструкция состоит из двух лексем – так называемого нейтрального глагола, выражающего то или иное действие, и дескриптивного, колоративного или звукоподражательного глагола, выражающего то же действие, но с более яркой его характеристикой. Дескриптивный глагол в сочетании с нейтральным раскрывает специфику обозначаемого им действия, придает ему экспрессивно-стилистическую окраску [26, с. 161]. Дескриптивный глагол в данной конструкции будет находиться в личной форме, а нейтральный глагол в форме I инфинитива. А. А. Рютконен так описывал прибалтийско-финские конструкции с дескриптивными глаголами: «Глаголы в такой конструкции могут быть в одной форме, а могут быть и в разных, бывает и так, что один из них находится в форме I инфинитива, а другой – в личной, притом нейтральный глагол находится в форме инфинитива, а дескриптивный глагол, раскрывающий обстоятельство действия, имеет личную форму» [135, с. 90]. В прибалтийско-финских языках это явление прослеживается в северных собственно карельских говорах, а также отражается в вепсском языке. Приведенные конструкции являются

довольно яркой особенностью вепсского языка и встречаются во всех его диалектах. На это указал анализ материалов Корпуса ВепКар. Вместе с тем в младописьменной норме такие конструкции не встречаются вообще или встречаются крайне редко.

При исследовании карельского языка финские ученые [130, с. 481; 139, с. 103] называли такие конструкции колоративными ввиду их близости к фразеологизмам [93, с. 38], но от них данные образования все-таки отличаются: с фразеологизмами их сближает лишь нередкое использование дескриптивных глаголов в переносном значении [91, с. 9]. Если говорить о синтаксической роли инфинитива в такой конструкции, то он будет являться частью предикативной конструкции или группы предиката [Там же, с. 8].

Не всегда удастся дословно перевести подобные обороты на русский язык, это связано с тем, что в русском языке для передачи характера действия нейтрального глагола часто используется большое количество глагольных синонимов: *бить* – *шлепать*, *бросить* – *швырнуть*, *идти* – *ковылять* и т. д. [Там же, с. 5]. Порядок слов в такой конструкции не является устойчивым, но анализ примеров, найденных в текстах Корпуса ВепКар с помощью инструмента лексико-грамматического поиска, показал, что в основном дескриптивный глагол стоит на первом месте и уже за ним употребляется глагол с нейтральным значением в форме инфинитива. Очевидно, традиционная структура конструкции размылась. Приведенные ниже примеры дескриптивных конструкций в вепсском языке демонстрируют относительную продуктивность и частотность употребления рассматриваемой конструкции по диалектам:

- *сев. вепс. Miša dö hrappib magata* ‘Миша уже **храпит** (*hrappida* ‘храпеть’ + *magatta* ‘спать’)’ [157, id 784]; *Hän ku möst dö rahtiitab antta päha hamarol* ‘Он как снова **треснет** (*rahitada* ‘треснуть’ + *antta* ‘дать’) по голове обухом’ [157, id 797]; *Nece varvei d’o kodihe d’oks’ tulda edel heid* ‘Эта Варвой уже **побежала** (*d’oksta* ‘бежать’ + *tulda* ‘прийти’) домой перед ними’ [157, id 797];

- *зан. венец.* *Virzule peskud paned da jorotad pesta lagen* ‘В лапоть песку положишь и **натираешь** (*jorotada* ‘натирать’ + *pesta* ‘мыть’) пол’ [157, id 10]; *Hän oti, tovarišou oružjan hvati, hloponi ampta toižen kerdan* ‘Он взял, у товарища ружье схватил, **хлопнул (стрельнул)** (*hlopota* ‘хлопнуть’ + *ampta* ‘выстрелить’) раз-другой’ [157, id 169]; *Potom pigembali kodhe prikatin’ turuda* ‘Потом быстро домой **прикатил**’ (*prikatida* ‘прикатить’ + *turuda* ‘кататься’) [157, id 33]; *Priheine čehni hernuda kerdan, niken nimidä ii sanotud* ‘Парень **чихнул** (*čehnida* ‘чихнуть’ + *hernuda* ‘чихнуть’) раз, никто ничего не сказал’ [157, id 37]; *Paštub ka min’a vedan da voidan i šlakeidan sōda* ‘Испечется, так я вытащу, смажу и ем **причмокивая**’ (*šlakeita* ‘чмокать’ + *sōda* ‘есть’) [157, id 49]; *A hän adrale päle ištuihe i žarib küntta* ‘А он на соху уселся и **пашет во всю** (*žar’da* ‘жарит’ + *küntta* ‘пахать’)’ [157, id 841];

- *вост. венец.* *Gälo pälo venehuden-se helahtoit’ čuta* ‘Лодочку **выбросило** (*helähtoitta* ‘швырнуть’ + *čuta* ‘кидать, бросать’) на лед’ [157, id 85]; *A vihmada žarip ka, eisa daže status spasaidakse nikut* ‘А дождь **льет** (*vihmda* ‘дождить’ + *žar’da* ‘жарить’), нельзя даже спастись в стане никак’ [157, id 85]; *Snapižid vičkutad rahnda, runkkarkun-se kibištub* ‘Снопы **жнешь** (*vičkutada* ‘стремиться делать побольше / стараться’ + *rahnda* ‘жать’), спина-то и заболит’ [157, id 91]; *Toine šlibgutab čapta, tol’ko maihutab čapta* ‘Второй **режет (бросая)** (*šlibgutada* ‘бросить’ + *čapta* ‘резать’), только **режет-помахивает**’ (*maihutada* ‘махать’ + *čapta* ‘резать’) [157, id 96]; *Kaig’aidab sanuda, eraz ižand dogadib, min täht hän necon sanou* ‘**Брякнет** (*kaigaita* ‘стукнуть’ + *sanuda* ‘сказать’) так, иной хозяин догадается, для чего он это сказал’ [157, id 96]; *Potom karahtoitam panda necen* ‘Потом **неожиданно положим** (*karahtoitta* ‘неожиданно сделать’ + *panda* ‘положить’) это’ [157, id 100]; *G’augau puugen, kăzil’ stungaidan da kăzil’ vüumutan kudoda* ‘Ногой наступаю, руками прихлопну и **тку (мелькая руками)** (*vüumuta* ‘мелькать’ + *kudoda* ‘ткать’)’ [157, id 105]; *A konz pezondan vaumičen, laučaižed pläskaidam da ninga i gätam-ki* ‘А когда закончу мыться, скамейки **обливаем** *valada* (*pläskaita* ‘плеснуть’ + *valada* ‘налить’) и так оставляем’ [157, id 108];

Kondi-se bungahtab langeta da langes'-ki sihe 'Медведь-то бухнется (*bungahtada* 'бухнуть' + *langeta* 'упасть') и упал тут' [157, id 875]; *Van'ka časounan päupäi kozan karahtoit' pästta* 'Ванька с часовни козу **шарахнул** (*karahtoitta* 'неожиданно сделать' + *pästta* 'отпустить') вниз'[157, id 895];

- *юж. вепс. A härg händan lend' da ku purskaadab paskata* 'А бык хвост поднял и как **стал испражняться**' (*purskahtada* 'прыснуть' + *paskata* 'испражняться')' [157, id 869]; *Budahtoitra ampta kerdan, toižen* '**Бахнули бы (выстрелили)** (*budahtoitta* 'бахнуть' + *ampta* 'выстрелить') вы раз, другой' [157, id 159].

Одновременно заметна явная нестабильность в облике конструкции, в порядке следования элементов в ней, признаки ее разрушения.

Сравнительный анализ диалектных вариантов показал, что синтаксические функции I инфинитива одинаковы во всех говорах вепсского языка, формы могут отличаться друг от друга только фонетически. При этом все диалектные зоны испытали на уровне синтаксиса значительное русское языковое влияние, вызванное смежным проживанием и двуязычием вепсов. Однако это влияние, по крайней мере в случае I инфинитива, не разрушает традиционную прибалтийско-финскую систему, а вписывается в нее. В северновепсском диалекте Прионежья на уровне синтаксиса просматриваются некоторые следы карельского языкового влияния (например предпочтительное использование в конструкции долженствования глагола *pidab* 'нужно, надо', а не *tariž*, как в других диалектных ареалах, или использование формы III инфинитива вместо I на остальной вепсской территории в структуре *zavodimei metsastamha* 'начали охотиться').

2.3. Особенности образования и функционирования формы II инфинитива

Принципы образования формы II инфинитива аналогичны правилам, установленным при анализе I инфинитива (см. раздел 2.1): решающую роль

имеет характер основы (гласная или согласная), который отвечает за дистрибуцию глухого и звонкого вариантов грамматического показателя. Праязыковой показатель **-te*, который подвергся чередованию **-te* : *-de*, восходил к показателю I инфинитива [127, с. 68], поэтому в целом алгоритм образования основы II инфинитива схож с образованием формы I инфинитива, но на месте финального *e* выступает гласный *a*. Это правило обусловлено фонетической закономерностью, согласно которой находящийся между двумя переднеязычными согласными одного слога звук *a* переходит в звук *e* [73, с. 353].

В двухосновных глаголах показатели II инфинитива *-de-* / *-te-* присоединяются к согласной основе, а выбор звонкого или глухого варианта показателя *-de-* или *-te-* зависит от качества (глухости / звонкости) последнего согласного основы: *pandes* ‘кладя’, *māndes* ‘уходя’, *poimdes* ‘собирая’, *tuldes* ‘приходя’, *kactes* ‘смотря’, *tirptes* ‘терпя’.

В одноосновных глаголах показатель *-de-* присоединяется к гласной основе: *pajataides* ‘напеваючи’, *lugedes* ‘читая’, *kirjutades* ‘во время письма’, *kudodes* ‘во время вязания’, *ajades* ‘во время езды’.

Глухой показатель *-te-* в глаголах с двумя гласными основами присоединяется к краткой гласной основе (с точки зрения синхронного подхода), то есть исторической согласной основе: *letes* ‘летя’ < **lent̃tes* < **lentä-te-snä*, *tabates* ‘ловя’, *kozites* ‘святаясь’, *adivoites* ‘угощая’, *el'getes* ‘понимая’, *semetes* ‘сея’.

II инфинитив в вепсском, как и в других прибалтийско-финских языках, существует в двух падежных формах и соответственно образуется с помощью двух падежных показателей: инессивная форма с показателем *-s* и форма эссива-инструктива с показателем *-n*. Падежные формы II инфинитива образуются путем прямого присоединения падежного показателя к показателю II инфинитива *-te-* / *-de-*: *ot-te-s* / *ot-te-n*, *sanu-de-s* / *-sanu-de-n*.

Семантические роли обеих форм II инфинитива эквивалентны их падежным функциям. Так, инессивная форма показывает момент нахождения

в процессе, а форма эссива-инструктива указывает на образ действия. В целом обе формы можно сравнить с деепричастием в русском языке.

С помощью формы II инфинитива образуются адвербиальные конструкции, которые подчинены глагольному сказуемому в предложении. С другой стороны, речь идет о присоединении двух разных сказуемых друг к другу с помощью инфинитного глагола.

Инессивная форма II инфинитива в вепсском языке, так же как и в финском, является более продуктивной. Она указывает на действие или событие, происходящее одновременно с действием, описываемым основным финитным предикатом (или сказуемым): *Kol' l'an vödas koumale, **sattes voiktas*** 'Покойника относят на кладбище, **проводя, оплакивают**' [185, с. 499]. Инессивная форма II инфинитива эквивалентна форме деепричастия в русском языке, где глагол в деепричастной форме отвечает на вопрос *что делая?*

С помощью падежной формы эссива-инструктива инфинитный глагол указывает на образ действия, выраженного основным глаголом: *Dedoi ištub ičeze armhas pozas da **pipkutab** tabakod **muhahtaden*** 'Дедушка сидит в своей любимой позе и **курит** табак **улыбаясь**' [157, id 5438].

Инессивная форма II инфинитива

Семантически предложения с инессивной формой II инфинитива, являются темпоральными. В них инфинитный глагол в форме инессива всегда характеризует действие, которое происходит во временных рамках действия, выраженного основным финитным глаголом. Другими словами, действие обоих глаголов – финитного и инфинитного – происходит одновременно.

С помощью формы II инфинитива образуются адвербиальные конструкции, которые подчинены глагольному сказуемому в предложении: *Čajud **jodes kundeltihe** Alevtinan radiopaginoid* 'Во время чаепития **слушали** радиопередачи Алевтины' [157, id 637].

Конструкция с формой II инфинитива в вепсском языке грамматически эквивалентна той же конструкции в родственных ему языках, например финском и карельском. Но, по сравнению с этими языками, форма II инфинитива в вепсском языке не имеет личных показателей и притяжательных суффиксов. Например: *Hän segōl' vepsäks **sanudes*** (вепс.) и *Hän sekaantui vepsäksi **sanoessaan*** (фин.) 'Он запутался, **говоря** по-вепсски'; *Lapsid' vihtutōdes pajatan* (вепс.) и *Lapsia viihdytellessäni laulan* (фин.) 'Я пою, когда **успокаиваю** детей' [123, с. 211]. В диалектах карельского языка притяжательные суффиксы также отсутствуют, ср. ливв. *Hän segavui **paistes** vepsäks* 'Он путался, **разговаривая** по-вепсски'; *Minä pajatan lapsii **alevutelles*** 'Я пою, **успокаивая** детей'. Однако в образцах вепсской речи можно встретить рудименты притяжательного суффикса в форме II инфинитива. Чаще всего они выступают в народной поэзии, например *Kulišt kulišt sötä tamkō suren rudon **lūpstesañze** <...> pöühäžen **kütktesañze*** (вепс.) 'Слушала, слушала, мама дорогая, **пока** большую корову **доила** <...> **лен собирала**'. В этом примере *kütktesañze* и *lūpstesañze* – форма II инфинитива, где *-sa-* – показатель инессива, *-nze* – притяжательный суффикс 3 л. Л. Кеттунен полагает, что притяжательный суффикс в данном вепсском примере – это рудимент, оставшийся в наследство от более древнего языкового состояния и, возможно, общего прибалтийско-финского фольклорного наследия [123, с. 212].

Если в инфинитивной конструкции есть субъект или агент, выполняющий действие, выраженное II инфинитивом, то он будет выступать в роли подлежащего, выраженного существительным в номинативе, например *Gesli vencalo **māndes kukištub ženih** oiktau g'augau, ka erigandob akaspäi* 'Если, **идя** к венцу, **жених спотыкается** на правую ногу, то разведется с женой' [155, с. 277], где *ženih* – субъект (существительное в номинативе), *kukištub* – предикат или сказуемое (финитный глагол в личной форме). Инфинитивная конструкция в данном предложении будет выступать в роли обстоятельства времени, отвечая на вопрос *когда?* / *при каких обстоятельствах?*

Помимо полных предложений, в которых есть субъект или подлежащее, инессивная форма II инфинитива выступает в безличных предложениях. В них субъект как член предложения отсутствует, а главный член предложения выражен личным глаголом, употребленным в значении безличного. Этот глагол обычно имеет форму 3. л. ед. ч. Объект, на который направлено действие формы II инфинитива в данном предложении, находится в падеже объекта [109, § 547]. Наиболее часто в образцах речи объект в таком предложении встречается в форме генетива с показателем *-n* в ед. ч. и *-den* во мн. ч. вне зависимости от синтаксической функции формы II инфинитива: *Voin pekstes tegese pehtimeid* ‘Когда масло **взбиваешь** (букв. **взбивая** масло) образуется пахта’ [123, с. 212]; *Heng lähtob bolan södes* ‘Дух захватывает, когда бруснику **ешь**’ (букв. **едя** бруснику) [123, с. 212]; *Živatan pästtos ala sano “nu, ni, mäno hotkemba”* ‘Когда животное **выпускаешь** (букв. **выпуская** животное), не говори «ну, ну, иди скорее»’ [155, с. 269].

Здесь стоит обратить внимание на то, что в современных текстах, представленных в вепскоязычных периодических изданиях (газета «Kodima»), а также в переводах священных текстов, объект, на который направлено действие глагола в форме II инфинитива, будет выступать в падежной форме партитива с окончанием *-d*, что связано, очевидно, с влиянием соответствующей финской структуры на авторов текстов, большинство из которых в процессе университетской подготовки изучают параллельно вепсский и финский языки: *мл. Lugesdes kirjad voib i ičeze ombelta rahvahaline sädo* ‘**Читая** книгу, можно и себе сшить национальный костюм’ [157, id 640]; *Konz tulin sinun kodihe, sinä ed andand vet jaugoid pestes* ‘**Когда я пришел** домой, ты не дал мне воды, чтобы помыть ноги’ [178, с. 151].

Два сказуемых могут влиять на один и тот же член предложения по-разному. Из-за этого перевод одного предложения не всегда может быть определенным. Объект финитного глагола может в то же время выражать значение агента действия инфинитного глагола. На это влияет отсутствие притяжательного суффикса в форме II инфинитива, а также его безличность:

Nägiin mužikan vinan jodes ‘Я видел мужчину, когда пил вино’ или ‘Я видел мужчину, который пил вино’. В первом варианте перевода *mužikan* является объектом финитного глагола *nägin* ‘я видел’кого? *mužikan* ‘мужика’. Во втором варианте *mužikan* будет выступать агентом действия, выраженного формой II инфинитива – *mužikan jodes* [107, с. 153]. Как уже было сказано выше, количество способов выражения синтаксических функций в вепсском языке значительно меньше, чем в родственном ему финском, где тип предложения дает понять, в качестве агента или объекта выступает существительное в генетивной форме: ср. в фин. *Näin miehen vinaa juodessani* ‘Я видел мужчину, **когда пил** вино’, где *miehen* является объектом, а притяжательный суффикс *-ni* инфинитива указывает на субъект действия, и *Näin vinaa juovan miehen* ‘Я видел мужчину, **пьющего** вино’, где *miehen* является агентом действия. Рассмотрим еще один пример, обнаруженный в текстах младописьменного языка: *Uindes vagonkezroiden kolkotamas, johtutin virkehen* ‘Засыпая под стук колес вагона (букв. ‘**во время стука колес**’) [168, с. 58], я вспомнил высказывание’. Здесь действие основного глагола выполняется субъектом, а действие инфинитива в форме инессива производится существительным в форме генетива. Такой случай несвойственен вепсской грамматике, это явная русская калька.

Инессивная форма II инфинитива в вепсском языке имеет две основные функции. Об одной из них уже было упомянуто выше – для обозначения одновременности действия, то есть выполняет адвербиальную синтаксическую роль и эквивалентна придаточному предложению с союзом *konz* ‘когда / пока’, напр. *Södes ala pagiže*, ср. *Konz söd, ala pagiže* ‘**Во время** еды не разговаривай (= **когда / пока** ешь)’:

- *сев. вепс. Pidap tšapelta niitid ombeltes käzipaikan* ‘Нужно отрезать нить **во время** вышивания полотенца (=когда / пока вышиваешь)’ [123, с. 494]; *Magattaha pandes voiktaze* ‘Ложась спать (=когда / пока спать ложатся) причитывают’ [157, id 1105];

- *ср. вепс.* *Minein lähttes kaks' haugišt putuiki* 'Мне перед уходом (=когда уходил) две щучки попались' [155, с. 108]; *Sina ošibitoi lukt'es, ed čomas lugend* 'Ты ошибся во время чтения / читая (=пока читал), неправильно прочитал' [185, с. 383];

- *юж. вепс.* *Ajades telegan huba kohteta* 'Во время езды (= когда / пока едешь) телегу трудно чинить' [123, с. 119]; *Heita paimoo soitand, eka rikoome kargaates* 'Перестань, пастушок, играть, а то я умру в пляске (=пока танцую)' [185, с. 517];

- *мл.* *Mamoi eskai kaiken säraiži pagištes, kut hän nägišti tatan* 'Мама все время дрожала, рассказывая (=пока рассказывала), как она увидела отца' [165, с. 13]; *Oldes kodiš minä lujas varastin tatoin tulendad* 'Находясь (=пока была) дома, я очень ждала прихода отца' [Там же, с. 22].

Инессивную форму II инфинитива и соответствующую инфинитивную конструкцию можно встретить в вепсском предложении и с финальным значением. Инфинитивная конструкция, в составе которой используется инессивная форма II инфинитива, отвечает на вопрос *для чего?*, выполняя при этом атрибутивную функцию [123, с. 192]. Главным словом в такой конструкции будет не сказуемое, выраженное финитным глаголом, а объект или субъект, выраженные существительным, которое этот инфинитив описывает. Например:

- *сев. вепс.* *Ombel mili kotaižed hirel hebol huzaites, da meren taga kävudes* 'Сплела мне обувь, чтобы на лошади ехать да за море уйти' [174, с.16];

- *ср. вепс.* *Silaš kel' om sanudes* 'У тебя язык, чтобы говорить'; *A sured kas'ked rugehen semetes, rugehele puuttas* 'А большие подсеки, чтобы сеять рожь, под рожь жгут' [155, с. 67]; *Lavan pühktes šlipak* 'Кусок ткани для мытья пола' [185, с. 545]; *Nin'žed vihkod lagen pestes* 'Лыковые мочалки для мыться потолка' [185, с. 360]; *Tehta suugaine pirgoiden voites* 'Сделать помазок для промасливания пирогов' [185, с. 530];

- *юж. вепс. Tegiba merdaižed kalan sades* ‘Делали мерды, чтобы рыбу ловить’ [155, с. 216]; *Rihed tegibad leiban kuivates* ‘Риги делали, чтобы хлеб сушить’ [157, id 192].

Следует отметить, что такая функция инессивной формы II инфинитива является вепсской и не встречается в других родственных языках [57, с. 245]. По мнению А. Пенттиля, финальная функция развилась из темпоральной (временной) [131, с. 153]. Рассмотрим предложения, в которых присутствуют обе семантические функции и допускается два варианта перевода: *Otab reguden veden vedades* ‘Берет сани, когда воду носит’ или ‘Берет сани, чтобы воду носить’ [123, с. 212]. Оба варианта перевода принципиально не отличаются друг от друга по значению, в обоих сани являются объектом для того, чтобы носить воду. Рассмотрим еще примеры: *Veitš tarbiš kalan tehtes* ‘Нож нужен, когда рыбу чистишь’ или ‘Нож нужен, чтобы рыбу чистить’; *Humbar’ om sobad pestes* ‘Ступа нужна, когда стираешь одежду’ или ‘Ступа нужна, чтобы стирать одежду’ [123, с. 213].

Языковой материал свидетельствует о том, что финальная семантика довольно продуктивна в вепсском языке. При этом форму инессива II инфинитива, которая выполняет функцию атрибута, часто можно встретить в фольклорных текстах, что указывает на ее традиционность. В качестве примера приводится фрагмент кумулятивной сказки, текст которой буквально пронизан данными формами:

- <i>Kuna teile nece olut?</i>	- ‘Зачем вам это пиво?’
- <i>Poigan naittes, mindän sades.</i>	- Чтобы сына женить и невестку получить.
- <i>Kuna teile mind?</i>	- Зачем вам невестка?
- <i>Lapsuziden tehtes.</i>	- Чтобы детей родить .
- <i>Kuna teile lapsuded?</i>	- Зачем вам дети?
- <i>Iče vanhtuma, ka meiden söttes.</i>	- Чтобы нас кормить , когда состаримся’ [155, с. 205].

Пример свидетельствует о том, что объект в конструкции с формой II инфинитива используется в форме генетива (-*n* или -*den*). При этом данная форма объекта характерна не только для финальной конструкции, выраженной формой инессива II инфинитива, но и для временной конструкции, речь о которой шла выше. Р. Грюнталь [107] объясняет генетивную форму в данном случае ограниченностью времени действия. Если рассмотреть другой эквивалент данного предложения, где вместо формы II инфинитива используется форма I инфинитива, то в качестве падежа объекта будет выступать партитив: ср. *Mikš tariž vikateh?* ‘Зачем нужна коса?’ – *Heinäižen* (генетив) *nittes* ‘Траву косить’ и *Miše nitta heinäd* (партитив) ‘Чтобы косить траву’. Однако приведенные примеры не несут явного указания на ограниченность времени действия. Видимо, показатель объекта -*n* имеет другую природу.

В финском языке есть так называемая причастная конструкция (фин. *partisiippirakenne*), которую можно сопоставить с временной конструкцией в вепском языке, выраженной инессивной формой II инфинитива. Рассмотрим вепскую конструкцию *Hän heregan’ i kulišt’ heiden bastes* ‘Он проснулся и услышал, что они разговаривают (букв. их разговор)’ и эквивалентную ей финскую причастную конструкцию *Hän heräsi, kuuli heidän puhuvan*, где 1. активное причастие в форме генетива выражает действие, которое происходит в одно и то же время с действием основного финитного глагола, а объект при этом выступает в форме генетива (*Uskon hänen tulevan* (фин.) = *Uskon, että hän tulee* ‘Верю, что он придет’). Возможно, природа генетивного показателя в конструкциях со II инфинитивом имеет как раз прибалтийско-финские корни. Иначе говоря, не исключено, что в вепском языке генетив – это рудимент исторической вепской конструкции, аналогичной финской, то есть и у вепсов в прошлом для выражения одновременности действия могла использоваться конструкция с 1. активным причастием, при котором объект имел форму генетива (см. выше).

В то же время вепсской инфинитивной конструкции с финальной функцией эквивалентна финская форма *minen*-инфинитива в иллативе, ср. *Nese puzu ani čoma suusniden pandes* (вепс.) и *Tämä vakka on hyvin hyvä sulssinoiden panemiseen* (фин.) ‘Эта корзина очень хороша (для того), чтобы класть в нее сканцы’ [123, с. 494]. Скорее всего, выбор генетива в качестве падежа объекта в этой конструкции вызван именно аналогией с идентичной по синтаксической функции конструкцией в финском языке, где с *minen*-инфинитивом объект выступает в форме генетива. Исходя из этого, можно сделать вывод, что и в инфинитивной конструкции с временной (темпоральной) функцией объект в разговорных текстах также представлен в форме генетива.

Помимо этого, в образцах речи встречаются примеры, в которых агент или субъект, выполняющий действие, выраженное инессивной формой II инфинитива, выступает в форме адессива, например *Kulin kurgoil kukurtes, pajulindū pačurtes, vilulindū vičurtes* ‘Слышал у журавля курлыканье, у пёночки щебетанье, у снегиря воркованье’ [155, с. 207].

Анализ источников убеждает в том, что адессивная форма агента в диалектной речи редка. Чаще всего субъект выражается подлежащим в форме номинатива.

При анализе источников также встречались формы, которые являются омонимами инессивной формы II инфинитива: *Toine uk da ak eletes* ‘Живут другой старик со старухой’ [155, с. 91]. Здесь *eletes* – форма пассива индикатива, которая в говорах часто используется вместо формы 3 л. (ср. *eletas* (пассив индикатив) и *eläba* (3 л. мн. ч.) и в которой гласный показателя пассива *-a* фонетически превратился в *-e* по аналогии с образованием показателей причастия пассива *-ted* (*-ded*) в некоторых вепсских говорах¹³.

¹³ В ряде глаголов при образовании причастия пассива возникают формы типа: *jage-tet, lö-ded, pan-ded*, в которых есть основания выделить показатель *-ted* (*-ded*). Появление гласного *-e* в показателях не совсем ясно. Можно предположить, что названный комплекс мог возникнуть по аналогии с глаголами, обладающими основой на *-a-*, в которых данный гласный перед суффиксом пассива исторически переходил в *-e-* (*kirjuta-n* > *kirjut-e-t* ‘писать’, *varasta-n* > *varast-e-t* ‘ждать’ и т. д.). И хотя в этом случае *-e-* является частью основы глагола, а суффикс причастия пассива представлен лишь одним звуком *-t*, подобные формы могли спровоцировать образование варианта показателя пассива *-ted* (*-ded*). [94, с. 122].

На продуктивность инессивной формы II инфинитива в синхронном срезе указывает то, что в литературном вепсском языке, который используется, например, в СМИ, произошло частичное замещение придаточной конструкции с инструктивной формой II инфинитива на инессивную форму. В следующих предложениях форма II инфинитива инессива выполняет роль обстоятельства образа действия, которая свойственна инструктивной форме: *мл. Nagrdes hän ištuti mindai ühtele kombule* ‘Смеясь, он **посадил** меня на одно колено’ [164, с. 18]; *Vaiše kuverdan pakiči letes kät, kaik mašinad ajoiba siriči* ‘Только несколько раз **голосовал, подняв** руку, все машины проезжали мимо’ [165, с. 12]; *Ei ole muga äi materialoid, kävutades miččid voiži tehta Kalevalaha pojavad eposad* ‘Нет так много материалов, **используя** которые можно было бы **создать** эпос, похожий на «Калевала»’ [163, с. 3].

Итак, семантически инессивная форма II инфинитива имеет две основные функции. Первая – темпоральная – используется для обозначения одновременности, то есть указывает на действие, которое происходит во временных рамках другого действия, выраженного основным финитным глаголом, она эквивалентна придаточному предложению с союзом *konz* ‘когда’. Вторая – финальная – описывает объект или субъект, выраженный существительным, указывая на причину или цель его использования, и отвечает на вопрос *для чего / с какой целью?* Она является довольно продуктивной в фольклорных текстах. Считается, что финальная функция инессивной формы II инфинитива считается исключительно вепсской и развилась из темпоральной, так как в некоторых контекстах параллельно с темпоральной выступала и финальная семантика [51].

На развитие вепсского литературного языка отчасти оказал влияние и русский язык. Об этом свидетельствуют примеры из вепсских СМИ, в которых придаточная конструкция с инессивной формой II инфинитива эквивалентна русской деепричастной конструкции, для перевода которой с точки зрения

прибалтийско-финской модели целесообразней использовать инструктивную форму, указывающую на образ действия.

Форма эссива-инструктива II инфинитива

В грамматике вепсского языка падежи эссив и инструктив, которые рассматриваются в других прибалтийско-финских языках, например в финском, как самостоятельные отдельные падежи, объединены в один эссив-инструктив, поскольку совпали по форме и имеют единое окончание *-n*. При этом он так или иначе включает в себя оба значения – как эссивное, так и инструктивное [34, с. 89], из которых в образовании обсуждаемой формы II инфинитива востребовано инструктивное.

Семантическая роль II инфинитива формы эссива-инструктива соответствует непосредственно самой падежной форме, то есть указывает на значение образа действия. Далее в нашем случае целесообразно называть данную форму инструктивной, поскольку из двух падежей именно инструктив в вепсском языке выражает это значение. С синтаксической точки зрения с помощью формы II инфинитива образуются адвербиальные конструкции, которые подчинены глагольному сказуемому в предложении.

Инструктивная форма II инфинитива в языке вепсов не является продуктивной: по сравнению с инессивной формой она редка и в говорах, и в современном литературном языке. В предложении она выполняет функцию обстоятельства образа действия и выступает в тесной связи с финитным глаголом, характеризуя действие, выражаемое им: *Kondi kuzhe libub pöruden* ‘Медведь забирается на ель, **вращаясь**’ [172, с. 132]; *Hö ajoobad josten* ‘Они ехали **бегом**’ [172, с. 249]; *Nagrden sanut ka ī tšoma* ‘Если скажешь **смеясь**, это нехорошо’ [172, с. 492].

По сравнению с инессивной формой II инфинитива, форма инструктива находится в более тесной связи с финитным глаголом, так как оба действия непосредственно связаны друг с другом [107, с. 154]. В инессивной форме

II инфинитива основной финитный и инфинитный глаголы объединяются только временем выражаемого ими действия. В инструктивной форме действие финитного глагола зависит от действия инфинитного, который указывает на то, как оно выполняется: *Hö küzuiba tatal kätäl ozutaden* ‘Они спрашивали у отца, **показывая** руками’ [178, с. 213]. Действие инфинитива всегда происходит одновременно с действием основного глагола (сказуемого), к тому же инфинитив и сказуемое связаны общим субъектом действия. В источниках не встретились конструкции, где основным глаголом и II инфинитивом управляют разные субъекты, как, например, это встречается в родственном финском языке: *Hän katsoi silmät loistaen* ‘Он **смотрел** с сияющими глазами’ (букв. **сияя** глазами).

Несмотря на непродуктивность инструктивной формы II инфинитива в вепсском языке, данные инфинитные конструкции можно разделить на три группы:

1) Наиболее распространенная группа инфинитных конструкций образуется сочетанием финитного и инфинитного глаголов, которые описывают одно / идентичное действие – как правило, движение, например *tuli hüpten* ‘пришел прыгая’, *mäni joksten* ‘ушел **бегом**’. Нередко инфинитный глагол имеет ономатическую, колоративную природу: *Heraštuin särahtaden* ‘Я **проснулась дрожа**’ [164, с. 20]. Например, в родственном финском языке в число пяти наиболее употребляемых фреквентативных финитных глаголов, с которыми используется II инфинитив, входят глаголы движения *tulla* ‘прийти’, *mennä* ‘уйти’, *kulkea* ‘передвигаться’, *kävellä* ‘гулять’, *olla* ‘быть’. В свою очередь, пять наиболее употребительных инфинитивов в таких конструкциях – это *kävellän, käyden, joutuen, juosten, hypäten* [112, с. 132].

В ходе анализа вепсских источников наиболее частыми оказались конструкции типа: финитный глагол движения + инструктивная форма II инфинитива *joksta* ‘бежать’. Наибольшее число таких конструкций встретилось в вепсском переводе Нового Завета: *Konz hö läksiba venehespäi, rahvaz sid’-žo nägišti, ken tuli, i joksten veiba necen vestin kaikjale* ‘Когда они

вышли из лодки, народ тут же увидел, кто пришел, и **бегом** понесли эту новость всем' [178, с. 95]; *Konz Iisus läksi matkha, üks' mez' tuli **joksten*** 'Когда Иисус отправился в путь, один человек прибежал (букв. пришел) **бегом**' [178, с. 105]; *Petr läksi **joksten** kaumale* 'Петр отправился **бегом** на могилу' [178, с. 206].

Менее распространены конструкции, в которых II инфинитив характеризуется как «инфинитив дополнительного действия»: см. фин. *tuli itkien* 'пришел плача', *syö irvistellen* 'ест скривившись', *meni huutaen* 'шел крича', *lähti kiroten* 'ушел ругаясь'. Нередко в таких конструкциях форма II инфинитива обозначает ментальные или речевые действия. На фоне первой группы вторая имеет меньшее бытование [112, с. 134]: *мл. Jänišaine lämbitase **hüpten*** 'Зайчик греется **прыгая**' [177, с. 8]; *Tarbis sanuda jasnas, **ii vedaden*** 'Нужно говорить ясно, **не утаивая**'; *No nügüd' kaik vajehtase, – sanui tatoi **maihutaden** kädel* 'Но теперь всё меняется, – сказал отец, **махнув** рукой' [164, с. 8]; *Algat sudigoï pälpäi **kacten**, a sudigat oiktal sudal* 'Не судите, **смотря** сверху, а судите на праведном суде' [173, с. 3].

2) Отдельно стоит выделить конструкцию типа *söden söba* '(они) едят и едят', букв. 'поедом едят', в которой выступает инструктивная форма II инфинитива: *Koir hänen **söden söb** kondjan* 'А его собака **поедом** ест медведя' [155, с. 209].

В данной конструкции один и тот же глагол выступает как в качестве главного финитного глагола, так и второстепенного инфинитного, в результате чего происходит усиление значения основного глагола: *Kantten pert'he **kandet'he**, tamš tanhale langez* 'Несли, несли (букв. 'неся несли') в дом, старуха в погреб упала'; *Pakitšejad leibān **jokseten joksetas*** 'Просящие хлеба **бегают и бегают**' (букв. 'бегом бегут'); *Mänktem mängub, lehm se* 'Корова-то **мычит и мычит**' (букв. 'мыча мычит') и т. д. [123, с. 493].

Подобные конструкции встречаются и в переводе текстов Нового Завета на вепсский язык, особенно часто используются формы II инфинитива у глаголов, выражающих чувства, – *kacta* 'смотреть', *kulda* 'слышать', *nähta*

‘видеть’: *Tö kulden kulet, no et el'gekoï, kacten kacut, no et nähköi* ‘Слухом услышите – и не уразумеете, и глазами смотреть будете – и не увидите’ [178, с. 31].

Данная конструкция употребляется в живой диалектной речи, причем глаголы могут встречаться абсолютно разные: *varastaden varastan* ‘жду не дожусь’ (букв. ‘ожидаю жду’), *poimden poimin* ‘собираю, не могу собрать’ (букв. ‘собирая собираю’), и используется для усиления значения основного финитного глагола. Не исключено, что на возникновение данной вепсской конструкции повлиял русский язык, в котором употребительны такие выражения, как диалектное *лежмя лежать* ‘лежать долго, не вставая’ [186], *бегом бежать* ‘очень быстро бежать’, *криком кричать* ‘громко кричать’.

Показательно, что подобная семантика интенсивности, повторяемости действия известна и в других прибалтийско-финских языках, однако выражается другой конструкцией. Например, в финском языке используется адессивная форма III инфинитива: *heittämällä heittää* ‘бросая бросает’, *juoksemalla juoksee* ‘бегая бежит’ и т. д., а конструкция, аналогичная вепсской, не получила распространения. Причина может крыться и в том, что в диахронном плане в финском языке растет использование инструментального адессива, который стремится заместить инструктив [115, с. 72], из чего следует, что модель, аналогичная вепсской, могла быть утрачена финскими говорами.

Нужно сказать, что адессивная форма III инфинитива все же встречается и в вепсском языке, однако очень редко, авторы основных трудов по вепсской грамматике исключают эту форму [34, с. 270; 123, с. 500; 107, с. 159]. Глагол в этой форме тоже указывает на образ действия: *Pajatamal ka, kac, kut hotkas rad sirdäse* ‘Смотри-ка, как с песней (**напевая**) работа быстро двигается’; *Vaiše sanumal last ed openda, pidab ozutamal opeta* ‘Только разговаривая ребенка не научишь, нужно показывая учить’ (ЛА).

Сопоставительный анализ инструктивной формы II инфинитива и адессивной формы III инфинитива в финском диалектном материале показал,

что, являясь в целом идентичными по значению, они все же демонстрируют некоторую семантическую дифференциацию, которая может быть обозначена как образ (фин. *keino*) и способ (фин. *tara*) действия [145, с. 113]. Другими словами, адессивная форма III инфинитива выражает скорее способ действия, в то время как инструктивная форма II инфинитива – его образ. В вепсском материале эта разница еще более неуловима, поскольку обе формы здесь не являются продуктивными. Можно тем не менее констатировать, что инструктивная форма и в диалектных источниках, и в литературном языке более фреквентативна, чем адессивная. Тенденция употребления в вепсском, таким образом, противоположна финскому языку: в финском адессивная форма III инфинитива отодвинула инструктив II инфинитива, в вепсском же, наоборот, вторая форма практически вытеснила первую.

Встречаются случаи преобразования инструктивной формы II инфинитива в наречие образа действия (*erämääräinen adverb*) [123, с. 249], иными словами, в некоторых наречиях можно увидеть следы формы II инфинитива без окончания, например *Hebo jokseb hüpete* (< *hypiten*) ‘Лошадь бежит трусцой’, *Göksti* (< *göksten*) *embei ajada* ‘Бегом нельзя ехать’, *Joksimai vaikte* ‘Мы бежали медленно / тихо’. В последнем примере наречие *vaikti / vaitti* ‘тихо / медленно’ восходит к исторической форме II инфинитива-инструктива – **vaikten* (ср. *vaikastuda* ‘замолчать’). Подобный процесс лексикализации инструктивной формы II инфинитива происходил и в родственных языках, ср. фин. *yllättäen* ‘неожиданно’, *vuorotellen* ‘по очереди’, *suoraan sanoen* ‘откровенно (букв. ‘прямо’) говоря’, *alkaen* ‘начиная’ и др., которые в отличие от вепсского сохранили конечный *-n*. В вепсском его утрата сопровождалась к тому же сужением финального гласного (*e > i*).

В литературной норме вепсского языка, представленной в современных художественных, периодических и переводных текстах, для выражения обстоятельства образа действия можно встретить не инструктивную, а инессивную форму II инфинитива, которая образуется с помощью падежного показателя инессива *-s*: *kundelta > kundeltes* ‘слушая’, *poimda > poimdes*

‘собирая’; например *Nagrdes hān ištuti mindai ühte kombine* ‘Смеясь, он посадил меня на одно колено’ [164, с. 18]. При этом встречаются также инструктивные формы: *Pajataden da kargaiten hō ozutiba ičeze kul’turad* ‘Песнями и танцами (Напевая и танцуя) они показали свою культуру’ [157, id 1461]; *Tobjimalaz “kruugad” vedetihe pajataden* ‘Обычно «кругу» вели напевая’ [171, с. 1].

Здесь определенно сыграло свою роль влияние русского языка, в котором существует конструкция деепричастного оборота, эквивалентного конструкции II инфинитива в вепсском языке. Деепричастие в русском языке, подобно прибалтийско-финской форме II инфинитива, выполняет адвербиальную функцию, отвечая на вопрос *что делая?* При этом так же, как и инфинитивная конструкция в прибалтийско-финских языках, оно может выполнять в предложении роль обстоятельства образа действия, отвечая на вопрос *каким образом?* (инструктивная форма II инфинитива) и обстоятельства времени, отвечая на вопрос *когда? во время чего?* (инессивная форма II инфинитива). Но в обоих случаях форма деепричастия будет одинаковой, ср. *Дым, окутывая дома, поднимался вверх* (каким образом? – *Окутывая дома*) и *Я делаю пометки, читая книгу* (когда? – *Читая книгу*).

Таким образом, форма эссива-инструктива II инфинитива в вепсском языке является менее продуктивной по сравнению с инессивной формой, на что указывает проведенный анализ диалектных и литературных источников. Тем не менее она сохранилась как в вепсских диалектах, так и в письменном языке. Форма эссива-инструктива является типичной прибалтийско-финской формой. В силу того что пишущие на вепсском языке являются также и носителями русского языка, в современной литературной норме можно встретить параллельное использование обеих форм: инессивной и инструктивной. Для сохранения прибалтийско-финских черт в форме II инфинитива и облегчения обучения вепсскому языку целесообразно провести более четкое разделение этих двух падежных форм.

2.4. Образование формы III инфинитива

Форма III инфинитива в современном вепсском языке, как и в родственных ему карельском и финском, образуется при помощи показателя *-ta-* / *-mä-*, который присоединяется к словообразовательной основе глагола. Ее образование в целом является фонетически закономерным и тесно связано со словообразовательной глагольной основой, поэтому здесь необходимо учитывать механизмы формирования формы I инфинитива, сформулированные в разделе 2. 1.

Суффикс *-ta-* / *-mä-* является формантом, с помощью которого в прибалтийско-финских языках и группе языков уральской языковой семьи образуются отглагольные имена. Имя, образованное с помощью суффикса *-ta-* / *-mä-* может иметь значение названия действия (фин. *elämä* ‘жизнь’, *kuolema* ‘смерть’, *syntymä* ‘рождение’ и др.), значение цели или результата действия (фин. *asema* ‘положение, позиция’, *juoma* ‘питье’, *sanoma* ‘сообщение, известие’, *satama* ‘пристань’ и др.) [110, с. 197], образовывать агентное причастие (фин. *tuulen kaatama puu* ‘дерево, поваленное ветром’). В современном вепсском языке наследие словообразовательного суффикса *-ta-* сохранилось в показателе III инфинитива и в словообразовательном суффиксе *-mine* (см. раздел 2. 6).

В одноосновных глаголах (с показателем *-da* в I инфинитиве) показатель третьего инфинитива присоединяется к гласной основе (к основе инфинитива): *luge-ma-s* ‘быть в моменте чтения’ (ср. I инфинитив *luge-da*), *ozuta-ma-s* ‘показывать (быть в моменте показа)’, *sanu-ma-s* ‘быть в моменте говорения’. В одноосновных глаголах с двумя гласными основами показатель присоединяется к долгой гласной основе, например *raimenda-ma-s* ‘в моменте пастьбы’ (при *raime-ta* ‘пасти’, *raimenda-n* ‘я пасу’), *lūkäida-ma-s* ‘в моменте битья’, *tabada-ma-s* ‘в моменте ловли’, *openda-ma-s* ‘в моменте обучения’. С исторической точки зрения это, напомним, двухосновные глаголы (см. 2. 1).

В отличие от I и II инфинитива, где на границе морфем происходит целый ряд фонетических изменений, присоединение *-ma-* их не вызывает. Это общая прибалтийско-финская ситуация, вызванная фонетической структурой форманта *-ma-*; *-m-* в отличие от *-k-* в показателях I и II инфинитивов, не подвержен чередованию ступеней согласных, у него нет альтернативной пары. Пожалуй, только двухосновные глаголы требуют определенного комментария, тем более что в родственных финском и карельском языках некоторые из них являются одноосновными и инфинитные формы образуются в них от гласной основы. Однако в вепсском языке еще на этапе вепсского праязыкового развития в них произошло выпадение конечного гласного двухсложной основы, если первый слог был долгим или закрытым. Вепсская синкопа последовательно выступает во всех трех инфинитных формах: *joks-ta* ‘бежать’, *joks-te-s*, *joks-ma-s* (ср. в финском языке при согласной основе в I и II инфинитивах *juos-ta*, *juos-te-ssa* в III инфинитиве фиксируется гласная основа: *juokse-ma-ssa*); *teh-ta* ‘делать’, *teh-te-s*, *teh-ma-s*; *ast-ta* ‘шагать’, *ast-te-s*, *ast-ma-s*; *lüps-ta* ‘доить’, *lüps-te-s*, *lüps-ma-s*. При этом лично-числовые формы образуются от гласных вариантов тех же основ: *jokse-n*, *astu-n*, *lüpsa-n* и др. Очевидно, сама фонетическая структура инфинитивных показателей, образующих всякий раз слог, способствовала на этапе образования форм инфинитива консервации согласной основы. В лично-числовых формах ситуация была другая, там грамматический показатель не был выражен полноценным слогом. Стоит отметить, что перед показателем III инфинитива вне зависимости от падежной формы встречается выпадение предшествующего гласного: например, у фреквентативных глаголов с формантом *-ele-*, последний гласный *-e* которого пропадает перед *-ma-* / *-mä-*: *kundelta* ‘слушать’ – *kundel(e)ma-ha*, *kävelta* – *kävel(e)ma-ha*, *lämbitelda* – *lämbitel(e)ma-ha*.

Форма III инфинитива выступает в 5 падежах – трех внутреннеместных (инессив, иллатив, элатив), абессиве и редко в адессиве (ср. в финском языке 6 падежных форм) [28, с. 431]. Соответствующий падежный показатель

присоединяется к показателю инфинитива *-ma-* / *-mä-*. Так, инессивная форма образуется путем присоединения падежного форманта *-s*: *astta* ‘шагать’ – *astma-s*, *opeta* ‘учить’ – *opendama-s*, *ližada* ‘добавлять’ – *ližama-s*, *ecta* ‘искать’ – *ecma-s*, *abutada* ‘помогать’ – *abutama-s*, *kozita* ‘сватать’ – *kozičema-s*, *toda* ‘приносить’ – *toma-s* и т. д. В элативной форме это показатель *-späi*: *nitta* ‘косить’ – *nitma-späi*, *kalatada* ‘рыбачить’ – *kalatama-späi*, *voikta* ‘плакать’ – *voikma-späi*, *lugeda* ‘читать’ – *lugema-späi*, *väta* ‘играть’ – *vändma-späi*, *söda* ‘есть’ – *söma-späi*, *kerata* ‘собирать’ – *keradama-späi* и т. д.; в адессивной – *-l*: *pajatada* ‘петь’ – *pajatama-l*, *sanuda* ‘сказать’ – *sanuma-l*, *ozutada* ‘показывать’ – *ozutama-l* и т. д.

В иллативной форме к показателю III инфинитива присоединяется вариант падежного окончания *-ha* (в вепсском языке существует четыре варианта окончания иллатива: *-ha*, *-ho*, *-hu*, *-he*), где конечный гласный обусловлен аналогией с гласным *-a* инфинитивного показателя: *kacma-ha* ‘смотреть’, *ecma-ha* ‘искать’, *sanuma-ha* ‘говорить’, *lebaidam-ha* ‘отдыхать’, *söm-ha* ‘есть’, *paštma-ha* ‘печь’, *opendam-ha* ‘учить’, *varastam-ha* ‘ждать’. Важно отметить, что в данной форме перед падежным окончанием из показателя инфинитива *-ma-* происходит выпадение гласного *a*. Эта закономерность распространяется на глаголы с односложной или трехсложной гласной основой: *söda* ‘есть’ – *sö-m-ha*, *sada* ‘получать’ – *sa-m-ha*, *veda* ‘вести’ – *ve-m-ha*, *varastada* ‘ждать’ – *varasta-m-ha*, *seižutada* ‘ставить’ – *seižuta-m-ha*, *kadotada* ‘терять’ – *kadota-m-ha* [37].

В случае же, когда в гласной (долгой) основе четное число слогов, гласная в показателе III инфинитива сохраняется: *sanuda* ‘сказать’ – *sanu-ma-ha*, *lugeda* ‘читать’ – *luge-ma-ha*, *rižada* ‘навещать’ – *riža-ma-ha*, *ostta* ‘покупать’ – *ost-ma-ha* (двухсложная основа – *osta-*), *väta* ‘играть’ – *vänd-ma-ha* (двухсложная основа *vända-*).

Утрату гласной перед элементом *-h* можно проследить не только в глаголах, но и в именах, например *mec(a)-ha* ‘в лес’ (историческая основа **metsä-*), *aid(a)-ha* ‘в забор’, *uit(o)-ho* ‘в лужу’ (< **uitto-*), *korv(a)-ha* ‘в ухо’,

lor(u)-hu ‘в конец’ (< **lorpu-*), *rand(a)-ha* ‘в берег’ и т. д. Примеры свидетельствуют о том, что чаще всего выпадение происходит в случае двухсложной основы с исторически закрытым или долгим первым слогом. В этот ряд укладываются и два последних примера из предшествующего абзаца, в которых двухсложная основа превратилась в ходе фонетических модификаций в односложную. Поэтому сохранение облика *-ma-* в *ost-ma-ha* и *vänd-mäha* – своего рода знак исторически двухсложной основы. Синкопой *a* из показателя *-ma-* характеризуется иллативные формы III инфинитива от трехсложных основ: *toradam(a)ha* ‘драться’, *lämbitam(a)ha* ‘топить’, *avaidam(a)ha* ‘открывать’, *puhtastam(a)ha* ‘чистить’. Поскольку это явление затрагивает все вепские диалекты, его смело можно назвать общевепским. Причина указанной трансформации заключается в чередовании ударных-безударных слогов (все нечетные – ударные, а четные – безударные), которое вызвало утрату гласного в слабом, безударном нечетном слого. Такая же закономерность проявляется в форме императива 3 л., например *ombeltag(a)ha* ‘пусть они шьют’ [146, с. 736], а также в отмеченных ранее формах III инфинитива, в которых показатель *-ma-* оформляет односложную основу.

В целом образование формы III инфинитива подчиняется фонетическим закономерностям, и присоединение показателя *-ma-* / *-mä-* к основе не вызывает фонетических изменений на их стыке. Определенного комментария требуют двухосновные глаголы, в которых еще на этапе вепского праязыкового развития произошло выпадение конечного гласного двухсложной основы, поскольку первый слог был долгим или закрытым, что вызвало синкопу во всех трех инфинитивах.

Таким образом, в форме I и II инфинитивов выступает краткая гласная основа у глаголов с двумя гласными основами и согласная основа у двухосновных глаголов. В форме III инфинитива выступает долгая гласная основа у глаголов с двумя гласными основами, но согласная основа у двухосновных глаголов.

2.5. Особенности функционирования III инфинитива

Форма III инфинитива в вепсском языке так же, как и остальные именные формы глагола, с синтаксической точки зрения имеет глагольную природу. Всегда выступая в связке с финитным глаголом, она выполняет адвербиальную функцию или функцию обстоятельства. В зависимости от падежной формы меняется вид обстоятельства. Как уже говорилось выше, в вепсском языке эта форма выступает в пяти падежах – трех внутренне-местных (инессив, иллатив, элатив), адессиве и абессиве. При этом адессивная форма встречается настолько редко, что современные учебные пособия по вепсскому языку рассматривают только 4 формы III инфинитива. Далее представим подробно каждую из форм.

Три внутренне-местных падежа объединяются в группу и используются для обозначения конкретного активного действия, к выполнению которого приступают (иллатив), в процессе выполнения которого находятся (инессив) или которое перестают выполнять (элатив).

Иллативная форма III инфинитива

Из трех внутренне-местных падежных форм иллативная форма III инфинитива получила в вепсском языке наиболее широкое распространение. Аналогичная ситуация наблюдается и в родственных вепсскому финском и карельском языках, где наряду с краткой формой I инфинитива иллативная форма является одной из двух основных инфинитивных форм [28, с. 441; 77, с. 356].

Выступая в связке с финитным глаголом и отвечая на вопрос *куда?*, иллативная форма III инфинитива выражает направление или цель действия: *Mänen kül'betid lämbitamha* 'Пойду (*куда?* / *что делать?*) баню топить' (ЛА). Также синтаксическая роль иллативной формы III инфинитива в предложении зависит от переходности или непереходности основного глагола: в интранзитивном предложении форма иллатива выражает действие,

выполняемое субъектом основного непереходного глагола, а в транзитивном предложении – действие, исполняемое объектом основного переходного глагола [53, с. 76]. Инфинитивы в интранзитивном предложении называют субъектными, например, *Tat lähteb haugoimaha haugoid* ‘Отец пойдёт колоть дрова’, где инфинитная форма *haugoimaha* ‘колоть’ выражает действие, выполняемое самим субъектом, так же как и финитный глагол *lähteb* ‘(он) отправится’. В то же время в сочетании с переходным глаголом инфинитив выражает действие не субъекта, как финитный глагол, а действие объекта, на который направлено действие этого финитного глагола.

Самая многочисленная группа непереходных глаголов, употребляемых с формой III инфинитива, – глаголы движения и перемены положения: *mānda* ‘идти’, *lähtta* ‘отправляться’, *astta* ‘шагать’, *tulda* ‘приходить’, *ajada* ‘ехать’:

- *сев. вепс.* *Vot išt̃tihe hõ čajud d’omha* ‘Вот сели они чай пить’ [170, с. 10]; *Ezmäks ken-ni tulob roduspäi küzumaha, pästad-ik* ‘Сначала кто-нибудь приходит из родни спросить, пустят ли’ [157, id 197]; *Kerdan läht̃tihe mecha haugod karzmaha* ‘Однажды отправились в лес дрова обрубать’ [157, id 801];

- *зан. вепс.* *Vellenke ühten kerdan mänimeī mectamaha mii kahten kesken* ‘С братом однажды пошли мы охотиться вдвоем’ [154, с. 7]; *Necile sole garbüut sōmha kurged laskeškanzihesoi* ‘На это болото журавли отправлялись есть клюкву’ [154, с. 18]; *Astun hebon voruimaha, astun prihašt voruimaha* ‘Пойду лошадь воровать, пойду парня воровать’ [154, с. 19]; *Tuliba kacmaha, ka soudat magadab* ‘Пошли посмотреть, а солдат спит’ [154, с. 23];

- *вост. вепс.* *Mäni ku toīžu rejou kacmaha* ‘Как пошел на следующий день посмотреть’ [157, id 67]; *A mina tattaiž kacmaha käun* ‘А я отца пойду позову (букв. ‘звать пойду’)’ [157, id 93]; *Läksin voikkid ecmaha* ‘Я отправился плакальщиц искать’ [157, id 877];

- *юж. вепс.* *Kaaman kaivaba rodnijad, ken hutmaha ajab* ‘Могилу копают родные, кто хоронить едет’ [157, id 183]; *Suksil’ ajaliba poikpoližid*

samha ‘На лыжах ездили за вязками для дровней (букв. ‘вязки достать’)’ [157, id 191];

- *мл. Mö kaiken kävelim hänennoks pagižmaha* ‘Мы все время ходили к ней поговорить’ [157, id 637]; *Hän lopi opendusén i tuli radmaha školha* ‘Она окончила учебу и пришла работать в школу’ [157, id 7201]; *Hän läksi iče magadamha kodihe* ‘Он отправился сам спать домой’ [157, id 5438].

Следующая по количеству употреблений группа глаголов, с которыми используется форма III инфинитива, – это глаголы со значением ‘брать, относить, давать’: *veda* ‘нести’, *toda* ‘приносить’, *jäda* (*däda*, *gäda*) ‘оставаться’, *otta* ‘брать’, *antta* ‘давать’, *panda* ‘класть’, *oigeta* ‘отправлять’:

- *сев. вепс. D’oršine i däi hipmaha kuivale male* ‘Ершик и остался прыгать на суше’ [153, с. 59]; *Potom gul’eid, jesli vanhamb, mehel’e lähtta, otab i gul’aimaha, gul’ankal’e* ‘Потом гуляешь, если старше, замуж (пора) выходить, берет и гулять, на гулянку’ [157, id 1105];

- *зан. вепс. Siloi vuu eskai Ladvha vediba opendamhas* ‘Тогда еще даже в Ладву отвозили учиться’ [157, id 19]; *Kuumandou pejou möst oigenz’ rahnmaha* ‘На третий день снова отправил жать’ [157, id 17]; *Pand’he katleižen kehmaha kiitost* ‘Поставили кастрюльку супа кипятить’ [157, id 853];

- *вост. вепс. Pandas kanan haudumaha* ‘Ставят курицу (яйца) парить’ [157, id 199]; *Tösuid vestmaha ottas mest kuume* ‘Доски тесать берут человека три’ [157, id 96];

- *мл. Kudamb oti elämaha akan kahten tütrenke* ‘Который взял жить женщину с двумя дочерьми’ [157, id 3374]; *Eskai kalaidajad ei rohtkoi jäda ödumaha neche pert’he* ‘Даже бродяги не осмеливаются остаться ночевать в этом доме’ [157, id 4521].

В восточновепсском говоре вепсского языка довольно распространенным считается сочетание двух глаголов направления движения в конструкции с иллативной формой III инфинитива. В такой конструкции глагол, находящийся в личной форме, указывает на основное действие направления движения (*lähtta* ‘отправляться’, *joksta* ‘бежать’, *mända* ‘идти’), а

глагол в иллативной форме III инфинитива более подробно описывает характер движения (*ajada* ‘ехать’, *astta* ‘шагать’ и пр.): *восм. вепс. Läks’ bokha kondi astmaha* ‘Отправился в сторону медведь **шагать** (зашагал)’ [155, с. 118]; *Merežaižed kerazin’, läksin’ ajamaha gārveberegadme* ‘Мережи собрал и **отправился ехать** (поехал) по берегу озера’ [155, с. 107]; *Händikaz toropihe da göksti uidmaha* ‘Волк торопился и **побежал уйти** (убежал)’ [157, id 116]; *Kerdan prihäine läks’ libumaha* ‘Однажды мальчик **отправился подниматься** (полез)’ [162, с. 162].

Интересной эта конструкция является с точки зрения и русского языка, в котором значение начала движения выражает один глагол, и способ отправления становится ясным из контекста, например, *я отправился (на лодке, машине, пешком)*, а начало действия выражается с помощью приставки *по-*, например *я поехал*.

Редко иллативная форма III инфинитива представлена в западновепском диалекте со значением причины / цели: *Iile hiiläzoi kallišt’ kazvattajašt’ sobitamha i nevomaha* ‘Нет у них дорогого **родителя** (чтобы) **одевать и советовать**’ [155, с. 101]. В таком случае в вепском языке более распространено использование формы I инфинитива и подчинительного союза *miše*, например *Iile hiiläzoi kallišt’ kazvattajašt’, miše sobitada da nevoda* ‘Нет у него дорогого **родителя, чтобы одевать и советовать**’ [43, с. 191].

Параллельное существование формы I инфинитива и иллативной формы III инфинитива обусловлено тем, что каждая из них выполняет свои особые, свойственные только ей функции [28, с. 432]. Что касается вепского языка, анализ материала показал большое сходство синтаксических функций обеих форм инфинитива, а в некоторых случаях одновременное использование этих форм. Это обусловлено тесными вепско-русскими контактами. Большую роль здесь сыграло двуязычие носителей вепского языка, а также достаточно глубокое влияние русского языка на вепский в целом. Для современных носителей вепского языка (опрашиваемых) характерно смешанное двуязычие, то есть такое двуязычие, когда люди перестают отличать

групповые границы и начинают употреблять оба языка [102, с. 314]. Активные этноязыковые процессы и междialeктное контактирование продолжались длительный период и отразились на вепсском языке, который с течением времени был утрачен на значительных территориях. Это способствовало прерыванию традиционных связей между вепскими центрами [69, с. 106] и усилению влияния русского языка на вепсский, причем на всех уровнях, в том числе и в синтаксисе [40]. В отличие от морфологии вепсского языка, которая оказалась «довольно устойчивой перед влиянием русского, синтаксис падежей, употребление глагольных времен, глагольное управление оказались в сфере активного русского влияния» [38, с. 77].

Рассматриваемые формы I и III инфинитива (иллатива) являются самыми продуктивными инфинитными формами во всех прибалтийско-финских языках [151, с. 234]. Взаимоотношения между двумя этими формами довольно сложны, и лучше всего рассматривать их с точки зрения диахронического развития. Обе инфинитные формы возникли из падежных форм направления движения более ранних отглагольных существительных. I инфинитив является более древним, первоначальная семантика в современных прибалтийско-финских языках утрачена, хотя убедительно просматривается в исторической лативной форме с семантикой направления движения [137, с. 56]. Форма III инфинитива, по всей видимости, появилась позже [151, с. 234], в ней четко проявляются как инфинитивный показатель *-ta*, так и окончание иллатива *-ha*. Поскольку оба инфинитива в значительной степени соответствуют единственной форме инфинитива во многих других языках, их функционирование можно охарактеризовать как своего рода дистрибуцию. Кроме того, тесная взаимосвязь этих форм также проявляется в том, что некоторые глаголы могут принимать оба инфинитива в качестве дополнений [151, с. 235].

Ниже представлен анализ отношений между двумя рассматриваемыми формами, демонстрирующими значительное синтаксическое сходство. Для сопоставления были выбраны часто используемые финитные глаголы, в

сочетании с которыми употребляется форма I и III инфинитива, – *lähtta* ‘отправляться’, *mända* ‘идти’, *opeta* ‘учить’, *zavodida* ‘начинать’:

1) ***mända*** ‘идти’. Практически во всех говорах вепсского языка глагол *mända* выступает в связке с III инфинитивом:

- *сев. вепс.* *Väznu oled ka mane houdmahaze* ‘Если устал, то **иди** попарься’ [153, с. 109]; *Mäni avaidamha* ‘Пошел открывать’ [153, с. 62]; *Ei veinu mända služmaha* ‘Не мог **пойти** служить’ [174, с. 5];

- *ср. вепс.* *Vellenke ühten kerdan mänimei mectamaha mii kahten kesken* ‘С братом однажды **пошли** мы **охотиться** вдвоем’ [153, с., 7]; *Konz osttas kondjan, mändas necida kondjad samha* ‘Когда покупают медведя, **идут** за ним (**получать** его)’ [155, с. 8]; *Mäni sinna avaidamha* ‘Пошел туда **открывать**’ [153, с. 167]; *Tuli srok, i mäni poigad ecmähä* ‘Пришел срок, и **пошел** сыновей **искать**’ [153, с. 140]; *Ühten kerdan Van’ka mäni gul’aimaha* ‘Однажды Ванька **пошел** гулять’ [157, id 119]; *A en ku pasta ika vesüü viikoihudem mäneb kündmaha* ‘А если не пущу, на всю неделю **пойдет** пахать’ [43, с. 30];

- *юж. вепс.* *Joghe män’ pezmaazhe* ‘На реку **пошел** мыться’ [153, с.150]; *Prihäne män’ pähut sugmha* ‘Мальчик **пошел** чесать голову’ [153, с. 150];

- *мл.* *A konz zavodihe voin, hän mäni opendamhas specskolha* ‘А когда началась война, он **пошел** учиться в спецшколу’ [157, id 6647]; *Om hüvä, miše sinäki toid, mane magadamha päčile!* ‘Хорошо, что и ты принес, **иди** спать на печь’ [157, id 2614].

2) ***lähtta*** ‘отправляться’ – еще один продуктивный глагол движения. Используется в связке с иллативной формой III инфинитива:

- *сев. вепс.* *Läks’ kadelnitsanke kat’maha ikoniden edehe* ‘Пошел с кадилом **окуривать** перед иконами’ [174, с. 10]; *Pidab lähtta toižhe prihodaha rod’mahaze* ‘Нужно **отправиться** во второй приход рожать’ [174, с. 10];

- *ср. вепс.* *I läkspa bolad sōmha randad möto* ‘И **пошли** бруснику **есть** по берегу’ [172, с. 7]; *Läks’ nese mužik gul’aimaha I kulišti voinan* ‘Пошел этот

мужик гулять и услышал войну’ [172, с. 7]; *Läks’ D’agibaban tütrenke ajamaha merele* ‘Отправился с дочерью Бабы-Яги в поездку (зд. форма ‘ехать’) на море’ [172, с. 13]; *Lähtem d’umalanno molimahaze* ‘Пойдем к Богу молиться’ [172, с. 14].

По результатам опроса вепских жителей Прионежского района (с. Рыбрека, Другая Река, Каскесручей), проводившегося автором в 2021 г., были выявлены также случаи употребления I инфинитива с глаголом *lähtta*. Опрашиваемые называли оба варианта: *lähten hougaita* = *lähten čapmaha* ‘пойду рубить дрова’; *lähten kerada marjad* = *keradamha marjoid* ‘пойду собирать ягоды’; *minä lähten kiitta* = *vaumičemha* ‘пойду готовить’. Эти примеры современного бытования свидетельствуют о явном русском языковом воздействии – переносе соответствующей русской модели с I инфинитивом в вепский язык:

- *юж. вепс. Lähtob ajamha ka otab kaks’ kalušt’* ‘Поедет (букв. ‘отправится ехать’) да возьмет две палки’ [155, с. 251];
- *мл. Abidas Stič čingub i lähteb magadamha* ‘От обиды Стич скулит и идет спать’ [157, id 1257]; *Konz pereh lähteb elämaha verhaze maha, se süveneb toižehe kul’turaha, verhaze kel’he* ‘Когда семья уезжает жить за границу, она углубляется в другую культуру и язык’ [157, id 1305]; *Vaiše siloi, konz ristit om külläine, hän lähteb midä-se lugemaha, vai kundelmaha, vai kacmaha* ‘Только тогда, когда человек сытый, он идет что-то читать, слушать или смотреть’ [157, id 1915]; *Äi norid mehid läksi elämaha lidnoihe* ‘Много молодых людей отправилось жить в город’ [157, id 3167]; *Mecnik varjoiči nădan, rikoi sen da läksi ecmaha edeleze* ‘Охотник выследил куницу, убил ее и пошел охотиться дальше’ [157, id 2645].

3) *opeta* ‘учить’. Глагол *opeta* также является глаголом, требующим III инфинитива в прибалтийско-финской языковой системе [123, § 479]. Однако примеры демонстрируют, что в вепском языке при финитном глаголе *opeta* встречается параллельное использование обеих инфинитных форм. С точки зрения прибалтийско-финского синтаксиса глагол *opeta* требует

III инфинитива, при этом двуязычность вепсов и влияние русского языка приводит к использованию русской грамматической модели и употреблению конструкции с I инфинитивом:

- *сев. вепс. Opendamoi kudoda, ombelta* (I инфинитив), *opendamoi pajatamha, kudomaha* (III инфинитив); ‘Учусь вязать, шить, учусь петь, вязать’ (ЛА); *Opendaške lemmaha, itšeim maksašt nähmaha* (III инфинитив) ‘Научи-ка летать, себя любимого видеть’ [174, с. 26];

- *ср. вепс. Oi, sinä gor’a, minä sindei opendan sut’t’as* (I инфинитив) ‘Ой, ты, бедный, я научу тебя судиться’ [155, с. 28]; *I most pakitas saudatan: Openda miid’vännmaha* (III инфинитив) ‘И снова попросили солдата: научи нас играть’ [153, с. 177];

- *мл. Minä opendan händast poimimaha, kudomaha, – sanui ak* (III инфинитив) ‘Я научу ее вышивать, вязать, – сказала женщина’ [157, id 1326]; *Igor’ openzi heid nähmaha fotosüžetoid jogapäiväližes külän elos* (III инфинитив) ‘Игорь научил нас видеть фотосюжеты в ежедневной жизни деревни’ [157, id 2900].

4) *zavodida* ‘начинать’. Еще одним продуктивным в вепсском языке непереходным глаголом является глагол вступления в действие *zavodida* ‘начинать’: *No minä zavodimei metsastamha* ‘Но я начал охотиться’ [174, с. 36]. В данном случае заимствованный из русского языка глагол *zavodida* будет эквивалентен финскому глаголу *ryhtyä* ‘приняться’ или *ruveta* ‘стать, начать’, в сочетании с которым всегда используется иллативная форма III инфинитива. Аналогичных примеров в вепсском языке встречается немного, большинство из них зафиксированы именно у северных вепсов. Очевидно, они объясняются влиянием карельского языка на речь вепсского населения Прионежья, поскольку соответствующая карельская конструкция основана на использовании III инфинитива: *rupei puhumah* ‘начал говорить’, *ryhtyö luadimah* ‘начинает делать’ [187].

При этом в других диалектных ареалах глагол *zavodida* сочетается с формой I инфинитива, что свидетельствует о заимствовании русской

конструкции, о чем уже упоминалось выше, ср. в русских говорах *заводить* ‘начинать что-либо, приступать к чему-либо’; с неопр. формой глагола: *Я завел мыть*. Олон., Рыбников. Арх. *Она всегда вот так – заведет делать, а никогда не кончит*. Волог. Ленингр. [202, с. 324]. Так же, как и в русскоязычной конструкции с основным глаголом *начинать*, в которой используется форма единственного в русском языке инфинитива, в вепсском языке глагол *zavodida* сочетается с формой I инфинитива:

- *сев. вепс. Zavottihe hö mindei pagištoitta* ‘Начали они меня уговаривать’ [157, id 735]; *Zavottihe siid eläda* ‘Начали они тут жить’ [Там же, id 773]; *Nese ukk zavodi Änižes joda* ‘Этот старик начал из Онеги пить’ [Там же, id 807];

- *ср. вепс. Kevädou minä zavodin kalatada aigoiš* ‘Весной я начал рыбачить рано’ [155, с. 76]; *Zmei zavodi imbri lähtken kaida* ‘Змей начал вокруг источника копать’ [Там же, с. 97]; *Nu I zavodimei päzda orgho hil l’äšti* ‘Ну и начали потихоньку вниз спускаться’ [Там же, с. 8]; *Narod zavodib kidastada* ‘Народ начал кричать’ [Там же, с. 9]; *Zavodin vedäda ka ii tule* ‘Начал вести, да и не пришел’ [Там же, с. 11];

- *юж. вепс. Trambuiba čomašti i zavodiba päč’in panda* ‘Трамбуют хорошо и начинают печь класть’ [157, id 189]. *Kondi zavodi heidennost kääda* ‘Медведь начал к ним ходить’ [Там же, id 867]; *Händikhan rikoba, zavodiba nil’kta* ‘Волка забили, начали сдирать шкуру’ [Там же, id 873];

- *мл. Sid’ mina lopin augotižškolan da zavodin opetas vanhembiš klassoiš* ‘Тогда я окончила начальную школу и начала учиться в старших классах’ [180, с. 52]; *Suomalaižed tedomehed ezmäižed zavodiba kerata vepsläšt folklorad* ‘Финские ученые первыми стали собирать вепсский фольклор’ [183, с. 88].

В финском языке подобную ситуацию демонстрирует глагол *alkaa* ‘начать’, который выступает в связке с I инфинитивом (*alkoi tehdä, alkoi pestä* т. д.), но допускает использование и иллативной формы III инфинитива *alkaa tekemään*. В вепсском же глагол *zavot’t’a* является едва ли не единственным

глаголом со значением начинания, в связи с чем может употребляться также в соединении с именем, выступающим в роли объекта, например *zavot't'a radod* 'начать работу', в то время как в финском языке в аналогичных сочетаниях используется специальный глагол *aloittaa* 'начать' (*aloittaa työ* 'начать работу').

Таким образом, иллативная форма является самой продуктивной из всех форм III инфинитива в вепсском языке, выражая цель или направление действия основного глагола. В разговорной вепсской речи наблюдается параллельное использование, а иногда и замещение иллативной формы III инфинитива на форму I инфинитива, что свидетельствует как о влиянии на вепсский язык соответствующих русских, так и сохранении прибалтийско-финского наследия.

Инессивная форма III инфинитива

Инессивная форма III инфинитива преимущественно употребляется в составе инфинитивной конструкции в связке с такими глаголами состояния, как *olda* 'быть', *seišta* 'стоять', *ištta* 'сидеть', *kävuda* 'ходить' и т. д. Действие, передаваемое инфинитным глаголом, происходит в момент действия, выражаемого основным финитным глаголом. Отличием от синтаксической функции инессивной формы II инфинитива является то, что действие, выражаемое формой III инфинитива, относится к конкретному времени и указывает на его продолжительность [110, с. 382]: *Ištta kundlemas händast hänen üskas* 'Сидеть, слушая ее, в ее объятиях' [164, с. 13]; *Mö seižui astjad käziš pakičemas sötääd* 'Мы стояли с посудой в руках, прося еды' [164, с. 11]. Чаще всего в инфинитивных конструкциях с инессивной формой III инфинитива оба действия, передаваемые финитным глаголом и инфинитивом, производятся одним субъектом: *Minä ištuin laučal varastamas* 'Я сидел на скамейке и ждал (= в ожидании, ожидая)' [164, с. 18]; *Čajud jomas sanuim lämid sanoid toine toižele* 'Во время чаепития мы говорили теплые

слова друг другу' [157, id 1623]; *Händikahad da reboid jokseškanziba mecadme sötäd ectas* 'Волки и лисы **стали бегать** по лесу **в поисках** еды (= **ища** еду)' [157, id 1327].

Иногда инессивная форма может употребляться в сочетании с таким глаголом, как *nähta* 'видеть'. В этом случае действие, выражаемое финитной формой глагола *nähta*, и действие, обозначаемое инфинитивом, будет выполняться разными деятелями: *Nägin händast kezerdamas* 'Я **видел** ее **во время прядения**' (букв. 'в прядении') [34, с. 271].

В сочетании с финитной формой глагола *olda* 'быть' в личной форме инессивная форма III инфинитива выражает одновременность действия, выступая в роли обстоятельства. Особенности функционирования инессивной формы III инфинитива можно рассмотреть, если сравнить данную форму с финитной формой этого же глагола. Например, *hän joi* 'он пил' и *hän oli jomas* 'он пил' (букв. 'был в процессе питья'). Обе конструкции одинаково переводятся на русский язык, но если в первом случае действие происходит в прошедшем времени без конкретизации момента, то в случае с инессивной формой III инфинитива она всегда указывает на конкретный момент действия:

- *сев. вепс. Mina olin siga satmas* 'Я **была** там (сопровождала)' [157, id 807]; *Päiväine om d'o tikahtumas* 'Солнце уже **садится** (букв. 'в процессе заката')' [123, с. 497];

- *зан. вепс. Muštan, minä olin' mahapanmas sobatan* 'Помню, я **была** на похоронах (букв. 'во время похорон') в субботу' [157, id 63]; *Minä kundelmas olin' kerdan, svadibkellod kulin* 'Я **слушала** (букв. 'во время слушанья') однажды, свадебные колокольчики услышала' [Там же, id 232];

- *вост. вепс. Minä ongitamas olin' endemulošt* 'Был я на рыбалке (букв. 'был в процессе рыбалки') в позапрошлом году' [157, id 146];

- *юж. вепс. A kodid nähmäs tä olin* 'А я за домом **смотрел** (букв. 'был в процессе осмотра дома')' [123, с. 497]; *Olišken'zin' mina voo rikmas* 'Бывало, я еще **убивал** (букв. 'был во время убийства')' [157, с. 262];

- *мл. Hän oli tehmas papin radod Jumalan edes* ‘Он **делал** (букв. ‘был в процессе действия’) работу священника перед Богом’ [178, с. 127]; *Minä olin völ suomalaises klubas kargaidamas* ‘Еще я **танцевал** (букв. ‘был в процессе танцевания’) в финском клубе’ [107, с. 156].

Время действия, выражаемого инессивной формой III инфинитива, напрямую зависит от времени действия финитного глагола *olda* ‘быть’. В диалектных материалах также встречаются случаи, когда глагол *olda* в инфинитивной конструкции опущен, но подразумевается: *Teverō magadab koir, propad’mas jo* ‘На обочине лежит собака, **умирает** уже (букв. ‘в процессе умирания’)’ [160, с. 48]; *Nese meil jo lanktomas, pert’luham* ‘Этот (дом) у нас уже **падает** (букв. ‘в процессе падения’), старый’ [Там же, с. 55].

Отдельного внимания заслуживает конструкция типа *om hüvä tehmas*, которая встречается в говорах вепсского языка и обозначает ‘хороший в каком-то действии, в делании чего-то’: *Ani jo hotk mužik ajamas i nodjot čapmas* ‘Очень **быстро** мужик **едет** и костер **рубит** (букв. ‘очень быстрый мужчина в езде и в рубке костра’ или ‘Мужчина хорошо ездит и рубит костер)’ [160, с. 93]; *Sigä magadab mugoine pisar kulune, a kirjutamás louhk* ‘Там спит такой писарь старый, а **пишет хорошо** (букв. ‘в письме хороший’)’ [160, с. 29]; *Mitte om sömäs, mugoine i radmas* ‘Каков в еде, таков и в **работе**’ [157, с. 10].

Отметим, что данная конструкция не столько обозначает моментальность действия, выраженного инессивной формой III инфинитива, сколько характеризует качество этого действия.

В сочетании с другими глаголами состояния инессивная форма III инфинитива указывает на способ действия, то есть выполняет адвербиальную функцию. Эту форму можно сопоставить с деепричастной формой русского языка, которая отвечает на вопрос *что делая?* При этом семантика одновременности действий, выраженных инфинитивом и финитными глаголами, сохраняется: *мл. Heile oli kebnemba rata opendamas kel’t* ‘Им было **проще работать, изучая** языки’ [179, с. 4]; *Hän kaiken vahrihe stolan i päčin keskes sömän vaumičemas* ‘Она всегда **сутилась** между столом и

печью, **готовя** еду’ [165, с. 30]; *Varastan händast ištmas verajanno* ‘Я ждала его, **сидя** у двери’ [165, с. 44]; *Seižun varastamas pojezdad* ‘Я стою, **ожидая** поезда’ [165, с. 50]. Такая конструкция может быть заменена придаточным предложением с союзом *konz* ‘когда’, ср. *Necil liphāl ištmas kundlin starinoid* ‘**Сидя** на этом сундуке, я **слушал** рассказы’ [158, с. 82] и *Konz ištuiñ necil liphāl, kundlin hänen starinoid* ‘Когда сидел на сундуке, слушал его рассказы’.

Примеры, приведенные выше, демонстрируют, что оба действия выполняются одним лицом. Нужно обратить внимание на то, что все вышеуказанные примеры демонстрируют младописьменную норму вепсского языка. Вместе с тем анализ примеров показал, что инессивная форма III инфинитива в ее исконном значении равномерно употребляется как в диалектных текстах, так и в младописьменном языке.

Элативная форма III инфинитива

Элативная форма употребляется для выражения действия, которое завершается субъектом, буквально – из которого «субъект выходит». Чаще всего она обозначает прекращение или завершение действия. Употребляется эта форма с глаголами движения, обозначающими удаление, уход откуда-либо [34, с. 271]: *tulda* ‘прийти’, *lähtta* ‘отправиться’, *pageta* ‘сбежать’, *astta* ‘шагать’:

- *ср. вепс. Tuli ak lüpsmaspäi* ‘**Пришла** женщина с **дойки** коровы’ [162, с. 71]; *Velled tuliba metsamespei* ‘**Братья пришли** с **охоты**’ [162, с. 42];
- *юж. вепс. Astumā litšmaspäi griškad, a griška möst pajatab* ‘Мы **пришли** после того, как **вытащили** Гришку, а Гришка снова поет’ [160, с. 45]; *Veljet tuldhe molembad nähmaspäi sidä* ‘**Братья посмотрели** это и **вернулись**’, (букв. ‘оба брата **вернулись с просмотра**’) [160, с. 68];
- *мл. Pordos päliči tuleb baboi lehmäd lüpsmaspäi* ‘Через некоторое время **придет** бабушка с **дойки** коровы’ [157, id 1073].

При переводе некоторых инфинитивных конструкций с элативной формой на русский язык могут возникнуть трудности, так как эквивалентной конструкции в русском языке нет.

Кроме глаголов движения элативная форма III инфинитива употребляется с глаголами *heitta* ‘бросить, отказаться, перестать’, *pučtas* ‘отказываться’, с включением которых инфинитивная конструкция приобретает значение отказа: *Necil aigal neičukašt **heit’ katsmaspāi*** ‘В это время девочка **отказалась смотреть**’ [174, с. 124]; *Veneh hillāšti **heiti pōrumaspāi*** ‘Лодка потихоньку **перестала вертеться** (букв. ‘отказалась вертеться’)’ [157, id 4766]; *Ka hān nikonz **ei pučnus abutamaspāi*** ‘Он никогда **не отказывал в помощи**’ (ЛА).

Абессивная форма III инфинитива

Абессивная форма III инфинитива является достаточно продуктивной в вепском языке и выражает способ действия, выполняя адвербиальную функцию и отвечая на вопрос *как? каким образом?* Чаще всего она употребляется в связке с глаголами *olda* ‘быть’, *jāda* ‘оставаться’, *ištta* ‘сидеть’, *elāda* ‘жить’ и пр. В основном это те группы глаголов, с которыми можно построить конструкцию с подчинительной связью, выраженной обстоятельством образа действия. Данная форма обозначает действие, без которого совершается действие, называемое основным финитным глаголом в инфинитивной конструкции:

- *сев. вепс. No vot i šut dāi **rikmata*** ‘Но вот и шут **остался не убитым**’ [170, с. 106]; *No siid kerdal vouse ved’ **tedmata*** ‘Но на этот раз вовсе ведь не знаю, что делать (букв. ‘без знания’)’ [157, id 803];
- *зан. вепс. Pakitšemata elāb* ‘Не прося живёт’ [157, с. 59]; *Tuli kodihe, lehmād lüpsmata* ‘Пришла домой, **коровы не подоены**’ [157, id 4258]; *Ved’ sōmata vot ed elä* ‘Ведь **без еды** (букв. ‘не поев’) год **не проживешь**’ [157, id 1107];

- *вост. вепс. Rugiž om vī tapmata* ‘Рожь ещё не обмолочена’ [32, с. 271]; *Poig, naimata eisa ouda* ‘Сын, неженатым нельзя быть’ [154, с.105]; *Sibitamata i pahk ii ištte* ‘Не почешешь (букв. ‘не почесав’) – и прыщ не выскочит’ [157, id 198];

- *юж. вепс. A toine bok vō katmata* ‘А другой бок еще не накрыт’ [160, с. 13]; *Nügüd mä nailen, naitmata mä teile en zavodi rata* ‘Сейчас я женюсь, не женившись я у вас не начну работать’ [160, с. 56]; *Ninga ii tarbiž bas ’ta, iga vou elämata* ‘Так не надо разговаривать, век еще не прожит’ [123, с. 500].

- *мл. A rahvaz seižui kubahtamata* ‘А народ стоял не двигаясь’ [160, с. 28]; *Vähä om vōl voikmata* ‘Мало еще есть неоплаканных’ [159, с. 89]; *Varuspäi mina seižuin likumata* ‘От страха я стоял не двигаясь’ [157, id 666]; *Konz hän venui muštmata miku kolii* ‘Когда он лежал без памяти как покойник’ [157, id 1151]; *Ei jänugoi homaičemata školad-ki* ‘Не остались без внимания и школы’ [157, id 1236].

В некоторых примерах глагол *olda* может быть опущен, эта ситуация свойственна для живой вепсской диалектной речи и затрагивает остальные формы III инфинитива, а также некоторые причастные формы.

Кроме того, в младописьменных текстах часто конструкция с абессивной формой III инфинитива употребляется в связке с глаголами движения *kävelta* ‘ходить’, *astta* ‘ходить, шагать’: *мл. Surdmata käveli ülähäks-alahaks* ‘Не уставая (букв. ‘без устали’) ходил вверх-вниз’ [164, с. 12]; *Pidi astta kacelmata tagaze* ‘Нужно было идти, не оборачиваясь назад’ [159, с. 84]. Такова же ситуация и с глаголами действия *tehta* ‘делать’, *panda* ‘класть’, *otta* ‘брать’, *kirjutada* ‘писать’ и т. д.: *мл. I sid’ mujamata uinzin minä-ki* ‘И затем я уснул без чувств’ [164, с. 10]; *Otin fotokuvan küzumata* ‘Я взял фото без спроса’ [Там же, с. 18]; *Laukoišpäi voi otta tavaroid maksmata* ‘Из магазинов можно было брать товары не заплатив’ [Там же, с. 31]; *Ezmäižen kirjan kirjutin meletamata* ‘Первую книгу написала не думая’ [180, с. 52]; *Koir ei opete ujumaha händad ligotamata* ‘Собака не учится плавать, не шевеля хвостом’ [181, с. 90].

Кроме того, в младописьменных текстах абессивная форма III инфинитива и иллативная форма указательного местоимения *se* ‘то’ используется для передачи значения русского предлога *несмотря на*: *мл. Kacmata sihe, miše oli jo lujas möhä* ‘Несмотря на то, что было очень поздно’ [161, с. 22]; *Kacmata igähä, hän iče tegeb kaik sijad kodiš* ‘Несмотря на возраст, она сама делает все дела дома’ [157, id 1087]; *No kacmata kaikehe nese pert’ om vahv* ‘Но, несмотря на все это, дом крепкий’ [Там же, id 1078].

Для народной речи такая конструкция нехарактерна.

2.6. Историческая форма *mine*-инфинитива

В современной вепсской грамматике не принято выделять форму IV инфинитива. В некоторых источниках [34; 110; 126] рассматривается инфинитив с показателем *-mine*, существующий в двух падежных формах – номинативе в связке с положительной формой глагола *olda* ‘быть’ в форме 3 л. ед. ч. (*om tapmine* ‘нужно молотить’), выражающих действие, которое нужно совершить, и партитиве в связке с отрицательной формой глагола *olda* в форме 3 л. ед. ч. (*ei ole tapmišt* ‘не нужно молотить’, букв. ‘нет молотыбы’), выражающей действие, которое не нужно совершать [34, с. 272]. В отличие от остальных инфинитивов и подобно некоторым причастным формам (*opendai, tegii*), *mine*-инфинитив образует отглагольные существительные и с этой точки зрения является словообразовательным суффиксом [107, с. 158]. В современной же грамматике вепсского языка эта форма не выделяется как отдельная форма инфинитива, а рассматривается лишь как отглагольное существительное, выражающее действие глагола, от которого оно образовано: *lugeda* ‘читать’ > *luge+mine* > **lugemine* ‘чтение’. Словообразовательный суффикс *-mine* наряду с другими инфинитивными суффиксами имеет именную природу. Он состоит из двух частей: суффикса *-me*, восходящего к рассмотренному выше **-ta*, и отыменного суффикса *-ine* [110, с. 211]. Так, например, в финском языке подобная форма с показателем *-minen*

определяется как форма IV инфинитива, но даже здесь ситуация осложнена тем, что ее употребление в конструкции с финальным значением встречается не так часто, причем по этому вопросу существуют противоречивые мнения. Некоторые ученые [12] считают неправильным относить данную форму к инфинитивной. С их точки зрения, принадлежность формы *-mine* (фин. *-minen*) к именной категории доказывается в том числе возможностью ее полного падежного склонения [111, с. 394].

В вепсском языке именное и глагольное употребление формы IV инфинитива настолько переплетены, что иногда трудно провести границу между ними. Тем не менее глагольное значение этой формы развилось из именного, на что указывает происхождение самого суффикса *-mine* [123, с. 501].

Кроме того, у этой формы есть глагольная особенность – способность образовывать синтаксические предикативные конструкции, в которых инфинитив является глагольным атрибутом. В качестве отглагольного имени существительного *mine*-инфинитив употребляется в предложении как в роли субъекта, так и в роли других, свойственных имени членов предложения (атрибут, адвербиал, объект) и подобно имени подвергается падежному словоизменению.

Что касается глагольной формы *mine*-инфинитива, то, как уже было сказано выше, она образует предикативную конструкцию со значением долженствования в связке с глаголом *olda* в форме 3. л. ед. ч., которая зачастую опускается (см. примеры ниже) и выполняет при этом функцию долженствования. В большинстве случаев в диалектном и младописьменном языке эта конструкция заменяется более продуктивной *tariž / pidab tehta* ‘нужно сделать’. Формы на *-mine* неравномерно распределены по диалектам. Основная часть примеров встретилась в южновепсских говорах: *юж. вепс. Muga i radmiine* ‘Так и **надо работать**’ [123, с. 79]; *Kaži rikmiine* ‘Кошку **надо убить**’ [123, с. 79]; *Midak silaž basib, kana se möm(i)ne?* ‘Что он говорит,

курицу **можно продавать?**» [123, с. 79]; *Lamp se uksihe **tatmine*** ‘Лампу **нужно** за дверь **выбросить**’ [123, с. 79].

В некоторых случаях форма *mine*-инфинитива выступает в употреблении в роли объекта, например *Andab **radmišt*** ‘Он даст **работу**’ (букв. ‘то, что нужно делать’). В этом случае для *mine*-инфинитива характерной будет падежная форма партитива. Также ее можно встретить в качестве определения, выполняющего атрибутивную функцию: *Tämbei om **radmine** päiv* ‘Сегодня **рабочий** день (когда надо работать)’; *Joksendamine aig* ‘Время для **бега** (когда нужно бегать)’; *Mömžid oškid iile?* ‘Нет ли очков для **продажи**? (которые нужно продать)’; *Ombōmine negl* ‘Игла для **шитья** (которой нужно шить)’; *Hergen **maksmiine** hang* ‘Вилы, **чтобы** наваливать навоз’, *Kagran **hobimine** humbar* ‘Ступа для того, **чтобы** толочь овес (в которой нужно толочь овес)’ [123, с. 79].

Можно предположить, что, несмотря на очевидную атрибутивную позицию, приведенные выше формы *mine*-инфинитива выражают значение необходимости, долженствования, что характерно для формы IV инфинитива, на это указывает дополнительный перевод значения в скобках.

В вепсском языке рассматриваемая форма воспринимается чаще как отглагольное существительное, но интересной особенностью вепсского языка является то, что зачастую в конструкциях с формой *-mine* главное слово отсутствует и поэтому оставшийся инфинитив берет на себя функции главного слова (субъекта или объекта): *omboomine* ‘то, чем (на чем) **шьют**’, *Hambaznik – netse kirffem **pidamine*** ‘Доска с зубцами – это **чтобы** топор **держат**’ [123, с. 193].

В младописьменной норме языка образованные с помощью *-mine* формы рассматриваются и употребляются только лишь в качестве отглагольного существительного: *Spasib sinei emägain **adivoičetamižes** da ösijas* ‘Спасибо тебе, хозяйюшка, за **гостеприимство** и **ночлег**’ [157, id 1923]; *Ende, nacein, kürzad oliba kaikid popul’arižemb **sōmine** venän da vepsän rahvahal* ‘Раньше,

наверное, блины были самым популярным **блюдом** у русских и вепсов' [157, id 650].

Анализ формы инфинитивов в вепсском языке, включая их фонетические изменения, диалектные различия и синтаксические функции, позволяет сделать несколько выводов. На примере I инфинитива, или начальной формы глагола, нами была реконструирована история образования современных типов глагольных основ в вепсском языке и доказано, что за ними стоит длительная история, включающая как праязыковой, так и собственно вепсский этап. После распада праязыкового единства в разных прибалтийско-финских языках образование инфинитных форм подчинялось фонетическим закономерностям искомого языка. На вепсском этапе принципиально важную роль сыграл закон выпадения конечных гласных, сопровождавшийся стяжением основ. В результате исторически одноосновные глаголы с гласной основой частично сохранились, частично же – сообразуясь с синкопой конечного гласного – перешли в разряд двухосновных, в которых формы I и II инфинитива стали образовываться от согласных основ. В исторически же двухосновных глаголах, в которых инфинитивный показатель присоединялся к согласной основе, произошло своего рода опрощение, стяжение с образованием так называемой вепсской краткой основы синхронной классификации. Таким образом, краткая гласная основа в форме I и II инфинитивов является исторически согласной, а современная согласная основа фиксируется у исторически одноосновных глаголов с гласной основой. В форме III инфинитива исторически двухосновных глаголов выступает так называемая долгая гласная основа синхронной классификации, однако согласная основа – у лексем, в которых исторически гласная основа перешла в вепсском языке в согласную.

Исторический характер основ важен, поскольку с ним связан выбор звонкого или глухого варианта показателей I и II инфинитива. Если звонкий формант *-da* в позиции после гласной основы (*luge-da*) или дистрибуцию *-da / -ta* после согласной основы можно связать с воздействием звонкого или

глухого окружения, то глухой *-ta* в звонком окружении в глаголах с краткой гласной основой (*paime-ta*) не объяснить с этих позиций. Он является наследием исторической геминаты, сформированной конечным *-t-* согласной основы и элементом *-t-* показателя *-ta*.

Изложенные выше положения наглядно иллюстрирует таблица (см. табл. 3), демонстрирующая формы трех инфинитивов (по два примера) от основ разных типов в сопоставлении с данными финского языка.

Таблица 3. Типы основ и варианты инфинитивных показателей

Тип основы	I инфинитив	II инфинитив	III инфинитив	Финский язык
Одноосновные глаголы	<i>luge-da</i> 'читать'	<i>luge-de-s</i>	<i>luge-ma-s</i>	<i>lukea</i> <i>luki-e-ssa</i> <i>luke-ma-ssa</i>
	<i>abuta-da</i> 'помогать'	<i>abuta-de-s</i>	<i>abuta-ma-s</i>	<i>autta-a</i> <i>autta-e-ssa</i> <i>autta-ma-ssa</i>
Глаголы с долгой и краткой гласными основами	<i>paime-ta</i> 'пасти'	<i>paime-te-s</i>	<i>paimenda-ma-s</i>	<i>paimenta-a</i> <i>paimenta-e-ssa</i> <i>paimenta-ma-ssa</i>
	<i>taba-ta</i> 'ловить'	<i>taba-te-s</i>	<i>tabada-ma-s</i>	<i>tava-ta (-ta < *-tta-)</i> <i>tava-te-ssa (-te < *-tte-)</i> <i>tapaa-ma-ssa</i>
Двухосновные глаголы	<i>läht-ta</i> 'отправляться'	<i>läht-te-s</i>	<i>läht-ma-s</i>	<i>lähte-ä</i> <i>lähti-e-ssä</i> <i>lähte-mä-ssä</i>
	<i>kul-da</i> 'слышать'	<i>kul-de-s</i>	<i>kul-ma-s</i>	<i>kuul-la</i> <i>kuul-le-ssa</i> <i>kuule-ma-ssa</i>

Вепские инфинитивные формы не отличаются диалектным разнообразием и ведут себя как именные конструкции, выполняя роль субъекта, объекта, атрибута и адвербиала, то есть им свойственны те же функции, что и в других прибалтийско-финских языках. Определенное своеобразие демонстрирует инессивная форма II инфинитива, которая только в вепских говорах выполняет роль обстоятельства причины. Финальная функция представлена и в фольклорных текстах.

Впрочем, основные специфические черты в функционировании вепских инфинитивных форм на прибалтийско-финском фоне вызваны

воздействием русского языка. Оно проявляется на уровне фольклорных текстов (напр., конструкция с глаголом *linda (linneb)* в сочетании с существительным в форме аллатива). При этом наиболее явно данное влияние просматривается в довольно последовательном выпадении глагола-связки *от* и, особенно, в замещении III инфинитива на I (прежде всего в конструкциях с глаголами движения). Примечательны в плане русского влияния также конструкции долженствования, в которых агент выражен формой аллатива, а не генетива, как следовало бы в прибалтийско-финской традиции.

В младописьменных текстах отчетливо обнаруживаются следы как русского, так и финского влияния в синтаксисе. Примером русского воздействия может быть вытеснение инструктивной формы II инфинитива инессивной формой под влиянием русского деепричастного оборота или значительное усиление, расширение абессивной формы III инфинитива и использование ее для передачи значения русского предлога *несмотря на*. В свою очередь, примером финского влияния на пишущих на вепском языке являются безличные предложения, в которых объект, на который направлено действие глагола в форме II инфинитива, имеет форму партитива, а не генетива, как в народной речи.

ГЛАВА 3. ПРИЧАСТИЕ В ВЕПССКОМ ЯЗЫКЕ

В данной главе внимание привлекается к грамматическим показателям вепских причастий как свидетельству двойственной природы этой части речи: анализируются истоки формантов, участвующих в образовании трех грамматических классов причастий вепского языка: двух форм активного причастия – презенса (так называемое 1. или *i*-причастие) и имперфекта (соответственно 2. или *ni*-причастие) – и пассивного *tud*-причастия. Заметим, что в вепском языке, в отличие от ряда других прибалтийско-финских языков, где причастия выступают в обоих залогах в двух формах, используется единая пассивная форма. Одновременно анализируются и модификации, произошедшие в фонетическом облике вепских формантов на прибалтийско-финском фоне, а также звуковые изменения, происходившие на стыке основы и показателя. Представлен анализ синтаксических функций и семантической роли причастных форм в вепском языке. Отдельно дана характеристика агентной функции пассивного причастия и аналитических временных форм финитных глаголов, в составе которых выступают причастные формы.

Причастие, будучи именной формой глагола наряду с инфинитивом, совмещает в себе глагольные и именные (атрибутивные) свойства. В индоевропейских языках оно определяется как скрещенная глагольно-прилагательная категория [23, с. 221] или смешанная часть речи [74, с. 128], то есть прилагательное, образованное от глагола [31, с. 96]. В русском языке оно традиционно понимается как особая глагольная форма, совмещающая в себе признаки имени прилагательного и глагола [81, с. 268]. В современном прибалтийско-финском языкознании образование причастий рассматривается на границе глагольного словоизменения [109, § 61]. Для прибалтийско-финских языков характерны адъективация и субстантивация причастий [77, с. 357]. Уральские языки демонстрируют высокую степень вариативности систем причастия. Причастия языков уральской языковой семьи богаты и достаточно развиты, они часто используются в различных предложениях с

подчинительной связью [142, с. 55], характеризуют и классифицируют определяемое слово через события, в котором участвуют. Состояние, выражаемое причастием, обуславливается действием объекта, который нужно охарактеризовать, или может быть результатом прошедшего действия [109, § 522].

Как и инфинитивы, причастия совмещают в себе признаки имени и глагола. Яркий признак глагольной природы причастий – наличие категории времени и залога. В свою очередь, их именная суть проявляется в возможности склонения по падежам и изменения по числам подобно имени. Основная особенность причастий заключается в том, что глагольное значение действия выражается в них как признак [34, с. 272]. В прибалтийско-финских языках важной функцией причастий является участие в образовании сложных глагольных форм (перфект, плюсквамперфект).

Двойственная природа причастия отражается и в его синтаксической роли. Подобно прилагательным оно выполняет в предложении атрибутивную функцию (*Ven'ka lanksi **avaitud iknaha*** ‘Венька упал в **открытое окно**’), то есть характеризует существительное, с которым находится в валентных отношениях. Однако, выступая в составе аналитических глагольных конструкций, оно выполняет роль предиката: *Händikahau los' **oli todut*** ‘У волка (волком) лось **был принесен**’ [155, с. 173], причастие *todut* является предикативом в сочетании *oli todut* ‘был принесен’; *Kaks' poigad **oliba neinuded*** ‘Два сына **были женаты**’ [157, id 4258].

На адъективность причастий также указывает то, что в некоторых случаях они функционируют как лексикализованные производные имени, то есть являются субстантивированными формами [107, с. 161], например *tutab* ‘знакомый’, *palab* ‘горячий’, *opendai* ‘учитель’, *männi* ‘прошлый, прошедший’.

Причастные конструкции могут содержать в себе большое количество информации [103, с. 146]. Все три причастные формы могут выступать в роли определения как одиночно, например: *Voili i **hajenuzid** živatoid i ristituid löuta*

‘Могли **пропавших** животных и людей найти’ [166, с. 35]; *Matk neciš pimedas saubatud vagonas i neciš tupehtoittud il’mas ei lopte nikonz* ‘Мне казалось, что путь в этом темном **закрытом** вагоне и в этом **затхлом** воздухе не закончится никогда’ [165, с. 67]; *Mecas valičed hapanuden tugoine pedei libo hab* ‘В лесу выбираешь **сгнившую** такую **сосну** или **осину**’ [157, id 61]; так и имея при себе объект и обстоятельство: *Maika nukku pertin honuses riputadud lagehe kätkes* ‘Майка уснула в комнате дома в **подвешенной к потолку** люльке’ [165, с. 41]; *Matmoi kaiči mecas keratud oksid viretesen täht* ‘Мама хранила **собранные в лесу** ветки для розжига’ [165, с. 94]. Конструкция, где причастие выступает в связи с объектом или обстоятельством, описывает при этом главное слово, выраженное существительным, через его действие: например, если кошка бежит (*kaži jokseb*), то это бегущая кошка (*joksii kaži*), если кошка убежала в лес (*kaži rageni*), то это убежавшая в лес кошка (*mecha ragenu kaži*).

На положение и роль причастия, выполняющего предикативную функцию, влияет наличие в причастной конструкции глагола *olda* ‘быть’ [103, с. 159]. В этих формах борются глагольность и адъективный характер рассматриваемых лексем: *Se oli poleleze kolnu* ‘Она **была** наполовину **мертва**’ [153, с. 91]. Такая конструкция является омонимичной той глагольной конструкции, где в сложных аналитических временных формах выступает причастие в паре с глаголом *olda* ‘быть’: ср. *Kirj om lugetud* (причастие пассива) ‘Книга (есть) прочитанная’ и *Kirj om lugetud* (перфект пассива) ‘Книгу прочитали’. Рассмотрим еще пример: *Nena, nacein, oli muretud* [165, с. 32], который может быть также истолкован двумя способами ‘**Нос**, наверное, **был сломанный**’ или ‘**Нос**, наверное, **сломали**’. В первом случае перед нами форма *tud*-причастия в составе предикатива *oli muretud* ‘был сломанный’, во втором – можно интерпретировать конструкцию как пассивную форму плюсквамперфекта. Вне зависимости от интерпретации данная конструкция выражает общее семантическое значение.

3.1. Грамматическая природа причастий

Основным противоречием в грамматике причастий является то, что некоторые из них имеют глагольную природу, а некоторые именную (адъективную). От любого глагола можно образовать причастие, но некоторые субстантивированные причастные формы используются с такими значениями, что их не сразу можно сопоставить с глаголом, например фин. *seuraava* ‘следующий’, *kannettava* ‘ноутбук’, букв. ‘несомое, то, что носят с собой’, вепс. *opendai* ‘учитель’, *tutab* ‘знакомый’, *oppitud* ‘образованный’ и т. д. Причастие определяется как инфинитная форма, которая в основном выступает в предложении, выполняя функции имени прилагательного [149, с. 342]. Множество исследований причастий в различных языках мира определяет причастие как отглагольное прилагательное. Глагольность причастия выражается как окачествленное действие, приписываемое предмету и определяющее его аналогично имени прилагательного [23, с. 272].

Такая характеристика уместна и применительна к прибалтийско-финским причастиям. Для того чтобы определить какой признак является преимущественным у той или иной причастной формы, нужно посмотреть на наличие признаков определенной грамматической категории (имени или глагола). Среди именных признаков у причастия выступают: 1) возможность именного словоизменения в падежной системе и числе, 2) синтаксическая функция определения. Среди глагольных признаков выступают: 1) формы актива и пассива, 2) значение времени и законченности / незаконченности действия, 3) наличие возвратных форм, 4) синтаксическая предикативная функция и возможность иметь при себе объект и обстоятельство.

Причастие сближается с прилагательным в том случае, если оно выполняет атрибутивную синтаксическую роль, то есть определяет главное слово, отвечая на вопрос *какой?*: *Pert'he tuli **nagrai** neizne* ‘В дом зашла **смеющаяся** девушка’. В этом предложении причастие *nagrai* выражает признак действия, совершаемого главным словом, и отвечает на вопрос *какая?*: *в дом зашла (какая?) девушка? – смеющаяся; Viliktunuden leiban söt*

ka jumalan jurud ed varaada ‘Заплесневевший хлеб ешь – грозы не будешь бояться’ [155, с. 278]. Кроме того, форма *i*-причастия в сочетании с определяемым словом, выраженным наречием образа действия, прилагательным или неопределенным местоимением, рассматривается как прилагательное [148, с. 243]: *Pert’he tuli **lujas nagrai** neizne* ‘В дом зашла **сильно смеющаяся** девушка’; *Kaik meiden pertid näguihe **miččikš-ne murenuzikš*** ‘Все наши дома казались **какими-то разрушенными**’ [164, с. 24]; *Vanhembad sizared, **eskai rusttenuded**, kahthe än’he sel’genzoitiba meile* ‘Старшие сестры, **даже покрасневшие**, в оба голоса объяснили нам’ [164, с. 16].

К разряду прилагательного относятся те причастные формы, в которых результат действия и временные отношения уходят на задний план и которые привлекают внимание именно к особенностям определяемого слова [103, с. 56]: *pagižlii priha* ‘разговорчивый парень’, *tutab ristit* ‘знакомый человек’, *kolnu kel’* ‘мертвый (букв. ‘умерший’) язык’ и т. д. В грамматике финского языка такие причастия входят в группу так называемых «абсолютных прилагательных». Это такие слова, которые обычно не подвергаются сравнению с точки зрения их семантики: ср. фин. *kuollut* ‘мертвый’, *elävä* ‘живой’ и т. д.

«Глагольное» причастие проявляется в наличии объекта или обстоятельства рядом с ним. Причастия, образованные от переходных глаголов и имеющие при себе объект, на который направлено действие глагола, выраженного причастием, не рассматриваются как именные, см., например, в предложении *Pert’he tuli lehmän **lүpsnu** ak* ‘В дом зашла **подоившая** корову женщина’ (ЛА). Сама причастная конструкция *lehmän lүpsnu* является определением главного слова *ak* ‘женщина’, но причастие *lүpsnu* ‘подоившая’ определяет действие, направленное на объект *lehmän* ‘корову’.

3.2. Показатель *i*-причастия: выбор между двумя именными суффиксами

Именная суть данного разряда причастий убедительно доказывается генетическими истоками его показателей. В современном вепсском языке первое активное причастие образуется с помощью суффикса имени действующего *-i* (ср. кар., фин. *-ja*, ливв. *-i*), который всегда присоединяется к гласной основе глагола. Если это глаголы с двумя гласными основами, показатель присоединяется к долгой гласной основе. Другими словами, форма первого причастия образуется путем присоединения показателя первого причастия *-i* к той основе глагола, которая используется при образовании формы презенса индикатива: *lugeda* ‘читать’ – *luge-b* ‘читает’, где *luge-* – гласная основа, – *lugii* ‘читающий’, *sanuda* – *sanu-b* – *sanui* ‘говорящий’, *pagišta* – *pagiže-b* – *pagižii* ‘разговаривающий’, *rubeta* – *rubeda-b* – *rubedai* ‘приступающий’, *avaita* – *avaida-b* – *avaidai* ‘открывающий’, *söda* – *sö-b* – *söi* ‘тот, кто ест’. При присоединении форманта *-i* конечный гласный основы не изменяется, за исключением гласного *-e*, переходящего в *-i* в соответствии с закономерным фонематическим развитием праязыкового времени [110, с. 41]: *tege-b* – *tegii* ‘делающий’, *mäne-b* – *mänii* ‘идущий’, *tule-b* – *tulii* ‘приходящий’.

В ряде прибалтийско-финских языков показатель данной формы причастия имеет другие истоки, он представлен формантом *-va* в финском, ижорском и водском языках, *-ba* или *-b* в ливском языке, в эстонском *-v* и восходит к праязыковому **-ra*. В диалектных формах вепсского языка можно встретить редкие следы бытования форм с показателем *-b*: *eläb* ‘живущий’, *palab* ‘горящий’, *tutab* ‘знакомый’, *kehub* ‘кипящий’. Будучи с точки зрения словообразования формами 1. активного причастия, они осознаются и соответственно используются носителями языка как имена прилагательные (иногда субстантивированные); *eläbil’ silmil’* ‘живыми (то есть ‘своими’) глазами’, *kehub* (< *kehub*) *vezi* ‘кипящая вода’, *tutab* ‘знакомый’, *tetab* ‘известный’ [146, с. 213]. Оба форманта (*-i*, *-b*) исторически восходят к финно-угорским именным суффиксам **-ja* и **-ra*, образовавшим наименование

субъекта действия от глагольных основ [110]. В то время как суффикс **-ra* утратил в прибалтийско-финских языках эту функцию, перейдя в разряд грамматических показателей, суффикс **-ja* (> вепс. *-i*) продолжает активно функционировать в роли словообразующего форманта. Ср. вепс.: *opeta* – *opendai* ‘учитель’, *ombelta* – *omblii* ‘швея’, *pajatada* – *pajatai* ‘певец’, *pagišta* – *pagižii* ‘оратор’, *kargaita* – *kargaidai* ‘танцор’. Иначе говоря, в вепсских диалектах форма 1. активного причастия совпадает с соответствующим отглагольным именем. Можно полагать, что закреплению в функции причастного показателя форманта **-ja* (> вепс. *-i*), а не **-ba* способствовало использование последнего в функции личного окончания 3 л. ед. ч. и свойственный системе языка принцип «иконизации» – стремление к размежеванию грамматических функций показателей [56, с. 20].

Выполняя атрибутивную функцию, форма *i*-причастия, подобно имени прилагательному согласуется с определяемым ей именем в числе и падеже. Для склонения и числового изменения используется словоизменительная основа причастия на *-ja-* или *-ba-*, которые восходят к историческим суффиксам **-ja*: (*tegii* ‘делающий’ > *tegija-*, *omblii* ‘шьющий’ > *omblija-*) и **-ra* (*palab* ‘горящий’ > *palaba-*, *kehub* ‘кипящий’ > *kehuba-*). Форма множественного числа образуется путем присоединения к словоизменительной основе причастия общего для всех прибалтийско-финских языков прауральскому показателю *-i*, который, вероятно, восходит к посессивному именному суффиксу [110, с. 92]. Облик словоизменительной основы множественного числа активного *i*-причастия имеет в синхронном срезе два варианта: на *-i* (*opendai* ‘учащий’ > *opendaji-*; *kehui* ‘кипящий’ > *kehuji-*): *Pidi vaumištada vepsän kelen opendajid* ‘Нужно было подготовить учителей вепсского языка’ [175, с. 3]; *Avaita vepsän kul’turan eričusid eläjiden keskes* ‘Открыть отделения вепсской культуры среди жителей’ [Там же]; и на *-joi* (*omblii* ‘шьющий’ > *omblijoi-*). Переход на дифтонг *-oi* происходит в случае, если перед показателем причастия в конце словообразовательной основы выступает гласный *-i* (*-i* > *-ija-* > *-ijoi*): *lugii* ‘читатель, читающий’

> *lugija-* > *lugojoile*, *runoilii* ‘поэт’ > *runoilija-* > *runoilijoid*; А *mehel olijoid* (номинатив *olii*) *kükstihe* ‘А **замужних** выгнали’ [165, с. 24]. Эта ситуация вызвана путем развития по аналогии с прафинской *o* < **oi* < **ai* (*sanoja* < *sanoina* < **sanaina*, *jalkoja* < **jalkoida* < **jalkaiða*) [110, с. 44]. Вариант активного причастия на *-ba* имеет в основе множественного числа вариант *-bi* (прафин. *-i* < **-a*): *palab* > *palabi-d* (партитив мн. ч.), причиной развития которого послужила аналогия, источником которой являются двухсложные слова с длинным или закрытым первым слогом (ср. фин. *järvi* < **järvä*, *salmi* < **śalma*, *talvi* < **talva* и т.д.) [110, с. 42]: *Sina paneba neche lačhu kivid’ palabid’* ‘Туда кладут в эту бочку **горячих** камней’ [157, id 167];

3.3. Особенности функционирования активного *i*-причастия

1. активное причастие, или *i*-причастие (причастие презенса) (в более древнем и редком варианте *-b*-причастие), выполняет функцию определения главного слова [107, с. 159]: *Hengiškanzi hilläs i tünäs, kut hengib magadai mez’* ‘Задышал тихо и спокойно, как дышит **спящий** человек’, где причастие *magadai* ‘спящий’ определяет существительное *mez’* ‘человек’; *kundlii neičukaine* ‘**послушная** девочка’.

Чаще всего формы с показателем *-i* используются как субстантивированные причастия, то есть в качестве имени существительного, образованного с помощью словообразовательного суффикса *-i* (*opendai* ‘учитель’, *keričii* ‘парикмахер’, *manitai* ‘обманщик’, *tedai* ‘знаток’, *pajatai* ‘певец’, *toimitai* ‘редактор’, *lugii* ‘читатель’, *sä dai* ‘создатель’, *sauvoi* ‘строитель’), присоединяемого к глагольной основе. Причастия на *-i* обозначают признак незаконченного действия и подобно имени прилагательному в предложении выступают в роли определения, согласуемого с определяемым словом [34, с. 273]. В данном случае причастные формы и отглагольные существительные можно считать грамматическими омонимами [Там же].

Главная особенность причастий заключается в том, что они связывают время действия, которое обозначают, со временем действия, выраженного основным глаголом в предложении [109, § 490]. Так, например, основной принцип употребления *i*-причастия заключается в том, что оно передает признак незаконченного действия. Данная причастная форма эквивалентна действительным и возвратным типам русских причастий с суффиксами -*ущ(ий)* / -*ющ(ий)*, *ащ(ий)*- / -*ящ(ий)* и страдательным причастиям с суффиксами -*м-* (-*ом(ый)* / -*ем(ый)* / -*им(ый)*) в русском языке [23, с. 228]. Рассмотрим подробнее форму 1. активного причастия с точки зрения обозначаемого ей действия:

1) действие, выраженное активным *i*-причастием, происходит одновременно с действием основного глагола: *Kirjad lugii priha ištub kirjištos* ‘**Читающий** книгу парень сидит в библиотеке’. Действие глагола, выраженного причастием *lugii*, происходит одновременно с действием основного глагола *ištub*. Стоит отметить, что здесь большую роль играет время действия: такое действие может происходить как в прошлом, так и в настоящем и будущем. Другими словами, время действия, выраженного причастием, определяется временем действия основного глагола. Если основной глагол обозначен формой прошедшего времени (имперфектом, перфектом или плюсквамперфектом), то действие, выраженное *i*-причастием, всегда будет происходить одновременно с ним, например *Kirjad lugii priha ištui kirjištos* ‘Читающий книгу мальчик сидел в библиотеке’. В первом примере действие, выраженное причастием, происходит в настоящем времени, на что указывает временная форма основного глагола *ištub* (презентс индикатив) ‘сидит’. В следующем примере то же причастие указывает уже на действие, происходившее в прошлом, на что влияет временная форма основного глагола *ištui* (имперфект индикатив) ‘сидел’. Форма причастия *lugii*, как, собственно, и его значение не изменяется, изменяется только время, в котором находится субъект, выполняющий выраженное причастием действие.

Причастие, являясь отглагольным производным, определяет также полноту / частичность объекта в случае, если глагол, признак действия которого выражает причастие, является переходным. Выбор грамматической формы объекта зависит от аспекта, то есть от того, результат завершеного или незавершеного действия выражает объект [111, с. 181]. Поскольку активное *i*-причастие обозначает признак незаконченного действия, которое протекает одновременно с основным глаголом или постоянно, то есть в процессе, то объект при причастной конструкции будет выступать в форме партитива: *pirgoid paštai baboi* ‘пекущая **пирог** бабушка’, *čajud joi mez* ‘пьющий **чай** мужчина’, *platjod omblīi tam* ‘шьющая **платье** мама’, *Kirjad lugii priha ištub kirjištos* ‘Читающий **книгу** мальчик сидит в библиотеке’ и т. д.

Форма *i*-причастия, как правило, стоит перед определяемым словом и согласуется с ним в числе и падеже: *rambičīi mez* ‘хромающий человек’, *ujui neičukaine* ‘плавающая девочка’, *joksii jāniš* ‘бегущий заяц’;

2) действие, выраженное 1. активным причастием, происходит обычно, регулярно. Форма первого активного причастия включает в себя несколько больше, чем просто указание на незавершенность действия. Некоторые *i*-причастия не всегда имеют семантику действия, происходящего в момент речи. Так, например, предложение *Tahtoin kūksta **telustajan** kažin* ‘Хочу прогнать **мешающую** кошку’ (ЛА) можно трактовать по-разному: 1) действие основного глагола *tahtoin* и действие, выраженное причастием *telustajan*, происходит одновременно, то есть ‘прямо сейчас я хочу прогнать кошку, которая **сейчас мешает**’, и 2) действие, выраженное причастием, происходит регулярно, вне зависимости от времени действия основного глагола, то есть ‘я хочу прогнать кошку, которая **постоянно мешает**’.

Особенно хорошо это прослеживается в сохранившихся причастных формах с древним показателем *-b*. Например, лексема *tutab* ‘известный’ указывает не столько на незавершенность действия, сколько на модальное значение, то есть на то, что действие, выражаемое причастием, протекает до настоящего времени [149, с. 242]. Сюда также можно отнести формы, речь о

которых уже шла в разделе 3.2: *eläb* ‘живой’, букв. ‘живущий’, *tuleb* ‘следующий’, букв. ‘приходящий’, *hoštāb* ‘сияющий, блестящий’, *tutab* ‘знакомый’, *tetab* ‘известный’, *palab* ‘горячий’. Несмотря на глагольную природу показателя *-b*, такие формы в разговорном и литературном вепсском языке воспринимаются и употребляются как имена прилагательные: *Haugpinos tabazin eläban l'apakaižen* ‘Достал из поленницы **живую** бабочку’, *Olgha konkurs mäneb tulebal vodel-ki* ‘Пусть конкурс пройдет и в **следующем** году’ [107, с. 159]; *Kuukuižehe panen eläban särgižen* ‘На крючок насаживаю **живую** плотвичку’ [155, с. 77].

Довольно сложно с точки зрения этимологии определить конкретную группу глаголов, от которых образованы сохранившиеся формы *b*-причастия. Практически от любого глагола можно образовать формы с обоими вариантами суффикса: *eläda* ‘жить’ > *eläb* ‘живой’, *eläi* ‘житель, живущий’, *tulda* ‘приходить’ > *tuleb* ‘будущий’, *tulii* ‘будущий, *придущий’, *hoštta* ‘блестеть’ > *hoštāb* ‘блестящий’, *hoštai* ‘блестящий’, которые имеют примерно одинаковое значение, но сохранившиеся *b*-причастия зачастую характеризуются более абстрактной семантикой, не указывая на протекание действия в момент речи, а скорее характеризуя его стабильность, что видно из приведенных выше примеров.

Стоит отдельно отметить причастия *tetab* ‘известный’ и *tutab* ‘знакомый’, которые имеют пассивное значение: называемое ими действие производится не определяемым словом, а кем-то извне, например *tetab ristit* ‘известный человек’, то есть ‘человек, которого знают’.

В этом контексте следует также обратить внимание на форму *kolii*, букв. ‘умирающий’, которая часто используется в вепсском языке именно в значении ‘покойник’, то есть ‘уже умерший’: *Kolii om völ kodiš* ‘**Покойник** еще в доме’ [43, с.117]; *Kucuim kolijan kodihe* ‘(Мы) позвали **покойника** домой’; *Meija varātas kolijid* ‘У нас боятся **покойников**’. Семантически такая форма выполняет так называемую перфектную функцию, то есть показывает на результат действия, произошедшего в прошлом [123, с. 507], хотя

грамматически более логичной была бы в данном случае форма прошедшего времени *kolnu* ‘умерший’. Не исключается также, что причастие *kolii* используется для определения признака действия, происходящего в данный момент.

В прибалтийско-финских языках лексема, образованная с помощью суффикса *-i-* (ср. фин. *-ja-*), называет деятеля, и действие, выражаемое им, является непрерывным, постоянным или повторяющимся: фин. *itkija* ‘плачущий’ = *itkevä* ‘плачущий (сейчас)’ ≈ *itkenyt* ‘плачущий (в прошлом)’ [109, § 252]. Ср. вепс. *Matkustai ristit kaiken tahtoib tedištada ut* ‘Путешествующий человек всегда хочет узнавать новое’; *Hän meletab, miše vepsän kelel linneb tulii aig* ‘Она думает, что у вепсского языка есть будущее (букв. ‘приходящее’) время’ [166, с. 35]. В данных предложениях действие, выраженное причастием, происходит регулярно и не зависит от времени действия основного глагола в предложении, ср. *Matkustai ristit kaiken tahtoi tedištada ut* ‘Путешествующий человек всегда хотел узнать новое’ (ЛА). Вышеупомянутые причастные формы с более древним показателем *-b* также являются ярким примером этого случая.

В отдельную группу можно отнести отглагольные существительные вепсского языка, образованные с помощью словообразовательного суффикса *-i*, которые по образованию являются субстантивированными причастиями: *Vas’ka oli ecijan i tahtoi tabata meid* ‘Васька был ведущим (букв. ‘ищущим’) и хотел поймать нас’ [164, с. 26]. Некоторые финские исследователи [123, с. 124] определяют эту группу как причастия, которые обозначают имя отправителя действия или агента: *Vaiše suomalaiszed varjoičijad nägištiba händast* ‘Только финские охранники (букв. ‘охраняющие’) увидели его’ [164, с. 27]. В данном случае причастная форма может выступать в роли субъекта (подлежащего), адвербиала (обстоятельства) и объекта (дополнения): *Hän tegihe karguiden ohjandajaks da tegijaks* ‘Он стал режиссером (букв. ‘руководящим’) и постановщиком (букв. ‘делающим’) танцев’; *Potom nece omblii sigä zagul’aji* ‘Потом этот портной (букв. ‘шьющий’) там загулял’ [155, с. 62]; *Kaži pezose*

da laptaha mār – pakičii tulop ‘Кошка умывается и в сторону уходит – **нищий** (букв. ‘просящий’) придет’ [155, с. 276]; *Magadai magadab, ištui ištub, haugaidai haugaidab* ‘**Спящий** спит, **сидящий** сидит, **дровосек** колет дрова’ [43, с. 14]; *Matam om kaikele küläle omblii* ‘Мама для всей деревни **портниха**’ [166, с. 46]; *Meil om tugoine tetab kirjailii* ‘У нас есть такой известный **писатель**’ [180, с. 53]; *Äi hüvid runoid jäti meile lahjakaz runoilii* ‘Много хороших стихотворений оставил нам талантливый **поэт**’ [169, с. 56].

Основная функция активного *i*-причастия является атрибутивная. Причастная форма выступает в предложении в качестве атрибута, находясь в препозиции (реже в постпозиции) и согласуясь с определяемым им именем, например:

- *сев. венец. Ota kehd’ad vet* ‘Возьми **кипящую воду**’ [123, с. 507]; *D’akon oli vinad dei* ‘**Дьякон** был вино **пьющий**’ [174, с. 10]; *Van’uša, sina mahtad eläbid gusid tehta* ‘Ванюша, ты умеешь **живых** гусей делать’ [157, id 819];
- *ср. венец. Veren imii säs’k hänel (om)* ‘**Сосущий кровь комар** у него (сидит)’ [123, с. 164];
- *юж. венец. Konz murhaažed lendlejad lendlobat kogol, siloo i joršid järves kogole keradasoo* ‘Когда **муравьи летающие** летают кучкой, тогда и ерши в озере в стаю собираются’ [123, с. 506];
- *мл. А kundlijad lapsed spraviše kaiken hotkemba* ‘А **послушные** (букв. ‘слушающиеся’) **дети** справляются всегда быстрее’ [165, с. 21]; *I männijan hebon vargast* ‘И **ушедшую лошадь** украл’ [174, с. 84]; *Ajam tugomaha čomaha maha, kus (oma) pagižlijad i ustavakahad mehed?* ‘Поедем в такую красивую страну, где **разговорчивые** (букв. ‘разговаривающие’) и вежливые **люди**?’ [165, с. 30].

Примеры выше демонстрируют способность *i*-причастия в большей степени проявлять свою глагольную природу при условии наличия в связке с ним объекта, на которое его действие направлено (*veren imii* ‘сосущий кровь’). В то время как в остальных примерах причастие воспринимается скорее в

качестве имени прилагательного (*kundlijad lapsed* ‘послушные дети’) или существительного (*lahjakaz runoilii* ‘талантливый поэт’).

3.4. Показатели активного *nu*-причастия

Вепсский суффикс *-nu* генетически восходит к словообразовательному прибалтийско-финскому суффиксу отглагольных имен, который имел исторический облик *-nut*, сохранившийся в финском и некоторых говорах карельского языка. Полагают, в частности, что в нем могли объединиться два исторических суффикса **-na* и **-ut*, первый из которых (*-na*) известен в прибалтийско-финских языках как суффикс, называющий действие дескриптивных глаголов [110, с. 199]: фин. *humista – humina* ‘шум’, *kolista – kolina* ‘грохот’, *hurista – hurina* ‘шум’, *kohista – kohina* ‘шум’, *surista – surina* ‘жужжание’, *kahista – kahina* ‘шуршание’, *havista – havina* ‘шелест’, *päristä – pärinä* ‘дребезжание’, а второй (*-ut*) является отыменным суффиксом имен существительных и прилагательных с деминутивным значением [110, с. 141]: фин. *kuuhut* ‘месяц’, *lapsut* ‘ребенок’, *kevyt* ‘легкий’.

В вепсских говорах в ходе исторического развития из прибалтийско-финского показателя был утрачен финальный согласный: **-nut* > *-nu*, который, однако, реконструируется при склонении: *kehunudel vedel* ‘кипяченой водой’, *opendanudel prihaižel* ‘у обучившегося мальчика’, *kirjutanuded kirjeižed* ‘написанные письма’, *jonuded mužikad* ‘выпившие мужчины’, *venuded lehted* ‘лежащие листья’. Примеры демонстрируют, что он скрывается также в показателе *-nuded* формы множественного числа: *-nuded* < *-nut* + *-e* (соединительный гласный) + *-t*, который, будучи именным показателем множественного числа, тем самым вновь подтверждает именной генезис причастной формы. Видимо, исчезновение финального *-t* носит в определенной степени универсальный характер, ср. аналогичный процесс в формах 3. л. мн. ч.: *hö lähtoba* (< **lähtepät*) ‘они отправятся’, *tuloba* ‘они придут’, *ottiba* ‘они взяли’ и т. д.

При этом в результате действия фонетических закономерностей исторический прибалтийско-финский суффикс *-nut* со временем преобразовался в вепсском в два варианта *-ni* (северновепсские говоры), и *-nd* (нормированный вариант вепсского языка, средневепсские и некоторые южновепсские говоры), а в ряде говоров сократился до *-n* (южновепсские говоры). Этот процесс сопровождался грамматикализацией образовавшихся вариантов. Сформировавшийся в результате выпадения конечного *-t* вариант *-ni* обобщился в функции показателя причастия, вариант же *-nd-*, который, в свою очередь, является результатом закономерной утраты гласного *и* в результате стяжения слога из древнего суффикса **-nut*, используется при образовании сложных глагольных форм, в частности в формах перфекта в южновепсском диалекте, а также повсеместно при образовании отрицательных конструкций глаголов в имперфекте: *Hän kolend om* ‘Он умер’, букв. Он умерший есть; см. также *ed g'ond* ‘не (вы)пил’, *ī tegend ni midä* ‘не делал ничего’. Примечательно, что в южновепсских говорах, а также в уже полностью утраченном средневепсском говоре Сяргозеро в этих случаях возможно появление *h* на месте первоначального *d*, то есть *-nd > -nh*: *Orhāžed omad id'anhed* (< **itänüdet*) ‘Озимь проросла’, *Järved jo sulanhed* ‘Озера уже растаяли’, *Mö em radnuhud* (< **rātanuðet*) ‘Мы не работали’ [146, с. 195]. По мнению исследователей, форманты *-nude-* и *-nhe-* восходят к одному и тому же источнику. Такая фонетическая ситуация спровоцирована, по мнению Э. А. Тункело, карельским влиянием. В карельских говорах, как известно, в соответствующей позиции выступает *-h*, восходящий к историческому прибалт.-фин. **-ð*: см. *koadunehen* (Реболы), в ливвиковском наречии – *andanuh* ‘давший’, *nossuh* ‘поднявшийся’, *mennüh* ‘ушедший’ [146, с. 211].

Характер типа глагольной основы влияет на дальнейший облик причастной формы. Показатель второго активного причастия *-ni* присоединяется к гласной основе одноосновных глаголов: *jonu* ‘выпивший’, *varastanu* ‘ждавший’, в глаголах с двумя гласными основами к краткой или исторической согласной основе): *lūkäinu* ‘ударивший’, *valinu* ‘выбравший’,

segoinu ‘заблудший’. В синхронных двухосновных глаголах показатель выступает следом за согласной основой: *tulnu* ‘пришедший’, *polnu* ‘лизнувший’, *männu* ‘прошедший’, *purnu* ‘укусивший’. В нормированном варианте вепсского языка можно столкнуться с случаями присоединения показателя *-nu* к долгой гласной основе исторически двухосновных глаголов, например: *homaiče-nu* вместо *homai-nu* (*homai-ta*), *oliba valiče-nuded* вместо *vali-nu* (*vali-ta*), *ei ole tugeda-nu* вместо *tuge-nu* (*tuge-ta*), *käregandenuded* вместо *kärega-nuded* (*kärega-ta*). Можно предположить, что эта ситуация развилась вследствие языковой ошибки, вызванной вариантом причастного показателя *-nd*, корни которого также восходят к древнему суффиксу **-nut* и который в младописьменном варианте языка, а также некоторых средневепсских и южновепсских говорах употребляется для образования именно отрицательной формы имперфекта [37, с. 97]. Особенностью варианта *-nd* является его свойство всегда присоединяться к гласному варианту глагольной основы у двухосновных глаголов и долгому варианту гласной основы у исторически двухосновных глаголов: ср. *en paimenda-nd* и *olen paime-nu*, *en valiče-nd* и *olen vali-nu* и т.д. Эта языковая ошибка закрепилась в нормированном языке и в основном касается типов основ исторически двухосновных глаголов на *-i(ta)*: *-iče-*, *-ai(ta)*: *-aida-*, *-e(ta)*: *-enda-* (см. раздел 2. 1).

Активное *nu*-причастие является двухосновным и тоже участвует в полной словоизменительной парадигме по числам и падежам. В его гласной словообразовательной основе выступает формант *-nude-*, который по сравнению с другими прибалтийско-финскими языками сохранил свой древний облик (*-nude* < **-nude*): *Hii jo oma jänuded aigaližikš sirotinoikš* ‘Они уже **остались** рано сиротами’ [157, id 81]; *Amu jo kounuded* ‘Давно уже **умерли**’ [157, id 1110]. Во множественном числе при присоединении показателя множественного числа *-i* наблюдается развившийся по аналогии (прафин. **s(i)* < *t(i)*) [110, с. 53] переход из *-de* в *-zi* (*hapanu* > *hapanuded* > *hapanuzid*): *Ved’ äjän tulnuzid* ‘Ведь много **приехавших**’ [157, id 17]. Согласная основа образуется с помощью партитивного показателя *-t*, который

присоединяется к исторически согласной основе *-nu* (*-*nut*) (*hapanu* > *hapanut*): *Tuli, kacauz', nikus iile langenut* 'Пришла, посмотрела, нигде нет упавшей' [157, id 885].

3.5. Особенности функционирования активного *ni*-причастия

Активное 2. причастие выполняет функцию определения, указывая на завершенность выраженного им действия. Его эквивалентом в русском языке является причастие с показателем *-ви-* (*lugenu* 'читавший, прочитавший'). Кроме того, 2. активное причастие принимает участие в образовании аналитических временных форм индикатива: перфекта и плюсквамперфекта актива: *olen tehnu* 'я сделал', *olim männuded* 'мы ушли'. Активные *i*- и *ni*-причастия образуют пару с точки зрения временных отношений (презенс – имперфект): *Konz tulin kodihe, tamoī oli jo peznu astjad* 'Когда я пришёл домой, мама уж помыла посуду' (ЛА).

Активное *ni*-причастие подобно может выступать в качестве семантического основного глагола, выполняя предикативную функцию (*Kaik oliba sobnus mustihe sobihe* 'Все были одеты в черные одежды' [164, с. 20]), составной части отрицательной формы имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта (*Mina hänt en sabutanu kodiš* 'Я его не застал дома' [183, с. 493]), а также определения существительного (*Varaižin homaita kolnuden linduižen* '(Я) боялся увидеть мертвую (букв. 'умершую') птицу' [166, с. 39]). В последнем случае причастие согласовывается с существительным в числе и падеже.

Если *i*-причастие в большей степени проявляет качества имени и практически не встречается в речи в качестве предикатива, то в *ni*-причастии глагольные признаки отражаются значительно сильнее, на что указывает природа их показателей. Принятое разделение на 1. и 2. активное причастие основывается на обозначении времени действия, выраженного причастием, основное правило употребления которого опирается на то, что действие,

выраженное *i*-причастием, происходит одновременно с действием основного финитного глагола или постоянно. В то же время действие, выраженное *ni*-причастием, всегда происходит до действия, выраженного основным глаголом, то есть в прошлом. Отсюда проистекает употребление данного причастия во временных аналитических формах перфекта и плюсквамперфекта, которые выражают ранее произошедшее действие. Но все же основная разница между двумя причастными формами актива заключается в завершенности или незавершенности действия [149, с. 241]:

(1) *Vastsin jähištod sōjan prihaižen* ‘Я встретил мальчика, который ел мороженое’ (букв. ‘Я встретил **едящего** мороженое **мальчика**’);

(2) *Vastsin jahišton sönuden prihaižen* ‘Встретил мальчика, который съел мороженое’ (букв. ‘Я встретил **съевшего** мороженое **мальчика**’).

В предложении (1) причастие *sōjan* указывает на то, что мальчик ел мороженое, когда говорящий встретил его, также это причастие определяет, что действие, выполняемое объектом, протекает непосредственно в момент речи. В предложении (2) причастие *sönuden* указывает на то, что действие уже произошло до того, как субъект предложения совершил основное действие, а также на то, что действие, признак которого выражен причастием *sönuden*, завершено. Кроме того, здесь важна категория аспекта: падеж, в котором выступает объект, может указывать на завершенность действия и соответственно на семантику причастной формы. В предложении (2) падежная аккузативная форма объекта *jähišton* ‘мороженое’ указывает на завершенность действия, выраженного причастием. В предложении (1) объект имеет форму партитива (*jähistod*), свидетельствующую о незавершенности действия.

Активное *ni*-причастие, являясь более продуктивным по сравнению с формой *i*-причастия, активно выступает в предложении как в роли предикатива, так и в роли атрибута. Если в случае с формой 1. активного причастия для выражения «глагольности» причастия важным является наличие при нем объекта, то в случае с формой 2. активного причастия этот аспект не является решающим. Итак, 2. активное *ni*-причастие выступает в

предложении в роли атрибута, находясь преимущественно в препозиции и согласовании по числу и падежу с определяемым им именем, например:

- *сев. венец.* *Varastin kut maksaižen da kodišpei kut verdnuden* ‘Я ждала любимого да из дома слинявшего’ [174, с. 156]; *Ištiin ištiin iknanno, murenuden st’oklanno* ‘Я сидела, сидела у окна, у разбитого стекла’ [174, с. 146];

- *ср. венец.* *Gäba g’o sigä sambunuded, ii lämbikahad kegalehed* ‘Остаются здесь уже потухшие, не горящие головешки’ [157, id 59]; *Sidoran jo jougad kül’mnuded, uugha ot’* ‘Сидора ноги уже замерзшие, на плечи взял’ [157, id 859]; *Veslad, kül’betiš kävunuded, äjou diki mugošt skandalad ele* ‘(Они) веселые, в баню сходившие, сильного такого скандала нет’ [157, id 4258];

- *юж. венец.* *Mä verhaa viluu röönažoo šušunu i kattenu* ‘Я на чужой холодной сторонке уставшая и утомившаяся’ [43, с. 103];

- *мл.* *Jäl’gmäine, mi jäi muštho, oliba heiden pöl’gästunuded modod* ‘Последнее, что запомнилось, были их испуганные лица’ [165, с. 22]; *Magatai Matti avaidab vihmanvarjoičimen uinonuziden lapsiden päl* ‘Спящий Матти открывает зонт над уснувшими детьми’ [159, с. 86]; *Ičeze hengele i vanhtunudele hibjale* ‘Для своей души и постаревшего тела’ [180, с. 50].

Анализ источников демонстрирует преимущество нормированного языка над диалектами в вопросе употребления *пу*-причастия в качестве атрибута. В диалектных текстах форма *пу*-причастия выступает чаще в составе предикативной конструкции (о предикативной функции *пу*-причастия см. в разделе 3. 8).

Не имея определяемого слова, *пу*-причастие также может приобретать субстантивные признаки. В этом случае причастия будут выполнять ту синтаксическую роль, которая свойственна имени существительному: *Jogehe, mitte ičeze joksmusel veb läžundan kolnuziden miruhu* ‘В реку, которая своим течением отводит больного в мир мертвых’, где *kolnuziden* – определение в форме генетива мн. ч. [159, с. 84] – *kolnuziden mir* ‘мир мертвых (умерших)’; *A ehtal surdnuded astuiba kodihe* ‘А вечером уставшие шли домой’ [182, с. 98]

– *surnuded astuiba* ‘уставшие шли’, где *surnuded* – подлежащее в форме номинатива мн. ч.

3.6. Генезис и модификации показателя пассивного причастия

Причастие пассива в вепсском языке достаточно употребительно: оно выступает в предложении как определение, которое в отличие от причастия актива не изменяется по падежам, а также широко используется в образовании аналитических глагольных форм – перфекта и плюсквамперфекта [41, с. 120].

В вепсском показателе пассивного причастия *-tud* с вариантами *-dud* и *-tut* выделяется три составных элемента: 1) суффикс пассива *-t-* / *-d-*; 2) элемент *-u-*, очевидно, восходящий к историческому суффиксу производителя действия (напр., фин. *laulu* ‘песня’ ← *laulaa* ‘петь’) [110, с. 221], вепс. *maks: maksu-* ‘плата’ ← *maksta* ‘платить’; *lop: lopu-* ‘конец’ ← *lopta* ‘закончить’; *Sünd: Sündu-* ‘Бог’ ← *sünduda* ‘родиться’; *nit’: nitü-* ‘поле’ ← *nitta* ‘косить’; *kukoinlaun: kukoinlauni-* ‘кукареканье’ ← *launuda* ‘кукарекать’); 3) финаль *-t* / *-d*, о происхождении которой см. ниже.

Собственно, этот показатель имеет праязыковые истоки. Для понимания его облика важно учитывать бытование в праязыке двух вариантов пассивного показателя: долгого **-tta* и краткого **-ta*, из которых долгий присоединялся к гласной, а краткий – к согласной основе [108, с. 129]. При этом в число исторически согласных входили и все односложные основы с историческим долгим гласным (типа **söö-*, **saa-*, **vee-*), а также те, которые завершались на *i*-овый дифтонг (*voi-*, *haravoi-*). Эта праязыковая закономерность в основных своих чертах продолжается в вепсском языке с той оговоркой, что в последнем исторический долгий показатель **-tta* слился с кратким *-ta* в силу отсутствия в вепсском геминат. В вепсском языке вне зависимости от типа основы в качестве показателя пассива будет выступать *-tu*: *sanutud* ‘сказанный’ (следом за гласной основой) < **-ttu*, *riktud* ‘убитый’ (после согласной основы современных двухосновных глаголов) < **-tu*, *avatud* ‘открытый’ < **avat-tud*,

ср. фин. *avattu* < *avat-tu* (после согласной основы прибалтийско-финских исторических двухосновных глаголов) < **-tu*, *mändud* ‘прошедший’ (вслед за звонкой согласной основой) < **-tu*.

Наиболее проблематична в смысле облика форманта одна группа пассивных причастий, образованных от глаголов, на конце которых в инфинитиве выступает элемент *-tada*: *abutada* ‘помогать’, *varastada* ‘ждать’, *meletada* ‘думать’ и др., причастия последовательно оформлены звонким показателем *-dud*, который может быть вызван диссимиляцией с *t* последнего слога основы: *abuta-dud*, *varasta-dud*, *meleta-dud*.

Для письменной нормы языка сформулировано следующее правило: если количество слогов в форме первого инфинитива (включая и инфинитивный показатель) нечетное, то показатель имеет вид *-tud*: *sulada* – *sulatud* (вепс.) и *sulaa* – *sulattu* (фин.) ‘таять – растопленный’, *lugeda* – *lugetud* (вепс.) и *lukea* – *luettu* (фин.) ‘читать – прочитанный’, *sanuda* – *sanutud* (вепс.) и *sanoa* – *sanottu* (фин.) ‘сказать – сказанный’, *kudoda* – *kudotud* (вепс.) и *kutoa* – *kudottu* (фин.) ‘вязать, прясть – связанный, спряденный’ и т. д. Эти формы характерны для трех- (и редко пятисложных) глаголов и являются прямым продолжением исторически сложившихся форм. В случае четного количества слогов в I инфинитиве форма причастия будет заканчиваться на *-dud*: *toda* ‘приносить’ – *todud*, *söda* ‘есть’ – *södud*, *varastada* ‘ждать’ – *varastadud*, *mänetada* ‘проводить’ – *mänetadud*, *kirjutada* ‘писать’ – *kirjutadud*. Та же самая ситуация касается и диалектов. Сформулированный для синхронного состояния формальный закон имеет на самом деле вполне убедительное историческое обоснование. Односложные основы (в трактовке приведенного выше правила «имеющие два слога в форме I инфинитива») являются исторически согласными, с которыми сочетался краткий вариант пассивного показателя *-tu* на фоне долгого *-ttu*, присоединявшегося к гласной основе. Т.е. в данном случае вепсская дистрибуция *-dud* / *-tud* – это отражение исторического противостояния **-tu* / **-ttu*, хорошо сохранившегося, например, в финском: от односложных (т.е. исторически согласных) основ *tuo-tu*, *saa-tu*,

syö-ty, от двусложных соответственно *sano-ttu*, *lue-ttu*, *kudo-ttu*. В свою очередь, показатель *-dut* в формах от трехсложных основ объясняется уже отмеченной выше диссимилиацией с *t* последнего слога основы.

Исходя из сказанного, можно констатировать, что показателем пассивного причастия в вепсском языке является формант *-tud* (ср. в финском языке *-tu* / *-ty* в двухосновных глаголах, *-ttu* / *-tty* в одноосновных)¹⁴, а звонкий вариант *-dud* – это отголосок исторического состояния или результат фонетической ассимиляции. В причастиях, образованных от двухосновных глаголов, звонкий согласный основы влияет на показатель *-t* причастия.

Итак, история показателя *-tud* отсылает, с одной стороны, к его глагольному генезису, выраженному показателем пассива, с другой – к именному, поскольку в качестве строительного элемента использован суффикс отглагольных имен *-u*-. Эти два элемента вполне логичны в составе пассивного причастия. Истоки третьего элемента – конечного *-d* – дискуссионны. Финальный согласный *-d* в составе показателя вепсского пассивного причастия *-tud* / *-dud* не является общим для всех прибалтийско-финских языков [133, с. 46]. Он отсутствует в показателях пассивного причастия финском и карельском языках (фин. *otettu* ‘взятый’, *luettu* ‘прочитанный’, кар. *tuldu* ‘пришедший’, *moattu* ‘лежавший’, *opaššuttu* ‘образованный’), хотя определенное его наследие обнаруживается, например, в эстонском и ливском. Так, Л. Кеттунен усматривал в данном случае влияние элемента *-t* показателя 2. активного причастия *-nut* [121, с. 70], однако Э. А. Тункело резонно обращает внимание на хронологические несоответствия между ними: притом что *-t* относительно рано был утрачен из *-nut*, он до сих пор функционирует в составе *-tut* ~ *-tud*. Сосуществование таких

¹⁴ В ряде глаголов при образовании причастий пассива возникают формы, в которых есть основание выделить показатель *-ted* (*-ded*): *jage-ted*, *pan-ded*. Названный вариант показателя более всего популярен в средневепсских западных говорах и отчасти в южновепсских, а также в с. Пяжозеро, которое находится на стыке диалектных ареалов, тяготея к западновепским говорам. Можно предположить, что названный комплекс *-ted*, *-ded* мог возникнуть по аналогии с глаголами, обладающими основой на *-a*, в которых данный гласный перед суффиксом пассива исторически переходил в *-e*-, являющийся частью основы глагола, а суффикс причастия пассива представлен лишь одним звуком *-t*: *kirjuta-n* (*kirjute-t*) < *kirjutada*, *varasta-n* (*varaste-t*) < *varastada* [41, с. 121].

пар, как *otnu* и *ottud*, *nähnu* и *nähtud*, противоречит гипотезе Л. Кеттунена. Сам Э. А. Тункело полагает, что элемент *-d* может восходить к показателю партитива, на что косвенным образом указывают такие эстонские конструкции с глаголом *saama*, как *em ma saa seda tehtud*, ср. западнофинское соответствие *en saa sitä tehtyä* ‘не могу этого сделать’, где эст. *tehtud* и фин. *tehtyä* являются формами партитива второго пассивного причастия [146, с. 133]. Иначе говоря, предполагается, что уже относительно давно произошло переосмысление партитивной формы в номинативную и вследствие этого переразложение в морфемном составе. Н. Г. Зайцева приводит дополнительные доказательства в пользу партитивного генезиса финального *-d*. Будучи застывшей формой партитива, вепсское пассивное причастие не может образовывать более никаких падежных форм: ср. *kirjutadud sana* ‘написанное слово’ и *kirjutatud sanoiš* ‘в написанных словах’. При этом, однако, в вепсских говорах возможны формы партитива мн. ч.: *Paštuid’ nagrhid’ tehlim* ‘Мы делали печеную репу’, букв. ‘печеных реп’, при *paštud* (номинатив ед. ч.) [41, с. 123]. Показательны в связи с этим обнаруживаемые в языке застывшие формы без финального *-d* типа *ristit* ‘человек’, букв. ‘крещеный’ – по образованию субстантивированное пассивное причастие. Они, кажется, свидетельствуют о бытовании в вепсском языке в прошлом пассивных форм без финального *-d*, аналогичных карельским и финским. Историческое партитивное окончание в составе показателя пассивного причастия – еще один явный отыменный признак.

В ряде северновепсских и средневепсских говоров отмечаются колебания глухого и звонкого согласного в конце показателя. Там, в частности, возможны такие глухие варианты, как *pandut* ‘положенный’, *naittut* ‘женатый’, *riktut* ‘убитый’, *södut* ‘накормленный’, *mun’dut* ‘снесенный’, *kiittut* ‘сваренный’ и др. В говорах возможны и случаи полного выпадения конечного согласного из показателя. Более того, наш материал свидетельствует, что колебания *-d ~ -t* или в том числе их полное отсутствие встречается даже в

пределах одного диалекта. Так, все три варианта показателя пассивного причастия зафиксированы на территории проживания средних вепсов:

- в говоре с. Пелдуши: *Sinun, bajar, soba om vilu, sikš mišo touvou ombeltud* ‘У тебя, боярин, одежда холодная, потому что зимой **сшита**’ [155, с. 90]; *Mišo ii tetaiž, mišto palos om semetud nagriž* ‘Чтобы не знали, что на пожоге репа **посеяна**’ [155, с. 86]; *Jäl'ghe mikulan päad ii semetud nikonz* ‘После Николиного дня никогда **не сеяли**’ [155, с. 86];

- в говоре с. Кекозеро: *A hänel g'o pöu lambhaspei ombeltut* ‘А у него уже шуба из овчины **сшита**’ [155, с. 45]; *Ka ken bohat, ka šal' päs ühtel händal sidotut, kudrit tehtut, guleitas* ‘А кто богатый, у тех шаль на голове одной рукой завязана, кудри **сделаны**, гуляют’ [155, с. 46];

- в говоре с. Ниргиничи: *Minä olin oigetut total opendushe omblijaks* ‘Я **была отправлена** отцом на учебу швеёй’ [155, с. 63].

При этом в силу ограниченного бытования глухих типов *-dut* и *-tut* на фоне господствующего звонкого принято считать, что они вторичны, и, исходя из этого, признается, что первоначален вариант со звонким согласным (*-tud*, *-dud*). Появление глухих вариантов вызвано, очевидно, явлением ассимиляции с глухим *t*, выступающим в начале показателя *-tud*.

В результате действия различных факторов, в том числе фонетических закономерностей, в показателях причастия происходили изменения. Показатели активного причастия, будучи исторически именными и восходящими к словообразовательным суффиксам отглагольных имен, подтверждают именной генезис причастной формы.

Двойственную природу демонстрирует и история показателя пассивного причастия *-tud*, отсылающего, с одной стороны, к очевидному глагольному генезису, выраженному показателем пассива, а с другой – к именному, поскольку в качестве строительного элемента использован суффикс отглагольных имен *-u-*. Также исследователи сходятся во мнении, что историческое партитивное окончание *-d* в составе показателя пассивного причастия – еще один явный отыменный признак, а поскольку вепское

пассивное причастие не может образовывать более никаких падежных форм, оно может являться застывшей формой партитива.

При этом диалектные варианты незначительно расходятся с нормами, принятыми в литературном языке. Вместе с тем наличие различных вариантов не только в разных говорах, но и в пределах одного диалектного ареала позволяют более точно реконструировать историю показателей причастия.

3.7. Особенности функционирования пассивного причастия

В прибалтийско-финских языках залоговое противопоставление активных и пассивных причастий совершенно очевидно. Пассивная форма причастия может быть сопоставлена с причастием страдательного залога в русском языке. Наряду со вторым активным причастием пассивное или *tud*-причастие в большей степени выражает глагольность, указывая на уже произошедшее действие. Основная черта *tud*-причастия – его пассивность: агент действия, выражаемого причастием, неизвестен. В диалектах вепсского языка наблюдается смешанное употребление активных и пассивных глагольных временных форм [37, с. 96]. Особенно ярко это выражено в северновепсских говорах, где в формах прошедшего времени пассивная форма употребляется в значении активной. Это, вероятно, вызвано влиянием карельского языка, что является характерной особенностью для данного диалекта [146, с. 902]:

- *сев. вепс. Em nähtud dö amu Mašad* ‘Мы не видели уже давно Машу’ [157, id 784]; *A meccižed ii tetud tulda sinna* ‘А черти не смогли (букв. ‘не знали’) попасть туда’ [Там же, id 821]; *Hö vuus’o ii mahttud pagišta venäks* ‘Они совсем не умели говорить по-русски’ [Там же, id 825].

Как и активные причастные формы, пассивное *tud*-причастие с может определять субъект, реже – объект (*Nägiin härgän riktud* ‘Я увидел убитого быка’), то есть выступать атрибутом для главного слова. Выполняя атрибутивную функцию, *tud*-причастие выступает в паре с существительным,

признак действия которого описывает, и находится в конструкции перед определяемым словом:

- *сев. вепс.* *Vot koza čaptud bok ištiihe päčile* ‘Вот коза, **отрубленный бок**, села на печку’ [157, id 833];
- *ср. вепс.* *Nese čaptud mec ahavoičese* ‘Этот **срубленный лес** проветривается’ [157, id 12]; *Siloi ombeltud emäd oliba poutnasiized* ‘Тогда **сшитые станы** были полотняные’ [157, id 17]; *Prišlos’ nene riktud loheda venheze lendelta* ‘Пришлось этих **убитых лососей** поднять в лодку’ [157, id 28];
- *юж. вепс.* *Se vou sobatam paštetud olan’d* ‘Это ещё в субботу **испеченная оладья**’ [123, с. 514]; *Mä ongitetut kalad emboo panda suhu* ‘Я **выуженную рыбу** не могу положить в рот’ [Там же];
- *мл.* *Kaik alembaized honused täuttihe keratud pöudoil jüvil* ‘Все нижние комнаты были наполнены **собранными** на полях **зернами**’ [165, с. 13]; *Suomalaine oli professoran, korktas opetud mehen* ‘Финн был профессором, высоко **образованным человеком**’ [165, с. 19]; *Lopuile jäi puhthid, no kohetud jo štanoid i paidoid* ‘В конце остались чистые, но **починенные** уже **штаны** и **рубашки**’ [165, с. 21]. Если главное слово имеет другие атрибуты или обстоятельство, то чаще всего они находятся внутри причастной конструкции в позиции между причастием и именем: *Oti butulkan i joi sōmäitud matoim sil’mil* ‘Взял бутылку и выпил на **смущенных** маминых глазах’ [165, с. 84]; *Regehe pandihe kaks’ ottud kerdale vepsän malpäi sundukad* ‘В сани положили два **взятых** с собой с вепсской земли сундука’ [165, с. 84]; *Minä sōin hulid paštatesid i join vaiše lüpstud lämäd vōl maidod* ‘Я ела горячую выпечку и пила **только что подоенное** теплое **молоко**’ [165, с. 23].

Также пассивное причастие выступает в роли сказуемого в предложении, являясь частью глагольной конструкции с финитным глаголом-связкой *olda* ‘быть’ и выполняя предикативную функцию (подробнее см. в разделе 3. 8):

- *сев. вепс. Bučhu old'he pandud, merhe old'he pästtud* 'В бочку **положили** (букв. 'положены'), в море **отпустили** (букв. 'отпущены')' [157, id 835]; *Az 'z' om tehtud* 'Дело **сделано**' [157, id 827];
- *ср. вепс. Palos om semetud nagriž, rüünad ümbri semenziba kagrou* 'В пожоге **посеяна** репа, края вокруг засеяли овсом' [155, с. 86];
- *юж. вепс. A semetud oli nagriž kolhozaa* 'А **посеяна** была репа в колхозе' [157, id 174];
- *мл. Akoiden päha oli sidotud mustad paikad* 'На головах у женщин были **завязаны** черные платки' [165, с. 66]; *A vajeh "muštatiž" om kirjutadud suvivepsläižil* 'Слово «muštatiž» **записано** у южных вепсов' [Там же].

В силу того что это единственное имеющееся пассивное причастие в вепсском языке, оно выражает также пассивное действие, которое еще не завершилось. Другими словами, форма *tud*-причастия, которая в других прибалтийско-финских языках считается формой, указывающей на завершенность действия, в вепсском может выполнять также функции 1. пассивного *tava*-причастия (ср. фин.), выражающего в финском языке процесс или регулярность действия. Здесь прослеживается характерная и для финского языка ситуация, когда *tu*-причастие выражает не завершенное действие, а действие, находящееся в постоянном процессе, образуя при этом конструкцию с модальным значением: фин. *rakastettu opettaja* 'любимый учитель', *tunnettu näyttelijä* 'известный актер' и т. д. [149, с. 242]. Так, например, в словосочетании *oppitud laps* 'образованный ребенок' причастие *oppitud* выражает, по сути, не полностью завершенное действие, а начавшееся в прошлом, но продолжающееся и в данный момент. Сюда же можно отнести такие примеры, как *armastadud tatoi* 'любимая мама', *ahavoitud liha* 'вяленое мясо', *abidoittud priha* 'обиженный парень', *aveitud uks* 'открытая дверь', *täuttud runoil heng* 'наполненная стихами душа'.

Стоит подчеркнуть, что данная форма является продуктивной и наиболее часто встречающейся в диалектных образцах вепсской речи. Этому способствует также тот факт, что в большинстве вепсских говоров

преимущественно используется пассивная форма вместо активной [41, с. 76]. Пассивное причастие указывает на признак действия, произошедшего в прошлом.

Важно уметь определить дистрибуцию пассивной причастной формы и аналитической формы перфекта пассива. Рассмотрим следующее предложение: *Sinun, bajar, soba om vilu, sikš mišo touvou ombeltud* ‘Твоя, барин, одежда холодная, потому что зимой (была) **сшита**’ [155, с. 90]. В данном предложении причастие *ombeltud* является частью аналитической формы пассива перфекта *om ombeltud* ‘сшита’ (см. ниже).

Такая ситуация повсеместно встречается во всех говорах вепсского языка. С одной стороны, причастие *ombeltud* является определением, выражающим признак действия глагола. *Soba* ‘одежда’ (какая?) *ombeltud* ‘сшитая’, то есть *ombeltud soba* ‘сшитая одежда’. Но, с другой стороны, несмотря на отсутствие глагола *olda* ‘быть’, здесь явно ощущается глагольная форма, выражающая перфект пассива, – *soba (om) ombeltud* ‘одежда сшита зимой’. В предложении для определения функции причастия целесообразно опираться на порядок слов. Причастие, выполняя функцию определения, чаще всего находится в предложении перед существительным, ср. *ombeltud soba om vilu* ‘сшитая одежда холодная’. В то же время причастная форма может являться частью предикатива, и в таком случае переносится в позицию после существительного, например *soba om vilu* ‘одежда холодна’, *soba om ombeltud* ‘одежда сшита’.

Агентная функция tud-причастия

О пассивном причастии в составе конструкции с агентным значением упоминается в работах по грамматике вепсского языка прошлого столетия [34, с. 183; 126, с. 511]. В современных грамматиках и пособиях по вепсскому языку форма агентного причастия не выделяется отдельно. Семантически эту форму можно сравнить с синтетической конструкцией, образованной при помощи единственной формы пассивного *tud*-причастия, выражающей

действие агента, форма которого представлена существительным или заменяющим его прилагательным, местоимением или субстантивированным причастием в форме адессива: *prihaižel kirjutadud kirjeine* ‘письмо, написанное мальчиком’, букв. ‘у мальчика написанное письмо’; ср. фин. *rojan kirjoittama kirje*, где агент выражен существительным в форме генетива, а действие – агентным причастием с показателем *-ma*. Глагол, признак действия которого называет причастие, является переходным.

Такая вепсская конструкция, вероятно, строится по русскоязычной модели *им было сделано*, где *им* – это агент, выраженный местоимением в творительном падеже, и *было сделано* – составное сказуемое, выраженное глаголом *быть* в прошедшем времени и пассивной формой причастия глагола *сделать*. В данном случае вызывает вопросы природа адессива. Известно, что в вепсском языке адессив помимо основного значения места имеет значение принадлежности (*у кого?*) и способа действия (*с помощью чего? / чем?*) [34, с. 183]. Оба этих значения вписываются в рассматриваемую конструкцию, так как вероятно одно значение появилось под влиянием другого, ср. перевод предложения *Hiril södud havad* ‘Мышами съеденный мешок’ или ‘У мышей съеденный мешок’ [34, с. 183]. Несмотря на то что данная причастная конструкция является грамматически пассивной, семантически она таковой не является. Рассмотренная выше конструкция является скорее не причастной, а глагольной (см. параграф ниже), так как причастие в паре с лично-числовой формой глагола *olda* ‘быть’ образует глагольную пассивную форму перфекта и плюсквамперфекта, но такие случаи встречаются довольно часто в вепсских говорах и нормированном языке:

- *сев. вепс. Kaccub, om kirditet prikazad, podpis’ om pandud caril* ‘Смотрит, подписаны приказы, подпись поставлена царем’ [157, id 827];
- *ср. вепс. I mi hanū oli pašttud i kittud, kaiken stolale andoi* ‘И что у него (букв. ‘им’) было испечено и сварено, всё на стол поставил’ [155, с. 123]; *Ičezo härgäine kond’göu södud* ‘Свой бычок медведем съеден’ [155, с. 167]; *Händikahau los’ oli todut* ‘Волком лось был принесен’ [155, с. 173]; *Hänuu*

sigou sōdut ningomad sanktusuu kushaižet da pedaihut ‘У него (букв. ‘им’) там съедены такие толстые елочки и сосенки’ [155, с. 174]; *Minä olin oigetut tatal opendushe omblijaks* ‘Я был отправлен отцом учиться на портного’ [155, с. 63]; *Ka hänel nižinikeižet paštud da iknale pandut* ‘Да у него (букв. ‘им’) пирожки испечены и на окно поставлены’ [162, с. 161]; *Oli hänel viž lehmäd, a vazaižed ii kazdud* ‘Было у него пять коров, а телята не (были) выращены’ [162, с. 100]; *A hänel g’o pōu lambhaspei ombeltut* ‘А у него (букв. ‘им’) еще шуба из овчины сшита’ [155, с. 45]; *Papad’gou sil aigal drug pert’he todud* ‘У пападьи (букв. ‘пападьей’) в то время друг домой приведен’ [172, с. 284];

- *юж. Nece leib milaam’ ani venho pätshe pandud* ‘Этот хлеб мной в совсем нежаркую печь положен’ [123, с. 511]; *Poježanod’ kutsuthoo, olut kiittud, ženihaa i nevestan tataa kiittud* ‘Поезжан зовут, пиво сварено, женихом и отцом невесты сварено’ [123, с. 511]; *Ol’ müil osttud mad* ‘Была у нас (букв. ‘нами’) куплена земля’ [160, с. 112];

- *мл. Kacu, baboi keradab taceltud kel-se bobažid* ‘Смотри, бабушка собирает разбросанные кем-то игрушки’ [165, с. 9]; *Ma om kaidud krotail* ‘Земля была раскопана кротами’ [166, с. 46]; *Kirj, miččehe om keratud Valentinal kirjutadud runoid da sanutesid* ‘Книга, в которой собраны Валентиной написанные стихи и рассказы’ [166, с. 33].

Данная конструкция в вепсском языке четко демонстрирует языковую тенденцию, возникшую в результате тесного языкового контакта вепсов с русскими. Она грамматически заметно отличается от финской конструкции [55].

Тем не менее можно выдвинуть две гипотезы по вопросу природы адессивной формы агента. Первая заключается в том, что форма адессива, которой выражен агент действия, развилась из основного значения адессива прибалтийско-финских языков, где с ее помощью выражается орудие пассивного действия, см. фин. *Kynällä kirjoitettu kirje* ‘Ручкой написано письмо’, вепс. *Runoil täuttud heng* ‘Душа наполненная стихами’. Другая гипотеза заключается в том, что агент выражен адессивом, соответствующим

русскому творительному падежу. Не исключено обобщение обеих моделей и распространение их на вепсский язык.

3.8. Причастия как часть аналитических форм

Временные формы глагола, такие как отрицательная форма имперфекта, а также положительная и отрицательная формы перфекта и плюсквамперфекта являются аналитическими в прибалтийско-финских языках, а соответственно образуются путем сочетания двух или нескольких основного и вспомогательного слов. В вепсском языке в образовании вышеназванных временных форм в качестве основного слова участвуют формы 2. активного *ni*-причастия и пассивного *tud*-причастия. В этих конструкциях причастная форма выступает в роли предикатива, будучи частью составного сказуемого, и дословно выражает состоявшееся действие, совершенное субъектом предложения, что характерно для формы 2. причастия, например *olen pagižnu* ‘я разговаривал (букв. ‘я (есть) говоривший)’), *olem lugenedud* ‘мы прочитали (букв. мы (есть) прочитавшие)’, *sömine om tehtud* ‘еда приготовлена (букв. ‘есть приготовленная)’), *hän ei tegend* ‘он не сделал (букв. ‘он не сделавший)’).

Отрицательная форма имперфекта или простого прошедшего времени образуется с помощью отрицательного вспомогательного глагола *ei* ‘не’ в соответствующей лично-числовой форме и причастной формы основного смыслового глагола (*ei olnu* ‘я не был’, *en tegend* ‘я не сделал’ и т.д.): ***En nähnu, ken raccast’ siriči*** ‘**Я не видел**, кто проскакал на лошади мимо’ [183, с. 458]; ***Kaikid-se en rohtnu kerata*** ‘**Всех-то (я) не посмел** собрать’ [155, с. 107]. Во всех северновепсских и некоторых средневепсских говорах в образовании отрицательной формы имперфекта на месте активного причастия выступает форма пассивного *tud*-причастия: ***сев. вепс. ei todud*** ‘они не принесли’, *ei panded* ‘они не положили’, но в то же время не исключено употребление активной формы с показателем *-nu*: ***Karasinad ii olnu, ka särez oli*** ‘Керасина **не было**, а лучина была’ [157, id 784]; ***Ei veinu mända služmaha tserkvaha*** ‘**Не мог**

ходить на службу в церковь' [174, с. 10]; *ср. вепс. ii tuudud* 'они не пришли', *ii todud* 'они не принесли'. Реже эту ситуацию можно встретить в южновепсских говорах: *юж. вепс. eba toded* 'они не принесли'. Это объясняется предпочтительностью пассивных форм по сравнению с активными во всем вепсском регионе [41, с. 116]. В нормированном младописьменном языке в отрицательной форме имперфекта выступает причастие с вариантом показателя *-nd*: *en heitänd* 'я не выбросил', *hän ei lähtend* 'он не отправился'. Эта же ситуация встречается в некоторых средневепсских западных (с. Шимозеро, с. Пяжезеро, с. Озера) и южновепсских говорах: *ср. вепс. En rohtind küzuda* 'Я не осмелился спросить' [183, с. 258]; *En kohtha astund* 'Я не прямо шел' [183, с. 637]; *Kazak ii kundlend i män* 'Казак не послушался и ушел' [172, с. 236]; *юж. вепс. Ed abutand tehta milen* 'pertid' 'Ты не помог сделать мне дом' [183, с. 18]; *En olend kodiš* 'Я не был дома' [183, с. 586]; *Magedad nimida iilend* 'Сладкого ничего не было' (ЛА, Радогощь). Вопрос выбора варианта показателя 2. активного причастия в составе аналитических конструкций отрицательного имперфекта подробно рассмотрела Н. Г. Зайцева в работе «Вепсский глагол» [37, с. 98].

Необходимо также обратить внимание на поведение причастия при образовании отрицательной формы имперфекта множественного числа. Большое значение здесь оказывает ареал употребления. Так, например, в младописьменном языке закрепился вариант суффикса *-nugoi*, который, как мы видим, состоит из показателя 2. активного причастия *-ni* и форманта *-goi*, выступающего в образовании отрицательных форм множественного числа презенса. Вариант показателя *-nugoi*, закрепившегося в нормированном языке, характерен для средних западновепсских и некоторых восточновепсских говоров: *em tuunugoi* 'мы не пришли', *ii varastanugoi* 'они не ждали' [37, с. 105]. В северновепсских говорах при образовании отрицательной формы имперфекта множественного числа выбор преимущественно падает на свойственную данному ареалу пассивную форму *tud*-причастия: *сев. вепс. Mašinad käveltud ii* 'Машины не ходили' (ЛА, Шелтозеро); *Hö kahten eletihe*,

ka nimidä ii tetud ‘Они вдвоем жили, да ничего **не** знали’ [157, id 773]; *Em nähtud d’o amu Mašad* ‘**Мы** не видели уже давно Машу’ [157, id 784]. Пассивное причастие в составе формы отрицательного имперфекта в меньшей степени можно встретить и в средневепских восточных говорах: *ср. вепс. Hän minain kusho oli sidotut* ‘Он меня к ели **привязывал**’ [155, с. 186]; Такие случаи скорее являются исключением [37, с. 104].

Формы перфекта и плюсквамперфекта образуются при помощи вспомогательного глагола *olda* ‘быть’ в личной форме и основного смыслового глагола, выраженного причастной формой (перф. *olen ragižnu* ‘я разговаривал (букв. я (есть) говоривший)’, *olem lugenuded* ‘мы прочитали (букв. мы (есть) читавшие)’; плюскв. *olin harjenu* ‘я привык (букв. я (был) привыкший)’, *hö oliba sönuded* ‘они съели букв. они (были) съевшие’).

В конструкции со вспомогательным глаголом *olda* ‘быть’ в лично-числовых формах презенса *ni*-причастие образует форму перфекта. Перфект является сложным прошедшим временем и выражает произошедшее действие, которое длится до настоящего момента или результаты которого видны в настоящий момент. В отличие от отрицательного имперфекта причастие в форме перфекта как в младописьменном варианте вепсского языка, так и в его диалектах более унифицирована и образуется с помощью показателя *-ni*:

- *сев. вепс. Mikš d’augad oled lujas uppotanu maha* ‘Почему ногами ты **утонул** в землю’ [174, с. 4]; *Mijal om pen’ kül’bet’ vaise, om mureniškanu, pidab laditeitta* ‘У нас маленькая баня только, **сломана**, нужно наладить’ [123, с. 510];
- *ср. вепс. Om kaks’ kopeikad viigäd janu* ‘Две копейки долга **осталось**’ [155, с. 91];
- *мл. Hän ei ole opendanu suomen kel’t školas* ‘Он **не** изучал финский язык в школе’ [165, с. 21].

Исключением здесь являются южновепские говоры, где в причастной форме выступает показатель *-nd*:

- *юж. вепс. Hän kolend om* ‘Он умер (букв. ‘умерший (есть))’ [155, с. 108]; *Sur’kulu tam-händikaz om putund raadoihe* ‘Большая мать-волчица **попала** в капкан’ [183, с. 528].

Форма плюсквамперфекта образуется идентичным образом за исключением формы вспомогательного глагола *olda* ‘быть’, который выступает в данном случае в прошедшем времени и позволяет выразить действие, произошедшее в прошлом до другого действия, произошедшего в прошлом. Эта форма активно используется во всех диалектах, а также младописьменном нормированном языке:

- *сев. вепс. Keskmäine ot’ kondijan nahkan, mi oli dānu dedaspäi* ‘Средний взял медвежьей шкуру, **которая осталась** от деда’ [174, с. 2]; *Zavodi kat’t’a, a sorokofkan oli pannu hijamaha* ‘Начал кадить, а сороковку **положил** в рукав’ [Там же, с. 10]; *Hän uji randale, kuspai oli lähtnu* ‘Он уплыл на берег, с которого **отправлялся**’ [Там же, с. 14];

- *ср. вепс. Tat oli sil aigou ajanu heinha* ‘Отец в то время **уехал** (букв. ‘был уехавший’) за сеном’ [172, с. 237]; *Noidlha mehele oli lähtnu, da svad’bas olin* ‘**Вышла** (она) замуж в Нойдалу, да я на свадьбе была’ [123, с. 468];

- *юж. вепс. Ol’ uk nailend da lesktuu* ‘**Был** старик **женатый** да овдовел’ [123, с. 468]; *Eglee ol’ panend ibikom polole* ‘Вчера выпал сугроб во дворе’ [Там же];

- *мл. Konz suomalaisēd oliba tulnuded meiden küläha* ‘Когда **финны прибыли** в нашу деревню’ [165, с. 9]; *Minä olin olnu vōl lujas pen’* ‘Я **была** еще очн маленькая’ [Там же, с. 13].

Аналогичным способом образуются рассматриваемые аналитические формы и в пассивном залоге, где основной глагол представлен пассивным *tud*-причастием:

- *сев. вепс. Az’z’ om tehtud, pidab tehta lämii* ‘Дело **сделано**, нужно развести костер’ [157, id 827]; *Ala varaida, gad om riktud* ‘Не бойся, змея **убита**’ [Там же];

- *ср. вепс.* *Siičimele stolale oli sōmād pandud* ‘На семь столов **была** еда **положена**’ [157, id 1]; *Venčoupei tuleb, ka hibused jo pästtud* ‘С венчания приходишь, а **волосы** уже **распущены**’ [Там же]; *Toižuu rejou linneb mec kaik kodihe todud* ‘На следующий день **будет** лес весь **домой** **принесен**’ [Там же, id 3];

- *юж. вепс.* *Sigaa ani čomas tehtud, kaik veššad ottud, deroonaha jagetud* ‘Там очень красиво **сделано**, все вещи **взяты**, в деревню **отданы**’ [107, с. 160]; *Mänimaa kagralest, ani pahoo sōdud* ‘Пришли к овсу, очень сильно (овес) **поеден**’ [157, id 153]; *Jokseb hän alhaks lačun alle sina, kartha, karaane tehtud* ‘Протекает она (опара) вниз под бочку, в корыто, (там) **желобок** **сделан**’ [Там же, id 167]; *A semetud oli nagriž kolhozaa* ‘А **посеяна** **была** **репа** в колхозе’ [Там же, id 174];

- *мл. Hänen runoid om pandud äjihe openduzkirjoihe* ‘Ее **стихи** **опубликованы** во многих учебниках’ [179, с. 5]; *Vodel 1989 om tehtud Vepsän kul’tursebr* ‘В 1989 году **было** **основано** **Общество** вепсской культуры’ [Там же, с. 3]; *Kaik parahimad sādod om jättud kodihe* ‘Все лучшие **наряды** **оставлены** дома’ [164, с. 24]; *Ka vōl kaiv-ki oli kaidud lāz* ‘Да еще и колодец был **выкопан** рядом’ [Там же, с. 12]; *Ned oli paindud hänen dissertacijas vodel 1953* ‘Они были **опубликованы** в его диссертации в 1953 году’ [181, с. 88].

Диалектный язык, в свою очередь, является более живым, поэтому в диалектах, особенно в западном средневепсском и южновепсском, довольно часто вспомогательный глагол *olda* опускается [37, с. 166] и в глагольной конструкции выступает только причастие, что может вызвать трудности при определении значения временной формы:

- *сев. вепс.* *Migžo sūgat silai rattetud* ‘Почему же крылья у тебя **порваны**’ [174, с. 18]; *Nevesta tiidatei varastab: lämeižed paletaze, iknad aveitud, stolad lattud* ‘Невеста вас ждет: **огни** **горят**, **окна** **открыты**, **столы** **накрыты**’ [157, id 773];

- *ср. вепс.* *Minain oružj ninga pandut* ‘У меня ружье так **положено**’ [155, с. 174]; *Sinun soba om vilu, sikš mišo nouvou ombeltud* ‘Твоя одежда

холодная, потому что зимой **сшита**’ [155, с. 90]. *Ranitud hän jougha* ‘**Ранен** он в ногу’ [162, с. 96]; *Tšainjad tšaškad valetud, ol’ou kudrit käritud* ‘Чашки чая **налиты**, у Оли кудри завиты’ [162, с.146]; *Libui, ka paid vaumiž, ombeltud* ‘Поднялся, а рубашка готова, **сшита**’ [162, с. 181];

- *юж. вепс. Mä verhaa viluu röönaažoo šušunu i kattenu* ‘**Я** на чужой холодной сторонке **устала и утомилась**’ [157, id 719]; *Ka prihad jo lähtnud da kod’he ajand* ‘А парни уже ушли и домой уехали’ [157, id 159].

Сокращающаяся частотность употребления сложных форм перфекта и плюсквамперфекта в диалектах вепсского языка и выпадение из этих форм вспомогательного глагола *olda* ‘быть’ может быть вызвана влиянием русского языка. [37, с. 119]. Особенностью же младописьменной нормы является то, что она своими правилами призвана упорядочить употребление тех или иных грамматических форм, именно поэтому в представленных примерах новописьменного языка четко соблюдается целостность рассматриваемых грамматических конструкций.

Таким образом, причастие является распространенной грамматической формой в вепсском языке, которая сочетает в себе признаки имени и глагола как на морфологическом уровне, так и на более глубоких – синтаксическом и семантическом.

Анализ образования причастий позволил сделать вывод об их двойственной природе на морфологическом уровне: показатели всех трех причастий генетически восходят к словообразовательным суффиксам отглагольных имен (*i* < *-ja, *ni* < *-na + -ut, *tud* < *-tta + *-u). Каждый показатель имеет свои истоки, соответственно, образование каждой из причастных форм следует определенным законам. В этом контексте важно учитывать характер глагольной основы, история образования которой была реконструирована в главе 2. Так, 1. активное причастие всегда образуется путем присоединения показателя -i к гласной основе глагола вне зависимости от ее типа, в то время как показатель -ni 2. активного причастия присоединяется к согласной основе двухосновных глаголов синхронной

классификации и краткой гласной основе исторически двухосновных глаголов. Пассивное причастие в вепсском языке образуется путем присоединения форманта *-tud /-dud*, в которых продолжаются, соответственно, праязыковые **-ttu / *-tu*, при этом в современной дистрибуции звонкого и глухого варианта просматривается историческое правило, в соответствии с которым глухой вариант оформлял согласную, а звонкий – гласную основу. Способы образования причастных форм в вепсском языке наглядно продемонстрированы в таблице (см. табл. 4).

Таблица 4. Типы основ и варианты причастных показателей

Тип основы	I инфинитив	Активное i-причастие	Активное nu-причастие	Пассивное tud-причастие
Одноосновные глаголы	<i>kirjuta-da</i> 'писать'	<i>kirjuta-i</i> 'пишущий'	<i>kirjuta-nu</i> 'написавший'	<i>kirjuta-dud</i> 'написанный'
	<i>luge-da</i> 'читать'	<i>lugi-i</i> 'читающий'	<i>luge-nu</i> 'читавший'	<i>luge-dud</i> 'прочитанный'
Глаголы с долгой и краткой гласными основами	<i>ope-ta</i> 'учить'	<i>openda-i</i> 'учащий'	<i>ope-nu</i> 'учивший'	<i>ope-tud</i> 'выученный'
	<i>ozai-ta</i> 'отгадывать'	<i>ozaidai-i</i> 'отгадывающий'	<i>ozai-nu</i> 'отгадавший'	<i>ozai-tud</i> 'отгаданный'
	<i>taba-ta</i> 'поймать'	<i>tabada-i</i> 'ловящий'	<i>taba-nu</i> 'поймавший'	<i>taba-tud</i> 'пойманный'
Двухосновные глаголы	<i>ot-ta</i> 'брать'	<i>ota-i</i> 'берущий'	<i>ot-nu</i> 'бравший'	<i>ot-tud</i> 'взятый'
	<i>pan-da</i> 'класть'	<i>pani-i</i> 'кладушый'	<i>pan-nu</i> 'положивший'	<i>pan-dud</i> 'положенный'

Основная глагольная особенность причастий заключается в том, что они обладают категорией залога (активное и пассивное причастие), выражают действие по его завершенности / незавершенности и связывают время действия, которое выражают, со временем действия, называемого основным глаголом в предложении. Именная суть причастия проявляется в способности определять действие, производимое субъектом, выполняя при этом атрибутивную функцию, которая наряду с предикативной является основной синтаксической функцией причастия.

Кроме того, являясь субстантивированной формой, причастия выполняют те же синтаксические роли, которые свойственны имени

существительному: выступают в предложении в качестве субъекта (*Siričimānijad kasuiba meihe* ‘**Прохожие** смотрели на нас’), объекта действия (*En nägend necidä tetabad kirjailijad* ‘Я не видел этого известного **писателя**’), адвербиала (*Hän tegihe karguiden ohjandajaks da tegijaks* ‘Он стал **режиссером** и **постановщиком** танцев’). Такая ситуация наиболее свойственна 1. активному, или *i*-причастию, которое выражает признаки имени ярче, чем активное *ni*- и пассивное *tud*-причастие, которые, в свою очередь, обладают более яркими глагольными чертами, выражая признак действия и имея возможность входить в состав глагольных аналитических временных конструкций.

Анализ употребления причастных форм показал единообразие их употребления по диалектным ареалам за исключением некоторых фонетических особенностей причастных показателей. Тем не менее, в живой вепсской речи придаточные предложения берут верх над причастными конструкциями, что свидетельствует о разрушении традиционных для прибалтийско-финского синтаксиса причастных конструкций, вызванном давними и прочными русскими языковыми связями: *юж. вепс. Möst se hebõne i puti, kudamb magadab teverõ, kudambamõ mužik se basi* ‘Снова та лошадка и попалась, **которая спит у обочины**, о которой мужик тот говорил’ [160, с. 50]; *A hö I tšapeškatho tožem pehkon, kudambas ii hän* ‘А они и срубают другое гнилое дерево, **в котором нет его**’ [160, с. 89]; *Netšukaine kiven netsen satoba kod’he, jauhmižen, kudambā mamš jauhõ* ‘Девочка камень этот принесла домой, мелющий, **которым бабушка молола**’ [160, с. 116]; *Prohodjaššid raffid, kudambat siriči käuloba* ‘Прохожие люди, **которые мимо гуляли**’ [160, с.118].

В причастных формах младописьменных текстов наблюдается влияние русскоязычных конструкций, и в некоторых случаях влияние финского языка, которым владеют многие современные писатели, журналисты и переводчики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе «Именные формы глагола в вепсском языке: становление и функционирование» в соответствии с поставленной целью выявлены и описаны закономерности образования именных форм глагола (инфинитивов и причастий) в диалектах вепсского языка и его нормированном варианте, а также установлены синтаксические функции и семантические особенности этих форм. Выявленные в проведенных ранее научных исследованиях положения о функционировании инфинитивов и причастий в вепсском языке подтвердились и нашли продолжение. Теоретической и методологической основой работы послужили труды российских и финских ученых.

Использованные в работе методы позволили в полном объеме решить поставленные задачи, достичь цели исследования и конкретных результатов:

1) Подтверждено, что система именных форм глагола в вепсском языке включает три формы инфинитивов (I, II, III инфинитивы) и три формы причастия (1. и 2. активное и одно пассивное причастие), которые, в свою очередь, совмещают в себе признаки имени и глагола как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях. Одним из основных глагольных признаков инфинитивов и причастий является лексическая глагольная основа, с помощью которой рассматриваемые формы образуются. Они так или иначе передают действие субъекта или агента действия. Кроме того, глагольность подтверждается наличием категорий времени и залога, присущих некоторым инфинитным формам. В то же время именная суть проявляется в генезисе всех показателей, исторически восходящих к именным суффиксам, а также в наличии системы склонения и некоторых рудиментов притяжательных суффиксов. Разумеется, двойная природа названных форм представлена и на синтаксическом уровне: в предложении инфинитивы и причастия могут выступать в качестве членов предложения, выраженных именем.

2) Проведен анализ генезиса современной системы типов вепских глагольных основ, в которой принято выделять согласную и две гласные основы. Доказано, что она сложилась исторически и обусловлена рядом вепских фонетических инноваций, среди которых главная роль принадлежит общевепским синкопе гласного второго слога и угасанию альтернации взрывных согласных. Анализ образования I инфинитива позволил четко реконструировать историю становления современного облика начальной формы вепских глаголов. Полученный результат важен не только для понимания условия формирования дистрибуции глухого и звонкого вариантов грамматического показателя I и II инфинитива, но и в целом для распределения глаголов вепского языка по типам, что крайне важно для формирования нормативной грамматики вепского языка.

3) Проведена реконструкция исторического облика вепских показателей именных форм глагола. Показано, что в становлении их современного облика основную роль сыграли фонетические изменения, вызванные фонетическим окружением (формирование дистрибуции вариантов показателя *-ta / -da* в I инфинитиве и *-te / -de* во II инфинитиве, утрата конечного *-t* из первоначального *-nut* в 1. причастии актива, утрата гласного *-a* из показателя III инфинитива *-ma* в случае одно- и трехсложной основы, звонкий вариант показателя пассивного причастия *-dud*), действием аналогии: ср. появление говорного *-ted* на месте примарного *-tud* в форме пассивного причастия, переразложение в морфемном составе (история финального *-t* в показателе пассивного причастия *-tud*, восходящем к показателю партитива) и др.

4) Показано, что по фундаментальным грамматическим параметрам вепские инфинитные формы являются неотъемлемой частью прибалтийско-финской системы. При этом современная система именных глагольных форм вепского языка выделяется на фоне прибалтийско-финской отсутствием формы I причастия пассива, а также словоизменения у формы II причастия, практическим отсутствием адессивной формы III инфинитива и формы так

называемого *mine*-инфинитива, использованием конструкций с одинаковым глаголом, один из которых находится в инструктивной форме II инфинитива (*söden söb* ‘поедом ест’). В ходе исторического развития сформировались некоторые новые роли, несвойственные родственным языкам. Среди таковых, например, семантика цели действия (финальная функция), развившаяся у инессивной формы II инфинитива, или расширение функций пассивного причастия, которое в большинстве вепских говоров используется в роли активного.

5) Являясь неотъемлемой частью прибалтийско-финского синтаксического пространства, вепские инфинитные формы свидетельствуют в то же время о значительном проникновении русского языкового воздействия, вызванного не только активными и длительными по времени контактами, но и двуязычием вепсов. Русское влияние отражается в конструкциях долженствования, замещении форм III инфинитива формами I инфинитива, смешении функций инессива и инструктива II инфинитива, агентной функции II причастия пассива, использовании придаточных предложений вместо причастных форм и др. Ощутимое русское влияние пронизывает все вепские диалекты. В отличие от него карельское обнаруживается только в северном диалекте и вызвано вепско-карельскими контактами в Прионежье длиною в несколько веков. Среди карельских признаков необходимо отметить конструкции долженствования с глаголом *pidab* ‘нужно’, преимущественное сохранение форм III инфинитива на фоне I инфинитива, в том числе присутствие их в конструкциях, являющихся русскими кальками. Карельское влияние проявляется также в показателе 2. активного причастия (*-nh* вместо *-nd*) в южновепских и некоторых средневепских говорах.

6) Нормированный вепский язык активно опирается на народные формы, отличающиеся заметным диалектным единством. При этом в нем получили развитие некоторые особенности, не представленные или исключительно редкие в диалектной речи. Например, явно под русским

влиянием из абессивной формы III инфинитива и иллативной формы указательного местоимения *se* сконструирован эквивалент русскому предлогу 'несмотря на' – *kacmata sihe*. Этим же объясняется использование инессивной формы III инфинитива в составе придаточной конструкции по типу деепричастного оборота, а также использование инессивной формы II инфинитива в придаточной конструкции со значением образа действия.

С другой стороны, выявляются и определенные моменты, вызванные финским влиянием. Один из ярких примеров – наиболее частое использование инфинитивов и причастий в составе эквивалентов сложных предложений, позиция объекта в форме партитива в конструкциях с инессивной формой II инфинитива, а также природа генетивного показателя в падеже объекта в конструкциях со II инфинитивом и *mine*-инфинитивом.

В проведенном исследовании впервые был осуществлен комплексный анализ вепских инфинитных форм с точки зрения их образования и функционирования, что позволяет привлекать полученные результаты как в целях теоретического анализа, так и для практики изучения языка. Они будут особенно востребованы в будущем при разработке синтаксиса вепского нормированного языка.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

букв. – буквально

веп. – вепсский язык

вост. веп. – восточный говор средневепсского диалекта

ед. ч. – единственное число

зап. веп. – западный говор средневепсского диалекта

кар. – карельский язык

л. – лицо

ЛА – личный архив

ливв. – ливвиковский диалект карельского языка

людик. – людиковский диалект карельского языка

мл. – младописьменный вепсский язык

мн. ч. – множественное число

перф. – перфект

плюскв. – плюсквамперфект

прафин. – прафинский язык-основа

сев. веп. – северновепсский диалект

сев. кар. – северный диалект карельского языка

ср. веп. – средневепсский диалект

фин. – финский язык

юж. веп. – южновепсский диалект

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адель, Е. Л. Глагольное словоизменение в карельском языке. Паданский ареал / Е. Л. Адель. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1998. – 186 с.
2. Адмони, В. Г. Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия / В. Г. Адмони, В. Н. Ярцева // Историко-типологическая морфология германских языков. – М. : Наука, 1978. – С. 92–145.
3. Амбразас, В. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков / В. Амбразас. – Вильнюс : Мокслас, 1990. – 290 с.
4. Амельченко, Т. А. Инфинитивы в марийском языке : дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 07 / Татьяна Анатольевна Амельченко. – Йошкар-Ола, 1996. – 145 с.
5. Андреева, Л. А. Об одной особенности инфинитива на -аш в марийском языке / Л. А. Андреева // Актуальные проблемы межкультурных и межъязыковых контактов : материалы региональной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения проф. Л. П. Грузова. – Йошкар-Ола : Мар. гос. ун-т, 2007. – С. 46–50.
6. Андреева, Л. А. Функции посессивных суффиксов при глаголе в марийском языке / Л. А. Андреева // Вестник угроведения : научно-теоретический и методический журнал. – 2014. – № 4 (19). – С. 8–15.
7. Андреева, Л. А. Функции притяжательных суффиксов при инфинитиве на -аш в марийском языке / Л. А. Андреева // Финно-угорский мир. – 2009. – № 3. – С. 26–33.
8. Андуганов, Ю. В. Начало изучения синтаксиса марийского языка / Ю. В. Андуганов // Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии [Сб. статей]; редкол. : Н. И. Исанбаев (отв. ред.), Д. Е. Казанцев. – Йошкар-Ола : МарНИИ, 1979. – С. 143–147.
9. Андуганов, Ю. В. Синтаксические критерии разграничения сложного слова и словосочетания в марийском языке / Ю. В. Андуганов //

Марийская филология : Межвуз. сб. науч. тр. – Йошкар-Ола : Мар. науч.-исслед. ин-т, 1985. – С. 66–75.

10. Арзамазов, А. А. To be or not to be: структурно-семантические вариации инфинитива (-ны) в удмуртской поэзии: монография / А. А. Арзамазов. – Ижевск : Удмуртия, 2012. – 257 с.

11. Арзамазов, А. А. Императив удмуртского инфинитива / А. А. Арзамазов // Этюды. – Ижевск-Кудымкар : Удмуртский государственный университет, 2006. – С. 60–90.

12. Аристэ, П. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития / П. Аристэ // Вопросы этнической истории эстонского народа. – Таллин : Эстгосиздат, 1956. – С. 5–27.

13. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.

14. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В. В. Богданов. – Л. : ЛГУ, 1977. – 204 с.

15. Богданов, Н. И. История развития лексики вепского языка: дис. ... канд. филол. наук / Николай Иванович Богданов. – Л., 1952. – 227 с.

16. Бойко, В. П. Лингвистический корпус ВепКар – «заповедник» прибалтийско-финских языков Карелии / Н. Г. Зайцева, Н. Б. Крижановская, А. А. Крижановский, И. П. Новак, Н. А. Пеллинен, А. П. Родионова, Е. Д. Трубина // Труды КарНЦ РАН. – 2021. – № 7. – С. 100–115.

17. Большая советская энциклопедия : [в 30 т.] [Электронный ресурс] / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Совет. энцикл. 1969 – 1986. – URL: <http://bse.sci-lib.com> (дата обращения: 27. 01. 2025).

18. Бубрих, Д. В. Историческая фонетика финского-суоми языка / Д. В. Бубрих; Акад. наук СССР, Карело-Фин. науч.-исслед. база, Ин-т истории, яз. и лит. – Петрозаводск : Госиздат КФССР, 1948. – 232 с.

19. Бубрих, Д. В. Прибалтийско-финское языкознание : избранные труды / Д. В. Бубрих. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, Ин-т языка, лит. и истории Карельского науч. центра РАН, 2000. – 380 с.

20. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка. В 2 ч. Часть 2. Синтаксис / Ф. И. Буслаев. – М. : Юрайт, 2018. – 328 с.
21. Виноградов, В. В. Грамматика русского языка. [Ч. 1] Синтаксис. / В. В. Виноградов, Е. С. Истрина. – М. : Академия наук СССР. – 1953. – 703 с.
22. Винокурова, И. Ю. Народы Карелии: историко-этнографические очерки / И. Ю. Винокурова (отв. ред.), А. П. Конкка, Ю. В. Литвин и др. – Петрозаводск : Периодика, 2019. – 752 с.
23. Винокурова, И. Ю. Николай Иванович Богданов: судьба вепсского ученого в историческом контексте [Текст] / И. Ю. Винокурова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2024. – Т. 18. – С. 130–139.
24. Водясова, Л. П. Инфинитивные предложения как средство вербализации эмоциональности в художественном тексте / Л. П. Водясова // Гуманитарные науки и образование. – 2020. – Т. 13. – № 2 (50). – С. 297–215.
25. Водясова, Л. П. Синтаксические функции инфинитива в современном эрзянском языке / Л. П. Водясова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16. – Вып. 7. – С. 2138–2144.
26. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология / В. Г. Гак. – М. : Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
27. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
28. Дубровина, З. М. Избранные труды / З. М. Дубровина. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2016. – 504 с.
29. Дубровина, З. М. Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении (К вопросу об эквивалентах предложений) / З. М. Дубровина // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 3: сб. статей / отв. ред. З. М. Дубровина. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1977. – С. 34–74.
30. Дубровина, З. М. Некоторые черты исконного родства в прибалтийско-финских и пермских языках. М-овый инфинитив и колоративная конструкция / З. М. Дубровина, В. М. Лудыкова // Материалы

VI Международного конгресса финно-угроведов. – М. : Наука, 1990. – С. 60–66.

31. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1958. – 407 с.

32. Жукова, О. Ю. Вепские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова / О. Ю. Жукова. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2015. – 156 с.

33. Зайков, П. М. Глагол в карельском языке / П. М. Зайков. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. – 293 с.

34. Зайцева, М. И. Грамматика вепского языка (Фонетика и морфология) / М. И. Зайцева. – Л. : Наука, 1981. – 361 с.

35. Зайцева, М. И. Суффиксальное глагольное словообразование в вепском языке / М. И. Зайцева. – Л. : Наука, 1978. – 176 с.

36. Зайцева, Н. Г. «Говорить» по-вепски: именованья некоторых глаголов речи в языке вепсов (лингвогеографический и семантико-этимологический аспекты) / Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2021. – Т. 15. – Вып. 3. – С. 376–388.

37. Зайцева, Н. Г. Вепский глагол: Сравнительно-сопоставительное исследование / Н. Г. Зайцева. – Петрозаводск : Периодика, 2002. – 288 с.

38. Зайцева, Н. Г. Вепско-русские языковые связи / Н. Г. Зайцева // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I : Северный регион. – М. : Изд-во «Азъ», 1994. – С. 71–80.

39. Зайцева, Н. Г. Корпусная лингвистика в прибалтийско-финском исследовательском пространстве (на материале Корпуса вепского языка и Открытого корпуса вепского и карельского языков) / Н. Г. Зайцева, Н. Б. Крижановская // Альманах североевропейских и балтийских исследований. – 2018. – Вып. 3. – С. 264–273.

40. Зайцева, Н. Г. Отражение вепско-севернорусских контактов в вепском лексическом тезаурусе / Н. Г. Зайцева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2008. – № 4. – С. 79–83.

41. Зайцева, Н. Г. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект) / Н. Г. Зайцева. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2016. – 395 с.
42. Зайцева, Н. Г. Формирование диалектной карты вепсского языка (на материале «Лингвистического атласа вепсского языка») / Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен // Вопросы языкознания. – 2018. – № 6. – С. 85–103.
43. Зайцева, Н. Г. Käte-ške käbedaks kägoihudeks (Вепские причитания) ‘Обернись-ка милой кукушечкой’ / Сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. Нотировки С. В. Косыревой. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2012. – 226 с.
44. Зайцева, Н. Г. Лингвистический атлас вепсского языка / Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, С. А. Мызников, О. Ю. Жукова, И. В. Бродский; под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. – СПб. : Нестор-История, 2019. – 573 с.
45. Иванова, Г. П. Полипредикативные конструкции в сибирском говоре вепсского языка (в сопоставлении с пондальским говором средневепсского диалекта вепсского языка и другими прибалтийско-финскими языками) : дис. ...канд. филол. наук : 10. 02. 20 / Галина Петровна Иванова. – Новосибирск, 2014. – 294 с.
46. Иванова, Г. П. Полипредикативные конструкции с инфинитивами в форме инессива в вепсском языке (в сравнении с финским языком) / Г. П. Иванова // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 205–220.
47. Иванова, Г. П. Средства выражения причинно-следственных отношений в вепсском языке / Г. П. Иванова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2008. – № 4. – С. 71–76.
48. Карпова, Л. Л. Характерные черты глагольной морфологии в диалектах северного наречия удмуртского языка / Л. Л. Карпова // Вестник удмуртского университета. – 2022. – Т. 32. – Вып. 4. – С. 716–726.

49. Керт, Г. М. М-овые инфинитивные формы в финском литературном языке (так называемый III инфинитив) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Георгий Мартынович Керт. – Петрозаводск, 1953. – 20 с.

50. Коляденков, М. Н. Грамматика мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Ч. II: Синтаксис / М. Н. Коляденков. – Саранск : Мордовское кн. изд-во, 1954. – 326 с.

51. Кошелева, М. В. Синтаксические функции инструктивной формы II инфинитива в вепсском языке [Электронный ресурс] / М. В. Кошелева // Филологические исследования. – 2020. – Т. 12. – URL: <http://academy.petrso.ru/journal/article.php?id=3783> (дата обращения: 12. 12. 2024).

52. Кошелева М. В. Дистрибуция показателей -ta/-da в I инфинитиве вепсских двухосновных глаголов [Электронный ресурс] / М. В. Кошелева // Бубриховские чтения: карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур: материалы науч. конф. / ИЯЛИ КарНЦ РАН: под ред. Н. Г. Зайцевой. – Петрозаводск, 2016. – С. 111–115. – URL: <http://elibrary.petrso.ru/books/27635> (дата обращения: 15. 01. 2025).

53. Кошелева, М. В. Инфинитивные конструкции с семантикой направления движения в вепсском языке / М. В. Кошелева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2021. – Т. 43. – № 7. – С. 71–77.

54. Кошелева, М. В. Особенности функционирования I инфинитива в вепсском языке на основе материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков / М. В. Кошелева // Финно-угорский мир. – 2023. – Т. 15. – № 4. – С. 408–420.

55. Кошелева, М. В. Пассивное причастие в вепсском языке: особенности функционирования / М. В. Кошелева // Аспекты сохранения культурного наследия финно-угорского мира: сб. статей по материалам науч.-практ. конф. – Сыктывкар : СГУ им. Питирима Сорокина, 2023. – С. 23–27.

56. Кошелева, М. В. Показатели причастия в вепсском языке: между именем и глаголом / М. В. Кошелева // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2018. – Т.12. – № 2. – С.19–28.
57. Кошелева, М. В. Синтаксические функции инессивной формы II инфинитива в вепсском языке: динамика развития / М. В. Кошелева // Финно-угорский мир. – 2020. – Т.12. – № 3. – С.242–249.
58. Кошелева, М. В. Форма I. инфинитива прибалтийско-финских «стяженных» глаголов в вепсском языке / М. В. Кошелева, И. И. Муллонен // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2017. – № 3 (164). – С.92–96.
59. Крижановская, Н. Б. ВепКар: руководство для пользователей. Издание 1. – Декабрь 2022 [Электронный ресурс] / Н. Б. Крижановская, И. П. Новак, Н. А. Пеллинен. – URL: http://dictorpus.krc.karelia.ru/docs/vepkar_manual_published_2023.pdf (дата обращения: 22. 01. 2025).
60. Кузнецов, П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / П. С. Кузнецов. – М. : МГУ, 1953. – 306 с.
61. Куусинен, М. Э. К вопросу об активных причастиях незаконченного действия в финском языке / М. Э. Куусинен // Труды Карело-Финского филиала Академии наук СССР. – Петрозаводск, 1954. – Вып. 1. – С. 44–59.
62. Кяхрик, А. О формировании парадигмы возвратных глаголов в вепсском языке / А. Кяхрик // Советское финно-угроведение. – 1978. – № 4. – С. 267–275.
63. Лаврентьев, Г. И. История инфинитивных образований и сходных с ними форм в марийском языке // Вопросы финно-угроведения. 1970. – Вып. V. – С 98–103.
64. Лаврентьев, Г. И. Причастие будущего времени в волжском говоре марийского языка / Г. И. Лаврентьев // Советское финно-угроведение. – 1971. – № 3. – С. 33–36.

65. Лыткин, В. И. Основы финно-угорского языкознания : Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редери (ред.). – М. : Наука, 1974. – 484 с.
66. Лыткин, В. И. Основы финно-угорского языкознания : Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редери (ред.). – М. : Наука, 1975. – 347 с.
67. Маркианова, Л. Ф. Глагольное словообразование в карельском языке / Л. Ф. Маркианова. – Петрозаводск : Карелия, 1985. – 192 с.
68. Маркианова, Л. Ф. Морфология ливвиковского диалекта. Глагол. Наречие / Л. Ф. Маркианова. – Петрозаводск : ПетрГУ, 1995. – 94 с.
69. Муллонен, М. И. Вепсская письменность / М. И. Муллонен // Прибалтийско-финское языкознание. – Л. : Наука, 1967. – С. 105–109.
70. Некрасов, Н. П. О значении форм русского глагола / Н. П. Некрасов // Соч. Н. Некрасова. – СПб. : тип. и лит. И. Паульсона и К°, 1865. – 314 с.
71. Новак, И. П. Базовая лексика карельского и вепсского языков в лингвогеографическом аспекте / И. П. Новак // Вестник угроведения. 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 90–101.
72. Новак, И. П. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Консонантизм / И. П. Новак // Урало-алтайские исследования. – 2024. – № 1. – С. 42–85.
73. Новак, И. П. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем / И. П. Новак, М. Пенттонен, А. Руусканен, Л. Сиилин. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. – 479 с.
74. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1956. – 256 с.
75. Плунгян, В. А. «Нарративный инфинитив» в русском языке: к классификации контекстов / В. А. Плунгян // Лингвистический беспредел – 2 :

Сб. научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. – М. : МГУ, 2013. – С. 352–360.

76. Плунгян, В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение / В. А. Плунгян // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. – М. : Индрик, 2005. – С. 6–20.

77. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике : [в 4 т.] / А. А. Потебня. Т. 1–2. – М. : Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., 1958. – 536 с.

78. Прокушева, Т. И. Грамматические омонимы инфинитивного показателя *-ны* в современном коми литературном языке и диалектах / Т. И. Прокушева // Советское финно-угроведение. – 1978. – № 3. – С.196–199.

79. Прокушева, Т. И. Определенно-притяжательные суффиксы инфинитива и их образование в коми языке / Т. И. Прокушева // Вопросы лексикологии коми языка : сб. статей. – Сыктывкар : Коми фил. АН СССР, 1979. – С. 64–78.

80. Прокушева, Т. И. Происхождение инфинитива в коми языке / Т. И. Прокушева // Советское финно-угроведение. – 1982. – № 1. – С. 44–49.

81. Пушина, Н. И. Неличные формы глагола в ономаσιологическом и когнитивном аспектах / Н. И. Пушина // Вопросы лингвистики, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – Ижевск : Удмурт. ун-тет, 2006. – С. 261–273.

82. Расторгуева, Т. А. Курс лекций по истории английского языка. Развитие языка в среднеанглийский и новоанглийский периоды / Т. А. Расторгуева, И. Ф. Жданова. – М. : Высшая школа, 1972. – 176 с.

83. Розенталь, Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М. : Высшая школа, 1991. – 448 с.

84. Рятсеп, Х. К. Инфинитные глагольные формы в финно-угорских языках : автореф. ... дис. канд. филол. наук / Х. К. Рятсеп. – Тарту, 1954. – 28 с.

85. Сажина, С. А. Инфинитные формы глагола в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка / С. А. Сажина // Вестник угроведения. – 2023. – Т. 13. – № 4. – С. 717–724.

86. Соколова, Г. Л. Синтаксические функции инфинитива в марийском и немецком языках [Электронный ресурс] / Г. Л. Соколова // Грамота. – 2015. – № 4 (46). – Ч. II. – С. 175–179. – URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/51.html> (дата обращения: 10. 01. 2024).
87. Строгальщикова, З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера / З. И. Строгальщикова. – Петрозаводск : Периодика, 2016. – 198 с.
88. Строгальщикова, З. И. Вепсы: очерки истории и культуры / З. И. Строгальщикова. – СПб. : Инкери, 2014. – 263 с.
89. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер // Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.
90. Учкина, В. И. Инфинитив в мордовских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10. 02. 07 / Валентина Ивановна Учкина. – Тарту, 1975. – 21 с.
91. Федотова, В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке. Словарь / В. П. Федотова. – Петрозаводск : Периодика, 2002. – 168 с.
92. Федотова, В. П. Очерк синтаксиса карельского языка / В. П. Федотова. – Петрозаводск : ИЯЛИ КарНЦ РАН, 1990. – 160 с.
93. Федотова, В. П. Фразеологизмы в карельском языке / В. П. Федотова. – Петрозаводск : КФАН СС, 1985. – 142 с.
94. Хямяляйнен, М. М. Вепсский язык / М. М. Хямяляйнен // Языки народов СССР. Т. 3. – М. : Наука, 1966. – С. 81–102.
95. Хямяляйнен, М. М. Инфинитивные формы глагола финского языка: тезисы / М. М. Хямяляйнен // Труды Карело-Финского филиала Академии наук СССР. – Петрозаводск, 1954. – Вып. 1. – С. 3.
96. Хямяляйнен, М. М. О следах чередования ступеней согласных в вепсском языке / М. М. Хямяляйнен // Тезисы докладов / Ленингр. ордена Ленина ун-т. Науч. конференция по вопросам финно-угорской филологии. – Л. : ЛГУ, 1947. – С. 52–53.

97. Цыпанов, Е. А. Отрицательный инфинитив в коми языке / Е. А. Цыпанов // Грамматика и лексикография коми языка : Труды ИЯЛИ. Вып. 58. – Сыктывкар, 1995. – С. 132–140.
98. Цыпанов, Е. А. Причастие в коми языке : история, семантика, дистрибуция / Е. А. Цыпанов. – Екатеринбург : УрО РАН, 1997. – 212 с.
99. Шведова, Н. Ю. (гл. ред.) Русская грамматика: [В 2-х т.]. Т. 2. Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др.]. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
100. Шелякин, М. А. О функциональной сущности русского инфинитива / М. А. Шелякин // Словарь. Грамматика. Текст. – М. : РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1996. – С. 288–302.
101. Шелякин, М. А. Функциональная грамматика русского языка / М. А. Шелякин. – М. : Рус. яз., 2001. – 287 с.
102. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1974. – С. 265–304.
103. Alho, I. Käyttökielioppi / I. Alho, A. Kauppinen. – Helsinki : SKS, 2009. – 240 s.
104. Alvre, P. Yleispiirteitä vepsän monikkotaivutuksesta / P. Alvre // Fenno-Ugristica. – 1985. – № 12. – S. 102–110.
105. Ariste, P. Vepsa muinasjutte (Äänis- ja keskvepsa keelenäiteid) / P. Ariste // Töid Läänemeresoome ja Volga keelte alalt. – Tallinn : Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut, 1964. – S. 5–23.
106. Genetz, A. Tutkimus Aunuksen kielestä / A. Genetz. – Helsinki : SKS, 1884. – 194 s.
107. Grünthal, R. Vepsän kielioppi / R. Grünthal. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. – 350 s.
108. Häkkinen, K. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa / K. Häkkinen. – Turku, 1985. – 126 s.
109. Hakulinen, A. Iso suomen kielioppi. Verkkoversio [Электронный ресурс] / A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T. R. Heinonen,

I. Alho. Helsinki, 2008. – URL: <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php> (data
о обращения: 27. 01. 2025).

110. Hakulinen, L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Neljas korjattu ja
lisätty painos / L. Hakulinen. – Helsinki : Otava, 1979. – 633 s.

111. Hakulinen, L. Nykysuomen kielen lauseoppia / L. Hakulinen,
F. Karlsson. – Helsinki : SKS, 1995. – 426 s.

112. Hamunen, M. Juosten vai juoksemalla? Infiniittisten ten- ja malla-
rakenteiden semantiikkaa ja murrejakaumaa / M. Hamunen // Sananjalka. – 2017. –
№ 59 (59). – S. 125–153.

113. Herlin, I. Elävä kielioppi. Suomen infinittisten rakenteiden
dynamiikkaa / I. Herlin, L. Visapää. – Helsinki : SKS, 2005. – 360 s.

114. Herlin, I. Verbit ja konstruktio / I. Herlin, L. Kotilainen. – Helsinki :
SKS, 2012. – 268 s.

115. Huomo, T. Lokatiivit lauseen semanttisessa tulkinnassa. Ajan,
omistajan, paikan ja tilan adverbialien keskinäiset suhteet suomen kielessä /
T. Huomo // Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen
julkaisuja. – Turku : Turun yliopisto, 1997. – 269 s.

116. Itkonen, E. Kieli ja sen tutkimus / E. Itkonen. – Porvoo; Helsinki :
WSOY. 1966. – 427 s.

117. Joalaid, M. Vepsa rahvaluule kogumisest Eestis / M. Joalaid // Läänemeresoomlaste etnokultuuri küsimusi: Etnograafiamuuseumi teaduspäevade
ettekannete kogumik. – Tallinn : Valgus, 1982. – S. 8–12.

118. Joalaid, M. Vepslased ja vepsa keel / M. Joalaid // Kaheksa keelt
kaheksa rahvast. – Tallinn : TLÜ Kirjastus, 1998. – S. 50–70.

119. Kährik, A. Verbide muutmismudel lounavepsa murdes / A. Kährik. –
Tallinn : Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1980. – 151 s.

120. Karlsson, F. Johdatusta yleiseen kielitieteeseen / F. Karlsson. –
Helsinki : Gaudeamus, 1976. – 279 s.

121. Kettunen, L. Eestin kielen äännehistoria / L. Kettunen. – Helsinki :
SKS, 1929. – 218 s.

122. Kettunen, L. Lauseliikmed eesti keeles / L. Kettunen. – Tartu : Eesti Kirjanduse Selts, 1924. – 100 s.
123. Kettunen, L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus / L. Kettunen. – Helsinki : SKS, 1943. – 576 s.
124. Kuparinen, O. Infinitiivien variaatio ja muutos Helsingissä / O. Kuparinen // Virittäjä. – 2018. – № 1. – S. 29–51.
125. Lehtinen, T. Itämerensuomen verbien historiallista johto-oppia / T. Lehtinen. – Helsinki : SUS, 1979. – 366 s.
126. Lehtinen, T. Kielen vuosituhat. Suomen kielen kehitys kanta-uralista varhaisuomeen / T. Lehtinen. – Helsinki : SKS, 2007. – 305 s.
127. Leskinen, H. Suomen murteiden historia I / H. Leskinen. – Jyväskylä : Jyväskylän yliopisto, 1979. – 174 s.
128. Õispuu, J. Karjala keelesaarte sõnamuutmissüsteem / J. Õispuu. – Tallinn : Tallinna Pedagoogiline instituut, 1994. – 316 s.
129. Penttilä, A. Ns. yksipersonaalisista verbeistä / A. Penttilä // Virittäjä. – 1954. – № 58 (2). – S. 97–122.
130. Penttilä, A. Suomen kielioppi / A. Penttilä. – Porvoo; Helsinki : WSOY, 1957. – 692 s.
131. Penttilä, A. Suomenheimoiset sotavangit kielenoppaina / A. Penttilä // Virittäjä. – 1942. – № 46. – S. 148–160.
132. Posti, L. Kantasuomen äännehistorian kysymyksiä / L. Posti // Virittäjä. – 1947. – № 51. – S. 248–253.
133. Rapola, M. Suomen kielen äännehistorian luennot / M. Rapola. – Helsinki: SKS, 1966. – 283 s.
134. Ravila, P. Nomen verbal suomalais-ugrilaisissa kielissä / P. Ravila // Virittäjä. – 1945. – № 49. – S. 148–158.
135. Rytönen, A. Deskriptiivisistä sanoista / A. Rytönen // Virittäjä. – 1935. – № 39. – S. 90–102.

136. Sarhimaa, A. Karjalan kielen syntaksiin kohdistuneen venäjän interferenssin tutkimisesta / A.Sarhimaa // Virittäjä. – 1990. – № 94 (4). – S. 438–455.
137. Saukkonen, P. Itämerensuomalaisten kielten tulosijainfinitiivirakenteiden historiaa. II. Adverbaali infinitiivi, adnominaali infinitiivi, absoluutti infinitiivi, elliptinen infinitiivi / P. Saukkonen. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1966. – 229 s.
138. Saukkonen, P. Itämerensuomalaisten kielten tulosijainfinitiivirakenteiden historiaa. I. Johdanto. Adverbaali infinitiivi / P. Saukkonen. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1965. – 275 s.
139. Savijärvi, I. Kirves on työkalu hakata puita. Havaintoja ensimmäisen infinitiivin lyhyemmän muodon käytöstä / I. Savijärvi // Virittäjä. – 1971. – № 75. – S. 280–296.
140. Setälä, E. Suomen kielen lauseoppi / E. Setälä. – Keuruu : Otava, 1973. – 142 s.
141. Setälä, E. Suomen kielioppi. Äänne- ja sanaoppi / E. Setälä. – Helsinki : Otava, 1902. – 130 s.
142. Shagal, K. Participial systems in Uralic languages: an overview / K. Shagal. – Helsinki : University of Helsinki, 2018. – S. 55–84.
143. Siikki, I. Tapaa ja keinoa ilmaisevat II infinitiivin instruktiivi ja III infinitiivin adessiivi nykysuomessa: Pro gradu-tutkielma / I. Siikki. – Tampere : Tampereen yliopiston suomen kielen laitos, 1997. – 67 s.
144. Siro, P. Infinitiivin asema suomen kieliopissa / P. Siro // Sananjalka. – 1964. – № 6. – S. 20–26.
145. Siro, P. Suomen kielen lauseoppi / P. Siro. Helsinki : Tietosanakirja Oy., 1964. 167 s.
146. Tunkelo, E. A. Vepsän kielen äänehistoriaa / E.A. Tunkelo. – Helsinki : SKS, 1946. – 922 s.
147. Viitso, T. Äänisvepsa murde väljendustasandi kirjeldus / T. Viitso // Keele modelleerimise probleeme. – 1968. – № 218 – S. 3–296.

148. Vilkuna, M. Suomen lauseopin perusteet / M. Vilkuna. – Helsinki : Edita, 2003. – 348 s.
149. Virpiranta, K. E-infinitiivin instruktiivin käyttö kielenhuollon näkökulmasta / K. Virpiranta. – Oulu : Oulun yliopisto, 2017. – 97 s.
150. Visapää, L. Infinitiivi ja infiniittisyys – tutkimus suomen kielen itsenäisistä A-infinitiivikonstruktioista / L. Visapää. – Helsinki : SKS, 2008. – 218 s.
151. Ylikoski, J. Remarks on Veps purposive non-finites / J. Ylikoski // Journal de la Société Finno-Ougrienne. – 2004. – № 90 – S. 231–276.
152. Zaiceva, M. Vepsän kielen lauseoppia / M. Zaiceva. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2001. – 150 s.

Источники

153. Вепские народные сказки: сборник / сост. Н. Ф. Онегина, М. И. Зайцева. – Петрозаводск : Карелия, 1996. – 261 с.
154. Жукова, О. Ю. Mi meles, se i keles. Vepsläižed muštatišed (Что на уме, то и на языке. Вепские пословицы и поговорки) / составитель О. Ю. Жукова; редакторы Н. Г. Зайцева, З. И. Строгальщикова. – Петрозаводск : Периодика, 2018. – 96 с.
155. Зайцева, М. И. Образцы вепской речи / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л. : Наука, 1969. – 297 с.
156. Миронова, О. Е. Рюрик Петрович: жизнь и деятельность / О. Е. Миронова, М. А. Миронова // Вепский край: история и ее творцы: материалы II и III Межрег. краев. конф. «Лонинские чтения». – Петрозаводск : Verso, 2021. – С. 12–17.
157. Открытый корпус вепского и карельского языков (ВепКар). 2009–2022 [Электронный ресурс]. – URL: dictorpus.krc.karelia.ru (дата обращения: 27. 01. 2025).
158. Baburova, G. Minai om vepsläine heng / G. Baburova // Verez tullei. – 2019. – № 4. – L. 81–87.

159. Hil', D. Unehe sidotud hinged / D. Hil' // Verez tullei. – 2018. – № 3. – L. 84–87
160. Kettunen, L. Näytteitä etelävepsästä I. / L. Kettunen. – Helsinki : SKS, 1920. – 127 s.
161. Kettunen, L. Näytteitä etelävepsästä II / L. Kettunen. – Helsinki : SKS, 1925. – 146 s
162. Kettunen, L. Näytteitä vepsän murteista / L. Kettunen, P. Siro. – Helsinki: SUS, 1935. – 193 s.
163. Košeleva, M. Minun päha tuli, südäimehe sulii vepsän epos tehta / M. Košeleva // Kodima. – 2016. – № 2. – S. 3.
164. Lardot, R. Segoinuded lindud / R. Lardot // Verez Tullei. – 2019. – № 4. – L. 20–52.
165. Lardot, R. Segoinuded lindud / R. Lardot // Verez Tullei. – 2018. – № 3. – L. 8–32.
166. Lebedeva, V. Maggarv'. Külä, kudambas minä rodimoii / V. Lebedeva // Verez tullei. – 2018. – № 3. – L. 33–48.
167. Lönnrot, E. Vepsänman sarnad / E. Lönnrot, N. Zaiceva. – Petroskoi : Verso, 2006. – 40 s.
168. Mošnikov, O. Eläb I erazvuitte / O. Mošnikov // Verez tullei. – 2019. – № 4. – L. 54–58.
169. Polivanova, G. Kaiken rigehtin hänen urokoile / G. Polivanova // Verez tullei. – 2018. – № 3. – L. 54–56.
170. Pul'kin, V. Pit'k päiv / V. Pul'kin // Verez tullei. – 2018. – № 3. – L. 105–108.
171. Rostkova, H. Karjalaine “Kruuga” ühtenzoiti rahvast / H. Rostkova // Kodima. – 2018. – № 8. – L. 1.
172. Setälä, E. Näytteitä Äänis- ja keskivepsän murteista / E. Setälä, J. Kala. – Helsinki : SUS, 1951. – 483 s.
173. Sotnikova, I. Tartui udhe radho / I. Sotnikova // Kodima. – 2016. – № 2. – S. 3.

174. Sovijärvi, A. Äänisvepsän näytteitä / A. Sovijärvi, R. Peltola. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1982. – 171 s.
175. Strogalsčikova, Z. Vepsläine rahvahaline volost' : tegemižen da sauptamižen istorii / Z. Strogalsčikova // Verez tullei. – 2018. – № 3. – L. 3–5.
176. Švecova, D. Ku pätin tehta, tegen lophusai / D. Švecova // Kodima. – 2019. – № 9. – L. 4.
177. Ušinskii, K. Tal'vut šal'koda / K. Ušinskii // Kipinä. – 2018. – № 12. – L. 8–9.
178. Zaiceva, N. Uz' Zavet / [om kändnu Nina Zaiceva]. – Helsinki : Biblijan kändmižen institut; Петрозаводск : Карелия. 2006. – 614 s.
179. Zaiceva, N. Vepsläižil om toivoid i varastusid / N. Zaiceva // Verez Tullei. – 2019. – № 4. – L. 3–6.
180. Zarubalova, M. Minä-ki olen vepsläine / M. Zarubalova // Verez tullei. – 2018. – № 3. – L. 49–53.
181. Žukova, O. «Mitte linduine, mugoine i pajoine». Vepsläižiden muštatesiden polhe / O. Žukova // Verez tullei. – 2018. – № 3. – L. 88–90.
182. Žukova, O. Kuna jokseb ojaine / O. Žukova // Verez tullei. – 2018. – № 3. – L. 98.

Словари

183. Зайцева, М. И. Словарь вепского языка / М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л. : Наука, 1972. – 745 с.
184. Зайцева, Н. Г. Новый русско-вепский словарь / Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен. – Петрозаводск : Периодика, 2007. – 516 с.
185. Зайцева, Н. Г. Орфографический словарь вепского языка / Н. Г. Зайцева, Е. Е. Харитонов, О. Ю. Жукова; [науч. ред. С. А. Мызников]. – Петрозаводск : Периодика, 2012. – 428 с.
186. Словарь русских народных говоров. Вып. 16: Куделя - Лесной / сост. Л. И. Балахонова, О. Д. Кузнецова и др. – Л. : Наука, 1980. – 376 с.

187. Karjalan kielen sanakirja [Электронный ресурс]. – URL: https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi (дата обращения: 30. 01. 2025).

188. Härmäläinen, M. Vepsä-venähine vajehnik / M. Härmäläinen, F. Andrejev. – Moscow; Leningrad : Ugpelgiz, 1936. – 75 s.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опросник

ФИО информанта, место записи /рождения / жительства, г. р.	
ФРАЗА (СКАЖИТЕ ПО-ВЕПССКИ)	ПЕРЕВОД
Мне нужно затопить печь.	
Нужно купить молоко.	
Нужно убрать сено.	
Не нужно сегодня баню топить.	
Нельзя в лесу ругаться.	
Весной уже можно удить.	
Стыдно в воду плевать.	
Хорошо в деревне жить.	
Было хорошо той осенью урожай собирать.	
Лучше всего вязать веники после Троицы.	
Трудно носить дрова.	
Будет трудно носить дрова.	
Тяжело было жить в деревне.	
Куда дрова класть?	
Где рыбу ловить?	
Как сено ставить?	
Где написать?	
Чем куриц кормить?	
Прикажи ему корову подоить.	
Попроси его корову подоить.	
Мама приказала нам ягоды собирать.	
Мама попросила меня суп сварить.	
Мы начали сено ставить.	
Мы начали сенокос.	
Пойду, начну баню топить.	
Молодые начали песни петь.	
Парень принялся кадрили танцевать.	
Они закончили кадрили танцевать.	
Я не смею змей трогать.	
Он посмел медведя убить.	
Он решил на войну пойти.	
Пастух решил отпустить телят.	
Бабушка хочет испечь пироги.	
Мы пытались найти старый дом.	
Дед умел делать обувь.	
Помоги мне собрать ягоды.	
Внук помогает бабушке готовить.	
Я пришел, чтобы помочь.	
Он написал, чтобы спросить.	
Когда на сенокос шли, песни пели.	
Когда корову доишь, говори с ней.	
Пока пили чай, разговаривали.	
Идя в лес, не забудь надеть платок.	
Бабушка укачивала ребенка и пела.	
Мама сидит и прядет.	
Заяц бежит прыгая.	
Он делает работу напевая.	
Грею ноги, растирая их.	
Он открыл дверь постучав.	
Пойду баню топить.	
Он ушел одежду стирать.	
Он помылся.	

Она пришла домой, постирав одежду.	
Научи ребенка читать.	
Он научил меня петь.	
Я сижу и слушаю его.	
Во время чаепития мы разговаривали.	
Я катался на лыжах в лесу.	
Я видел, как она шьет.	
Парни были на рыбалке, мама готовила.	
Отцы вернулись с охоты.	
Он отказал мне в помощи.	
Мама запретила нам бегать.	
Дерево стоит неподвижно.	
Работа осталась несделанной.	
Он ушел не заплатив.	
Испеченные мамой пироги	
Купленный отцом хлеб.	
Поющая птица	
Книга давно прочитана.	
Известный человек приехал в деревню.	
В следующем году он идет в школу.	
Я видел живую бабочку.	
Покойник три дня лежал дома.	
Бабушка сушит собранные в лесу грибы.	
На подсеке посеяна репа.	
Родив ребенка, женщина отдавала его свекрови.	